

Ноябрь 2011

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

Экономикоцентризм в российском либеральном движении

В.ЖУРАВЕЛЬ

И.ШИШКИН

**Предотвращение
угрозы
ядерного терроризма**

**Россия и Украина:
двадцать лет порознь.
Что дальше?**

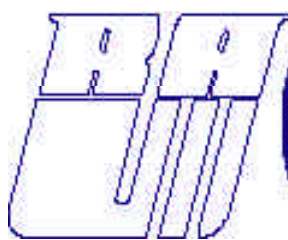
А.ЗУЕВ

С.РЫБАКОВ

**Государство и бизнес
в России**

**Вузовское образование
в России**

Международное право по-натовски

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Актуальные проблемы предотвращения угрозы ядерного терроризма

6

В.Журавель

Терроризм становится устойчивым и опасным фактором общественной жизни, остается самой большой угрозой для человечества в XXI в., о чем свидетельствуют в последнее время как статистика, так и география террористических проявлений. Особенностью современного терроризма является потенциальная возможность применения террористами оружия массового уничтожения, в том числе ядерного.

В статье раскрываются особенности ядерного терроризма, анализируются ситуации, связанные с его применением, и предлагается комплекс мер по противодействию ядерному терроризму.

Взаимоотношение власти и бизнеса в России

15

А.Зуев

Взаимоотношение государства и бизнеса в России является важным как с точки зрения развития государства, так и с точки зрения развития предпринимательства.

Бизнес в России возник в результате проведения государством радикальных либеральных реформ и превратился в самостоятельный субъект не только экономической и социальной, но и политической жизни страны. Это породило важную политическую проблему по согласованию интересов бизнеса и государства.

Изменение формата согласования интересов во взаимоотношениях государства и бизнеса объективно сужает возможности доступа бизнес-структур к механизмам принятия государственных решений.

Экономикоцентризм в российском либеральном мышлении

22

А.Матюхин

Анализируя марксистские истоки экономикоцентрического подхода в современных общественных науках, автор показывает, что идеологи рыночных реформ в современной России являются яркими представителями догматического марксизма.

Методологический марксизм в структуре современного российского либерального мышления тесно переплетается с политическими идеологиями – набором либеральных штампов, получивших статус «священных догматов».

Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций

30

П.Марченя, С.Разин

Первое заседание семинара Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и научного проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации» было посвящено обсуждению докладов «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» (А.Н.Медушевский) и «Вторая русская смута: каверзный ответ на найденный аграрный вопрос» (Д.И.Люкшин).

Оригинальные интерпретации аграрного конфликта представляют новые аргументы для понимания причин и результатов реформ в российском переходном обществе.

Особенности политической борьбы в России

45

А.Борщ

Рассматривая усовершенствование избирательной системы в Российской Федерации, поправки в законодательные акты страны, связанные с выборами в Федеральное Собрание, автор указывает на особенности политической борьбы на современном этапе, освещения выборов в СМИ, проведения теледебатов, пропаганды, PR и информационно-агитационных кампаний как в России, так и за рубежом.

Русский язык на постсоветском пространстве

58

В.Егоров, С.Болтовский

Раскрывая существо одной из важнейших составляющих интеграционных процессов на территории бывшего СССР – сохранения и развития русского языка, авторы рассматривают проблему функционального пространства русского языка в контексте геополитических интересов Российской Федерации.

Проблемы вузовского образования в современной России

66

С.Рыбаков

Одним из инструментов повышения конкурентоспособности страны на международной арене является динамичное развитие системы образования. Российское руководство демонстрирует понимание того, что назрела необходимость вплотную заняться качественными ха-

характеристиками образования. Для их улучшения требуется оптимизировать общее количество вузов, соединить высшее образование с наукой, ускорить становление «вузов нового поколения».

Первые практические шаги в этом направлении сделаны. Однако в российских вузах по-прежнему остается немало проблем, вызванных излишней коммерциализацией образовательной сферы и некритическим заимствованием ряда элементов из образовательных систем Запада.

Модернизация системы экологического образования в России

78

Н.Гусева

Стратегически важным для России является проведение сильной государственной образовательной политики, направленной на сглаживание различий в уровне вузовского образования, а первоочередной задачей – улучшение условий и качества образования, что становится возможным с началом роста национальной экономики и перехода страны на стратегию устойчивого развития.

Применение новых образовательных механизмов включает сочетание политических, педагогических, правовых и экологических принципов. В связи с возрастанием внимания к проблемам экологии в статье проводится комплексный анализ формирования и реализации современной системы экологического образования в стране.

Россия и Украина: двадцать лет порознь. Что дальше?

85

И.Шишкин

Статья посвящена сложным вопросам российско-украинских взаимоотношений в постсоветский период. Автор стремится подвести итоги 20 лет независимости Украины. Он рассматривает причины антироссийской политики украинских властей, роста активности националистических организаций, реабилитации пособников нацизма, возникновение церковных расколов, проблему статуса русского языка на Украине и многое другое.

Проблемы управления инвестиционным процессом

92

Л.Романова

Автор обращает внимание на важность управления инвестиционным процессом в условиях глобализации и формирования инвестиционного климата в целом, а также разработки системной стратегии, направленной на вложения капитала в экономически эффективные, инновационные технологии производства.

Международное право по-натовски

101

В.Галицкий

Касаясь вопроса почему мировое сообщество не в состоянии разрешить возникающие социально-политические конфликты на территориях тех или иных государств международно-правовыми средствами, автор показывает на примере Ливии как США и их союзники по НАТО игнорируют общепризнанные принципы международного права в процессе разрешения внутренних конфликтов в отдельных странах.

Е.Пономарева, Г.Рудов

Афганистан был, есть и останется в ближайшей перспективе важнейшим фактором мировой политики. Наиболее подвержены его влиянию страны Центральной Азии. От политического, экономического и силового решения афганского кризиса непосредственно зависит национальная безопасность стран региона.

В статье дается анализ основных проявлений афганского фактора: социально-политическая нестабильность, экстремизм, наркотрафик, транснациональная преступность, а также способов и методов его нейтрализации правительствами государств Центральной Азии.

Перспективы экономики Катара

121

Э.Касаев

Анализируя текущее состояние ведущих сфер экономики Катара, автор приводит весьма интересные статистические выкладки, характеризует инвестиционную политику этой страны и приходит к выводу о перспективах экономического развития эмирата.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в [Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий](#), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИД-ЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЕВ А.А. – д.п.н., проф.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯИС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. – д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет

АРИСТОВ В.В.	– член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б.А.	– доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А.П.	– президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В.В.	– заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
ДЕЛЯГИН М.Г.	– директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЖУРКИН В.В.	– Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С.	– первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г.	– президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
КРЕМЕНЮК В.А.	– заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И.	– вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г.Л.	– заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»
ПЕТРАКОВ Н.Я.	– директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С.	– директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М.	– академик РАН
СУХАРЕВ А.Я.	– советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л.	– директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В.	– ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
ШАХНАЗАРОВ К.Г.	– генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И.А.	– директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
ЯКОВЛЕВ В.Ф.	– советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Актуальные проблемы предотвращения угрозы ядерного терроризма

Валерий Журавель

По мере распространения на земле ядерных технологий и нарастания угрозы их применения становится все более актуальной проблема защиты мирового сообщества от грядущей ядерной катастрофы.

Недавняя катастрофа на японской АЭС «Фукусима-1» – яркое тому подтверждение. Обсуждение проблемы ядерной безопасности на встрече «Группы восьми» во французском г. Довиле (май 2011 г.) со всей убедительностью показало актуальность данного вопроса.

В прошлом веке были созданы все условия для проявления ядерного терроризма. Это и большое количество ядерных стран с многочисленными претензиями друг к другу; и существование более 20 стран, которые находятся на пороге создания ядерных боеприпасов, что дает мощный толчок к дальнейшему распространению ядерного оружия; и накопление огромных ядерных арсеналов, несмотря на разоруженческий процесс в мире; и существование на территории более чем 30 стран мира около 450 промышленных, а также сотни исследовательских реакторов; и наличие множества различных ядерных объектов инфраструктуры; и наличие в мире 27 тыс. ядерных боезарядов.

Положение усугубляется также тем, что в ядерную сферу вовлечены сотни тысяч специалистов и вспомогательного персонала, что существенно повышает уязвимость существующих систем защиты.

Так, в пределах только 30-километровой зоны вокруг российских АЭС проживает в настоящее время около миллиона человек¹.

С 1993 г. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) подтвердило 560 случаев несанкционированного использования изотопных устройств².

ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович – член Экспертного совета Комитета Государственной Думы ФС РФ, кандидат педагогических наук, лауреат премии 2008 г. «Журналисты против террора». E-mail: zhvalery@mail.ru

Ключевые слова: современный терроризм, стратегия и тактика террористов, Россия, Северный Кавказ, ядерный терроризм, особенности ядерного терроризма.

Немало остается лазеек для террористов и в период разборки оружия и транспортировки его для техосмотра.

В 60–70 годах прошлого века государства затопили значительное количество радиоактивных отходов в Мировом океане.

Так, только на дне Арктики находятся три атомные подводные лодки (АПЛ), один ядерный реактор с АПЛ заказа № 421, один контейнер с экранной сборкой атомного ледокола, пять реакторных отсеков АПЛ и атомного ледокола, 19 судов с твердыми реактивными отходами на борту, 735 радиоактивных конструкций и блоков, более 17 тыс. контейнеров с радиоактивными отходами с отработавшим ядерным топливом³. Затопленные в СССР радиоактивные отходы и в настоящее время, и в будущем будут представлять угрозу промышленному освоению природных ресурсов Арктики, могут стать причиной экологических катастроф в этом регионе.

Угроза ядерного терроризма была осознана мировой общественностью еще в 60-е – 70-е годы, когда в ООН прозвучали первые предложения о принятии международно-правовых актов, которые способствовали бы минимизации этой угрозы. В марте 1980 г. 68 стран подписали разработанную МАГАТЭ Конвенцию о физической защите ядерных материалов.

Подписание подталкивалось произошедшими за тот период более чем 150 инцидентами, которые в той или иной мере свидетельствовали о повышении уровня опасности. В это число вошли взрывы в районе расположения ядерных объектов, попытки проникновения на них, похищения и убийства ученых-ядерщиков, кража и контрабанда различных расщепляющихся материалов и т. п.

Такие случаи имели место не только в России, но и США, Франции и Великобритании.

Ссылаясь на то что в мире не было отмечено террористических актов с использованием ядерных взрывных устройств, широкое распространение получило мнение о том, что проблематика ядерного терроризма сама по себе носит лишь условный характер и на сегодняшний день реальной опасности для человечества не представляет. При этом подчеркивается, что черный рынок для продажи и производства «домашней» бомбы массового поражения если вообще и

есть, то крайне ограничен и преувеличен слухами⁴.

Это не соответствует реальной действительности и тенденциям ее развития. Уже имели место попытки террористов получить доступ к ядерным материалам и даже применить их.

Так, в 1995 г. Ш.Басаев продемонстрировал всей России закладку в Измайловском парке Москвы некоего контейнера с некими радиоактивными материалами. И также намекнул, что он обладает еще атомным и химическим оружием⁵.

Установлено, что активно стремились к приобретению ядерных материалов японская религиозно-террористическая секта «Аум Синрикё» и террористическая группировка «Аль-Каида».

В Афганистане (в Кабуле) при проведении контртеррористической операции были обнаружены документы по изготовлению ядерного боеприпаса.

Задержанные сподвижники Усамы бен Ладена дали показания, что он настойчиво стремился к обладанию ядерным оружием или радиоактивными материалами

В своих выступлениях он неоднократно призывал мусульман к получению ядерного оружия: «Попытаться приобрести оружие, с которым можно противостоять неверным, есть священный долг каждого мусульманина»⁶.

После ликвидации (конец апреля 2011 г.) Усамы бен Ладена его сподвижники сделали заявление о готовности и возможности применения ОМУ.

Ранее они говорили о том, что, если его арестуют, то они будут шантажировать власти применением ядерного оружия, ссылаясь на то, что такое оружие у них есть.

Серьезным источником опасности может стать ядерное оружие, которое в силу определенных причин оказалось утраченным. Такого утраченного ядерного оружия в мире предостаточно.

Например, в феврале 1958 г. американский бомбардировщик уронил в море у берегов Испании мощную термоядерную бомбу. Две американские ядерные авиабомбы находятся в акватории Тихого океана в районе залива Пьюджет-Саунд (штат Вашингтон) и в районе г. Юрика (штат Северная Каролина).

В 1986 г. в Карибском море погибла советская атомная подводная лодка К-219, на которой размещались ракеты с ядерными боеголовками⁷.

В 1989 г. в Норвежском море затонула многоцелевая атомная подводная лодка «Комсомолец», имевшая на вооружении торпеды с ядерными боеголовками. Попытки поднять подлодку или извлечь из нее торпеды оказались безрезультатными⁸.

Все это, хоть и косвенно, способствует возникновению ядерного терроризма.

Профессор О.Тимофеева чисто теоретически выделяет три его типа:

- подрыв ядерного боеприпаса;
- проведение диверсий на ядерных электростанциях или угроза их осуществления;
- использование расщепляющихся материалов для изготовления грязной бомбы⁹.

По мнению А.Ф.Сильнова, целями (угрозами) воздействия нарушителей на ядерно опасный объект могут быть:

- вывод из строя (подрыв, поджог) критических элементов объекта с целью создания аварийной ситуации и усложнения внутриполитической обстановки в стране и регионе;
- захват объекта с целью установления контроля над его критическими элементами, в том числе для демонстрации силы террористических (преступных) групп и выдвижения требований политического, социально-экономического и иного характера;
- блокирование или вывод из строя объекта или отдельных его элементов для привлечения внимания общественности к выдвигаемым экстремистскими группировками экологическим, экономическим, политическим и иным требованиям с целью усложнения социально-политической обстановки в данном регионе;

– хищение ядерных материалов для последующей перепродажи;

– нападение на личный состав караула и боевых постов с целью завладения оружием и захвата отдельных сотрудников в качестве заложников;

– сбор и хищение информации о назначении объекта, его критических элементах и организации охраны⁹.

Когда идет речь о подрыве ядерного боеприпаса то следует отметить, что для террористов мощность атомного взрыва не так уж и важна. Главное – это не физические последствия взрыва, а психологический шок от его осуществления. Поэтому, по мнению экспертов, следует ожидать использования преступниками атомных зарядов малой мощности и радиологического оружия.

Проведение диверсий на ядерных электростанциях не требует знаний в области ядерной физики и может быть осуществлено террористами, имеющими обычную подготовку боевиков. Даже если диверсия не приведет к взрыву реактора или радиоактивному загрязнению местности, психологический эффект от таких действий будет огромным.

В мире существует отлаженная система защиты объектов ядерной энергетики, но она не в состоянии предупредить проведения терактов с использованием нетрадиционных средств.

Предполагается, что намеченной целью одного из угнанных в сентябре 2001 г. самолетов была атомная электростанция под Питтсбургом. В декабре 1995 г. во Франции в ходе волны протестов против эксплуатации АЭС Плейс экстремисты пытались вывести из строя охлаждающий контур одного из энергоблоков станций.

К угрозам провести диверсии на АЭС прибегали и многие террористические организации, в частности, в ходе обеих чеченских кампаний чеченские боевики грозили устроить диверсии на атомных электростанциях России.

Использование расщепляющихся материалов для изготовления грязной бомбы способно нанести большой

ущерб за счет радиационного загрязнения значительных территорий в густонаселенной зоне. Применением этого оружия трудно вызвать массовые жертвы. Наибольшую опасность, связанную с использованием радиологического оружия, исследователи видят в том, что вследствие распространения страха перед радиацией радиологическая атака может спровоцировать панику, социальную и экономическую дестабилизацию, непропорциональную настоящей разрушительной силе этого оружия.

Весьма неоднозначным остается вопрос об источниках получения террористическими организациями оружия массового поражения.

Так, по официальным американским данным, таковыми, прежде всего, называются страны, включенные в «ось зла» (в 2002 г. это были Ирак, КНДР и Иран, а впоследствии – Сирия, Ливия и Куба).

В связи с такой постановкой вопроса автор придерживается вывода Комиссии по ОМУ, которая «отвергает предположение, что ядерное оружие в руках одних не является угрозой, тогда как оказавшись в распоряжении других, оно представляет собой для мира смертельную опасность. Правительства, располагающие ядерным оружием, могут вести себя либо ответственно, либо безответственно. Они также время от времени меняются»¹⁰.

В этом плане свою положительную роль смогла бы сыграть ядерная криминалистическая экспертиза Международного агентства по атомной энергии, технология которой призвана гарантировать отсутствие в той или иной стране, являющейся участницей Договора о нераспространении ядерного оружия, незаявленных ядерных программ.

Признавая опасность ядерного распространения, автор не согласен с утверждением руководителя Центра международной безопасности Института

мировой экономики и международных отношений РАН А.Арбатова о том, что «...ядерное сдерживание в век многополярности и глобализации неотвратимо влечет дальнейшее ядерное распространение и делает неизбежным, рано или поздно, применение ядерного оружия (или взрывного устройства) – как преднамеренного, так и случайного или террористического акта»¹¹.

В этих условиях мировому сообществу надо активно и последовательно проводить политику как по ядерному нераспространению, так и повышению стандартов ядерной безопасности по всему миру, выявлению и нейтрализации террористических групп, стремящихся к обладанию ядерными средствами массового уничтожения. Повышенные требования должны предъявляться к эффективности мер по физической защите, учету, контролю и предотвращению контрабанды радиоактивных материалов¹².

Угроза ядерного терроризма вынуждает к более тесному сотрудничеству как страны, так и международные организации: ООН, Интерпол, Международную организацию экспертов и др. Центральную роль в координации усилий на данном направлении играет ООН, прежде всего ее главные органы – Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, МАГАТЭ, а также различные многосторонние неформальные партнерства. В последние годы в рамках ООН и ее учреждений принят ряд международно-правовых документов по различным аспектам предотвращения ядерного терроризма.

Ядерный терроризм представляет собой совокупность преступных действий, связанных с захватом, хищением, противоправным приобретением, перемещением и использованием ядерных или других радиоактивных материалов с намерением причинить масштаб-

ный ущерб населению, экономике или окружающей среде для устрашения и оказания давления на общество и органы власти¹³. Являясь одним из конкретных выражений смычки терроризма с ОМУ, ядерный терроризм относится к наиболее серьезным вызовам безопасности мирового сообщества.

Под актом ядерного терроризма следует понимать преступную деятельность негосударственных субъектов по организации взрыва или иных действий с использованием ядерных устройств, ядерных установок, объектов и радиоактивных веществ, устрашающих население и создающих опасность его гибели, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти и местного самоуправления, международными организациями, физическими и юридическими лицами, а также угрозу совершения указанных действий в этих же целях¹⁴.

Из почти полутора десятков антитеррористических документов, принятых в рамках ООН, только четыре непосредственно направлены на борьбу с ядерным терроризмом:

- конвенция о физической защите ядерных материалов (1980 г.);
- международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.);
- международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.);
- международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005 г.).

Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма вступила в силу 7 июля 2007 г.

Разработанная по инициативе Российской Федерации, Конвенция стала первым антитеррористическим документом, принятым государствами на упреждение, то есть до совершения террористических актов с использованием

ядерных материалов или других радиоактивных веществ, и первым универсальным международным договором, направленным на их предотвращение. Она подводит эффективную правовую базу под международное сотрудничество в деле предотвращения актов ядерного терроризма, включая их пресечение и ликвидацию последствий, осуществление комплексных мер для антитеррористической защиты как мирного, так и военного атома, служит не только делу борьбы с международным терроризмом, но и способствует укреплению глобального режима ядерного нераспространения.

Конвенция содержит подробный перечень действий (лиц или группы лиц), которые рассматриваются в ней как преступные. Государства-участники обязуются оказывать друг другу максимальную помощь в связи с расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи, предпринятыми в отношении преступлений ядерного терроризма, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для разбирательства.

Однако осознание угрозы ядерного терроризма в мировом сообществе остается все еще недостаточно глубоким. О недооценке опасности свидетельствует то, что ее ратифицировало менее 30 государств, т.е. лишь 15% членского состава ООН. Конвенция еще далека от приобретения универсального характера. По-видимому, общее признание угроз со стороны ядерного терроризма еще не трансформировалось в целом ряде стран в понимание того, что они напрямую затрагивают международную и национальную безопасность.

15 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге Россия и США выдвинули **Глобальную инициативу по предотвращению ядерного терроризма (ГИБАЯТ)**.

Главная цель Инициативы – совершенствование национальных возможностей для противодействия актам ядерного терроризма, укрепление международного сотрудничества и оказание необходимого содействия в этой области государствам. Основная задача ГИБАЯТ – мобилизовать как можно более широкий круг стран для выполнения своих обязательств, вытекающих из упомя-

нутых международно-правовых документов, включить любую возможность осуществления актов ядерного терроризма, обеспечить надежную защиту всех ядерных установок и материалов.

Основные направления, по которым реализуется Инициатива, являются:

- обеспечение неотвратимости наказания террористов и укрепление в этих целях соответствующих законодательств;

- совершенствование систем учета, контроля и физической защиты ядерных материалов и объектов; возможностей по обнаружению и предотвращению незаконного оборота таких материалов;

- развитие сотрудничества в разработке технических средств для противодействия ядерному терроризму и в случае необходимости для реагирования и ликвидации последствий ядерного терроризма.

За время существования Инициативы было проведено пять встреч государств – участников ГИБАЯТ: в октябре 2006 г. в Рабате (Марокко), в феврале 2007 г. в Анкаре (Турция), в июне 2007 г. в Астане (Казахстан), в июне 2008 г. в Мадриде (Испания) и в 2009 г. в Гааге (Нидерланды).

В Инициативе на сегодняшний день участвуют 75 стран, что охватывает 2/3 населения Земли, и, таким образом, вовлекает правительства и спецслужбы в активную работу по обеспечению безопасности 4 млрд чел.

С точки зрения предмета и задач Инициативы важно то, что в ней участвуют не только все государства «ядерной пятерки», но и государства, де-факто обладающие ядерным оружием, – Индия, Пакистан и Израиль. Инициативу поддерживают также МАГАТЭ и Европейский союз, участвующие в ней в качестве наблюдателей.

Россией в рамках Инициативы проведены такие мероприятия, как:

- совещание по сотрудничеству спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов в области выявления, предотвращения и расследования актов ядерного терроризма (Хабаровск, сентябрь 2007 г.);

- семинар на тему «Опыт обеспечения сохранности ЯМ в рамках Международного центра по обогащению урана как вклад в практическое осуществление ГИБАЯТ» (Ангарск, август 2008 г.).

В ноябре 2008 г. Правительством Российской Федерации принято решение о выделении России, начиная с 2010 г., добровольного взноса (2010 г. – 1,5 млн долл. США, в 2011–2015 гг. – по 1 млн долл. США) в Фонд физической ядерной безопасности (ФФЯБ) МАГАТЭ. Значимость нашего участия в ФФЯБ определяется ролью МАГАТЭ в осуществлении ГИБАЯТ. Полноправное членство России в клубе доноров ФФЯБ не только поднимет наш престиж на международной арене, но и позволит влиять на выбор приоритетов в осуществлении МАГАТЭ.

В 2008 г. в Испании в рамках ГИБАЯТ состоялись первые штабные учения (май, Мадрид) и первые полевые учения (октябрь, Авила). Создана Группа по планированию учений. О намерении провести штабные учения заявили Австралия, Нидерланды, Великобритания, Канада, Украина.

Продолжает активно развиваться и совершенствоваться так называемый информационный портал ГИБАЯТ, который становится эффективным инструментом информационного обмена и координации усилий партнеров по вопросам реализации инициативы. Технические возможности обновленного формата портала позволяют в ближайшем будущем проводить видеоконференции, а в перспективе – даже штабные учения. Следует отметить, что ГИБАЯТ, как международный инструмент противодействия угрозе ядерного терроризма, пока имеет больше политического звучания, чем практического наполнения.

14 апреля 2010 г. в рамках этой Инициативы в Вашингтоне состоялся очередной саммит, на который были приглашены главы государств и правительств 45 стран, руководители ряда международных организаций, в том числе МАГАТЭ. Его участники обсудили вопросы повышения ядерной безопасности и предотвращения угрозы ядерного терроризма, а также конкретные меры, которые помогли бы в будущем полностью обезопасить хранение и транспортировку ядерных материалов.

Особое значение этому саммиту придавал тот факт, что он состоялся через три дня после подписания президентами России и США нового Договора о стратегических наступательных вооружениях – СНВ-3, который предусматривает значительное сокращение ядерных арсеналов обеих стран. На пленарном заседании Президент Российской Федерации Д.А. Медведев заявил о решении России закрыть последний

российский реактор-наработчик оружейного плутония в Красноярском крае (Железногорск).

По итогам саммита было принято совместное коммюнике, в котором заявлено о приверженности всех его участников «укреплению физической ядерной безопасности и предотвращению угрозы ядерного терроризма», подчеркнуто, что «для достижения успеха потребуются ответственные национальные меры и постоянное и эффективное международное сотрудничество». Кроме того, в коммюнике подтверждена «основная роль МАГАТЭ в сфере международной ядерной безопасности».

Соединенные Штаты Америки подтвердили свой интерес к ликвидации оружейного плутония в соответствии с подписанным Россией и США протоко-

лом к соглашению 2000 г. о сотрудничестве в сфере утилизации оружейного плутония. Речь идет о ликвидации примерно 34 тыс. т оружейного плутония, который предполагается извлечь при реализации Договора СНВ-3.

США предложили также создать международные центры по производству ядерного топлива, что означает серьезную корректировку Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Согласно этому договору любое неядерное государство имеет право на мирное использование атомной энергии под гарантии МАГАТЭ.

При дальнейшем совершенствовании российской государственной политики в противодействии ядерному терроризму следует учитывать ряд факторов:

- наличие на территории страны значительного количества ядерно и радиационно опасных объектов и материалов, в том числе предназначенных для ликвидации и утилизации, а также неиспользуемых в интересах обороны и экономики страны*;

- физическое старение этих объектов, а также систем, комплексов и средств их физической и противопожарной защиты и охраны;

- необходимость переработки большого количества ядерных материалов, накопленных в результате создания ядерного оружия и производства ядерных оружейных материалов, функционирования предприятий атомной энергетики и промышленности, эксплуатации подводных и надводных кораблей с ядерными энергетическими установками, атомного ледокольного флота;

- уровень и темпы сокращения ядерного оружия ведущими государствами мира;

- рост числа лиц, допущенных к работе с ядерными материалами, среди которых могут оказаться либо сами террористы, либо идейно сочувствующие им или завербованные ими специалисты, либо просто психически нездоровые люди;

- необходимость постоянного усиления охраны ядерных материалов, радиоактивных веществ и изделий на их основе при их транспортировке. Так, под охраной внутренних войск МВД России из перевозимых по территории страны специальных грузов 70% составляют ядерно и радиационно опасные¹⁵;

- необходимость совершенствования контроля за ядерными материалами и радиоактивными веществами при пересечении таможенных границ;

- возрастание роли антропогенного фактора в провоцировании чрезвычайных ситуаций на ядерных объектах, включая снижение общего уровня профессиональной подготовки персонала, нарушения правил и порядка обеспечения физической защиты, хранения, обращения и утилизации опасных объектов и материалов;

* По прогнозам специалистов, через 10 лет мировой объем непереработанных ядерных материалов увеличится примерно вдвое // URL: <http://www.tvet.comua/news/1543>

– уровень эффективности государственного управления и регулирования в сфере безопасности в условиях обострения угроз техногенного и террористического характера;

– усиление угроз террористического характера в отношении ядерно- производственных объектов и материалов со стороны международных и иных радикальных террористических организаций и групп.

Заслуживает поддержки предложение директора Института проблем безопасного развития атомной энергетики Российской академии наук Л.Большова о проведении системного и междисциплинарного анализа практического опыта реагирования на радиационные аварии и ликвидации их последствий с целью выработки рекомендаций по эффективным контрмерам в случае радиологических терактов¹⁶, высказанное на семинаре в Государственной думе России (сентябрь 2007 г.).

Нужны критерии, определяющие антитеррористическую устойчивость объектов повышенной ядерной опасности. К примеру, одним из надежных средств обеспечения безопасности ядерно и радиационно опасных объектов, на наш взгляд, должно быть физическое уничтожение террористов при попытке проникновения их на охраняемую территории объекта.

Необходимо более активное внедрение современных информационных и технических технологий за контролем и защитой информации, о передвижении транспорта с ядерным оружием, ядерными и радиоактивными материалами по автомобильным, водным и железным дорогам.

Требуется совершенствование законодательства для предотвращения террористических актов в отношении ядерно и радиационно опасных объектов и материалов. Надо законодательно определить обязательность государственного мониторинга этих объектов.

Реализация этих предложений позволит в значительной мере снизить опасность ядерного терроризма.

Примечания:

¹ Шпаковский Ю.Г. Техногенная безопасность современной России. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 129.

² URL: <http://www.basicint.org/hubs/Notes/BN070425.pdf>

³ Атомное наследие холодной войны на дне Арктики. Радиологические и технико-экономические проблемы радиационной реабилитации морей. М.: Ин-т безопасного развития атомной энергетики РАН. 2009. С. 11.

⁴ Буркин А.И., Возженников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М., 2005. С. 324.

⁵ Пути и средства обеспечения безопасности Северного Кавказа / под общ. ред. Д.А.Еделева и Н.П.Медведева. М. Пятигорск. 2009. С. 183.

⁶ Цит. по: Белоус В. Ядерный терроризм: попытки уже были // URL: http://nvo.nq.ru/concepts/2004-10-08_04_terrorism.html

⁷ Тимофеева О.Ф. Международный терроризм – экономическая сущность. М., 2008. С. 137–138.

⁸ Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 49.

⁹ Терроризм в современном мире / под ред. В.Л.Шульца. 2-изд. М.: Наука, 2011. С. 499–500.

- ¹⁰ Оружие террора: Освободить мир от ядерного, биологического и химического оружия. М., 2007. С. 64.
- ¹¹ Арбатов А.Г. Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 1. С. 24.
- ¹² Рогачев Д. Установление происхождения ядерных материалов, вовлеченных в террористическую деятельность // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 10. С. 20–22.
- ¹³ Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. М., 2003. С. 58; Томило О.Г., Иванов С.М. Предотвращение угрозы ядерного терроризма – веление времени // Право и безопасность. 2010. № 3. С. 87.
- ¹⁴ Калядин А.А. Глобальная инициатива по борьбе против ядерного терроризма: принципы, практика, проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 1. С. 3; Метельков А.Н. Правовой режим противодействия ядерному терроризму // История государства и права. 2008. № 5. С. 5.
- ¹⁵ Панченков В.В. Противостоять внутренним угрозам (Интервью с заместителем министра внутренних дел – главнокомандующим внутренними войсками МВД России генералом армии Н.Е. Рогожкиным) // Защита и безопасность. 2011. № 1. С. 5.
- ¹⁶ Противодействие ядерному и радиологическому терроризму: материалы междунар. научно-практич. семинара Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. М., 2007. С. 74.

Подписка на 2011 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на полугодие
36789 — на год

Взаимоотношения государства и общества в России

Артем Зуев

Функции бизнеса в современном обществе

Экономические реформы, произошедшие в Российской Федерации, потребовали от государства проведения глубоких институциональных, правовых и социальных преобразований, что придало политическому взаимодействию бизнеса и власти системный характер. Поэтому в этих взаимоотношениях прослеживаются системные подходы, основанные на:

- общественном договоре между бизнесом и властью;
- системном кризисе и отношениях в условиях государственного корпоративизма.

В настоящее время во взаимоотношениях бизнеса и власти отмечается усиление роли политических факторов, а российское государство во взаимоотношениях с бизнесом постепенно занимает доминирующую позицию.

Необходимо подчеркнуть, что бизнес в России возник в результате проведения государством радикальных либеральных реформ. В последние годы он превратился в самостоятельный субъект не только экономической и социальной, но и политической жизни страны, что породило важную политическую проблему по согласованию интересов бизнеса и государства. Поэтому проблемы взаимоотношения бизнеса и государства выдвинулись на одно из ведущих мест в политических процессах современной России. Принятие государственных решений в сфере экономики требует обладания точной, разнообразной и глубокой информацией о ситуации в различных отраслях народного хозяйства. В связи с этим необходимо постоянное консультирование государственной власти с представителями бизнеса как эксперта-

ЗУЕВ Артем Вячеславович – старший преподаватель Института коммуникационного менеджмента НИУ ВШЭ, соискатель Института социологии РАН. E-mail: artemzueff@yandex.ru

Ключевые слова: бизнес-структуры, функции бизнеса, взаимоотношения государства и бизнеса, социальное партнерство.

ми в своих областях. Причем важно, чтобы эта экспертиза была ответственной и направленной не только на интерес отдельного предприятия, но и отрасли в целом¹. Наиболее распространенными примерами таких формализованных структур в России являются представители одной или чаще нескольких групп интересов². Следовательно, место и роль бизнеса в современном российском обществе обусловлено его основными функциями в общественном развитии – это *экономическая функция*, поэтому вне зависимости от политического режима или религиозных взглядов каждое общество способно успешно развиваться только при условии активной хозяйственной деятельности, обеспечивающей как минимум свое воспроизводство.

Не менее важной является и *политическая функция* бизнеса. Политическая жизнь любого общества в конечном итоге выражает столкновение или взаимодействие конкретных интересов, прежде всего политических. Поэтому бизнесмены, объединенные в отраслевые или региональные союзы и ассоциации, могут оказывать существенное влияние на принятие политических решений. Однако, даже несмотря на определенные сложности избирательного процесса в России, следует признать, что в настоящее время без активного участия и поддержки бизнеса не обходится ни одна кампания по формированию органов государственной власти и местного самоуправления³. Бизнес также оказывает одним из решающих факторов формирования и развития гражданского общества⁴.

В определенной степени бизнес выполняет по отношению к обществу и *лидерскую функцию*, в том плане, что его состояние, цели, характер и способы осуществления деловой активности определяют состояние общественной жизни страны.

В современном российском обществе бизнес выполняет и *инновационную функцию*, обеспечивая не только экономические условия развития общества, но и реализацию новейших достижений науки и технологий⁵.

Следовательно, можно признать, что российский бизнес по отношению к государству выступает связующим звеном, обеспечивающим интеграцию общества, что выражается в существовании и развитии *функции социального партнерства*.

Немаловажное значение в этой системе связей играют спонсорство, патронаж и благотворительность, связанные с организационной и прежде всего финансовой поддержкой проектов и программ в социально-экономической сфере, науке и образовании. Поэтому социальное партнерство является одной из наиболее динамичных и пластичных функций бизнеса в стране. Однако эта его функция, к сожалению, не всегда учитывается общественным мнением, живущем до сих пор преимущественно патриархальными представлениями о бизнесе.

Необходимо подчеркнуть, что *деловая активность* как функция современного российского бизнеса напрямую связана не только с множественностью связей бизнеса, но и, в первую очередь, с серьезной и радикальной эволюцией самого бизнеса. Мы являемся свидетелями того, как на наших глазах происходит эволюция его культуры.

Действительно, современный отечественный бизнес связан активными отношениями с потребителями и поставщиками, экспертами и партнерами, конкурентами и кредиторами, инвесторами и общественными деятелями. Но главным и основным партнером современного российского бизнеса является само государство.

Этапы взаимоотношений бизнеса и государства

На взаимодействие между бизнесом и государством в стране сильный отпечаток накладывает включенность бизнеса в процесс «транзита интересов». В начале 90-х годов XX в. результатом «транзита интересов» стало появление раздробленного, маловлиятельного и тесно связанного с государственными структурами бизнеса. В «старых» секторах экономики, унаследованных от советской системы хозяйствования, главным препятствием коллективных действий зарождающегося в стране предпринимательства стало отсутствие необходимых финансовых ресурсов. В это время в «новых» секторах экономики, связанных с формирующимися рыночными отношениями, коллективные действия предпринимателей ослаблились отсутствием доверия не только со стороны государственной власти, но и общества в целом, что проявилось в склонности предпринимателей к индивидуалистическим стратегиям. При этом появление значительного количества приватизированных крупных, средних и особенно мелких предприятий, сохранение просоветского уклада в экономике, а также неконсолидированное состояние политической власти обусловили неустойчивость баланса во взаимоотношениях между бизнесом и государством.

В период «суперпрезидентской республики» (1991–1995 гг.) в стране доминировала новая административная и политическая элита. В первой половине 90-х годов XX в. более половины бизнесменов составляли бывшие чиновники союзных и российских министерств. Кроме того, и бизнес-структуры, как правило, создавались сверху и только потом «прорастали» на региональный и муниципальный уровни. Поэтому в этот период формирующееся бизнес-сообщество было расколото на «новых предпри-

нимателей» и «красных директоров». Партнерские отношения внутри самого бизнеса отсутствовали, а между многочисленными ассоциациями и союзами велась активная борьба за лидерство⁶.

Большинство ранних бизнес-ассоциаций представляли собой «персоналистские» объединения, основу которых составляли узкие группы бизнесменов, сплотившихся вокруг конкретного лидера. Поэтому не в бизнес-ассоциациях, а на базе конкретных предприятий были созданы «партии интересов» для участия в выборах в Государственную думу в 1993 г., и почти все они потерпели поражение.

Последующее сближение государства и российского бизнеса проходило в рамках установления связей с наиболее крупными финансовыми структурами, способными взять на себя функцию агентов государства или высшего политического руководства. Центральное место среди них заняли *патронаж* и *клиентела* как разновидности иерархических отношений внутри определенных социальных групп интересов. Вот почему первое время «политические патроны» прочно удерживали свои позиции, а сами отношения сохраняли иерархический характер.

В новых секторах экономики бизнес только начал складываться, поэтому их корпоративные связи были очень слабы. Исходя из этого, систему взаимоотношений государства и бизнеса в этот период следует называть *патронажно-клиентельной*.

В этой формирующейся системе предприниматели из новых секторов экономики не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на принятие решений не только в государственных структурах, но и бизнес-сообществах, в которые они входили как полноправные члены.

Период (1994–1999 гг.) в развитии отношений государства и бизнеса отличался особой противоречивостью. На новой волне предпринимательства преимущество получили отраслевые и секторные бизнес-ассоциации, создававшиеся во многих случаях не сверху, а снизу, поэтому соперничество в предпринимательской среде заметно ослабло и наметилось преодоление фрагментации в представительстве интересов в различных секторах производства. Бизнес-ассоциации в этот период отказываются от участия в выборах практически всех уровней и ориентируются на лоббизм в государственных структурах⁷.

Период 2000–2008 гг. характеризуется легитимацией крупного бизнеса в качестве второго после государства субъекта модернизации. Однако государственная власть не захотела опереться на бизнес-ассоциации как на своего основного посредника во взаимоотношениях с предпринимателями. Был взят курс на формирование моноцентрического режима, характерного для данного периода взаимоотношений власти и бизнеса в России. В этот период фактически произошло восстановление строгой иерархии во взаимоотношениях между государством и бизнесом, и государству удалось вернуть себе функции ведущего субъекта отношений и перевести крупный бизнес в категорию «младшего партнера».

Государством практически была провозглашена его «удаленность» от бизнеса, которая на практике означала отказ от обвязывающих связей с бизнес-сообществом и ликвидацию политических инструментов, позволявших бизнес-ассоци-

ациям в недавнем прошлом оказывать политическое давление на исполнительную власть в Федеральном центре⁸.

Очередной этап в развитии взаимоотношений власти и бизнеса начался в России в 2008 г. и продолжается в настоящее время. Он характеризуется новым конфликтом двух взаимодействующих субъектов: государства и крупного бизнеса. После выборов Президента РФ (2008 г.) государственная власть обрела «абсолютно доминантный» статус по отношению к крупному бизнесу. Одновременно с этим происходит расширение влияния государства и в экономике, и политике, а в арсенале инструментария государства появляются «дирижерские» методы.

Важно также отметить, что в настоящее время изменение формата политического режима взаимоотношений государства и бизнеса объективно сужает возможности доступа бизнес-структур к механизмам принятия государственных решений.

Таким образом, для исследования политических механизмов наиболее эффективным подходом оказался системный подход, в рамках которого политическая система была представлена как совокупность политических процессов, а ключевой основой отношений между бизнесом и государством выступал уровень контроля над политическими процессами. Поскольку степень влияния обеспечивается ресурсами, можно сделать вывод о моделях взаимодействия власти и бизнеса, в которых субъекты могут взаимодействовать равноправно или подчиненно по отношению друг к другу.

Политические модели взаимодействия государства и бизнеса в России

Смена моделей взаимоотношений государства и бизнеса в России в целом следовала логике трансформации политического режима. В этой системе

координат взаимодействие бизнеса, власти и местного самоуправления в социальной сфере можно описать в виде четырех конструктивных моделей:

- принудительная благотворительность,
- предвыборная благотворительность,
- социальная благотворительность,
- социальное партнерство.

Безусловно, эти модели условны, и в реальности их элементы постоянно переплетаются, сосуществуют, обогащают и усложняют друг друга. Задача этих моделей – дать инструмент для понимания ситуации и планирования взаимодействия бизнеса и власти в современной России.

Модель 1. Принудительная благотворительность. Основная характеристика модели заключается в диктате власти, препятствующей развитию корпоративных программ и повышению качества государственного и муниципального управления. Бизнес вынужден следовать директивам государственной власти, упуская существенный элемент управления – экспертизу целесообразности финансируемой деятельности и оценку ожидаемых результатов, а также поиск решений, наиболее эффективных для общества.

В рамках данной модели благотворительность становится для бизнеса условием вхождения в рынок и способом преодоления административных барьеров. Желание органов государственной и муниципальной власти сохранить существующую социальную инфраструктуру, страх перед структурными реформами, которые могут потребовать сокращения работников бюджетной сферы или их профессиональной переориентации, приводят к тому, что средства, запрашиваемые у бизнеса, направляются на консервацию существующей социальной сферы, зачастую не слишком полезной для населения.

Прямым следствием принудительной благотворительности является низ-

кая эффективность социальных программ бизнеса.

Типичными примерами в этом отношении являются:

- строительство крупных объектов, которые муниципалитеты не могут содержать;
- поддержка «умирающих» объектов социально-культурной сферы, препятствующая оптимизации сети бюджетных учреждений;
- прямые доплаты к заработной плате работникам бюджетных учреждений, «консервирующие» неэффективную структуру занятости.

Корпоративное финансирование, зажатое в рамки принудительной благотворительности, порождает иждивенчество.

Модель 2. Предвыборная благотворительность. В этой модели ни власть, ни бизнес не могут диктовать другой стороне свои правила. Взаимодействие строится, исходя из принципа: «Выгодно одному – невыгодно другому». Социальная ответственность в этом контексте понимается как инструмент политических манипуляций и давления сторон друг на друга в рамках избирательных кампаний. Население страны в этой модели рассматривается исключительно как потенциальные избиратели.

Одним из способов осуществления предвыборной благотворительности является фактическое финансирование социальных программ в рамках избирательных кампаний.

Модель 3. Социальная благотворительность. Суть модели взаимоотношений власти и бизнеса заключается в том, что представители государственной власти считают, что решение о выборе направлений социальных программ нужно принимать на уровне региональной власти и органов местного самоуправления, так как предприниматели не понимают нужд населения и социальных проблем региона в целом.

Обычно бизнес участвует в реализации социальных программ и акций,

инициированных местной администрацией, что не исключает ряда взаимных претензий. Претензии бизнеса относятся в основном к многочисленным и не скоординированным друг с другом «запросами» на оказание помощи, а претензии органов государственной власти связаны с тем, что бизнес не выделяет достаточного финансирования.

Модель 4. Социальное партнерство. Социальное партнерство – это связь между производственными, властями и населением, где непосредственно осуществляется деятельность предприятия.

В этой модели стороны осознают, что ни государство, ни бизнес, ни местное самоуправление, ни общественность в одиночку не могут обеспечить благосостояние населения, политическую и экономическую стабильность в обществе. Поэтому в рамках данной модели взаимодействие строится по принципу: «Выгодно каждому – выгодно всем».

Следовательно, наиболее эффективной, с точки зрения бизнеса, моделью взаимодействия бизнеса и государства является совместное определение приоритетов социальной политики в тех областях, где бизнес может принять активное участие.

В рамках данной модели взаимоотношений представители власти предлагают взять на себя функцию координатора социальных инвестиций бизнеса, т.е. стать гарантом их эффективного и целевого использования. Предприниматели, в свою очередь, ждут от государства и местного самоуправления комп-

лексных мер по формированию единой прозрачной политики поддержки благотворительности и социальных инвестиций бизнеса.

В то же время следует признать, что ожидания бизнеса по отношению к власти в рамках данной модели взаимодействия выходят за пределы координации действий. В деловых кругах растет недовольство тем, как органы региональной власти и местного самоуправления расходуют бюджетные средства и управляют социальной сферой. Следует признать, что нередко бизнес быстрее органов государственной власти реагирует на негативные тенденции в муниципальном развитии и первым выходит с предложениями по преодолению критических ситуаций. Корпорации – лидеры в области социальной ответственности активно привлекают консультантов к разработке направлений и мер по повышению эффективности бюджетного и управленческого процессов. При этом в отношениях, основанных на принципах социального партнерства, подобные разработки обычно носят рекомендательный, а не директивный характер и опираются на соглашения о партнерстве или сотрудничестве в области стратегического планирования социально-экономического развития.

Необходимо подчеркнуть, что инициативы бизнеса, направленные на повышение эффективности управления в органах региональной власти и местного самоуправления, носят пока единичный характер. Но именно они являются инновационно привлекательными.

Таким образом, в настоящее время становится очевидным, что государство является ключевым субъектом во взаимодействии власти и бизнеса. При этом государство является доминирующим, а бизнес выступает в роли соподчиненного игрока.

Следовательно, механизмы политико-правового взаимодействия государства и бизнеса оказались заменены механизмами политического воздействия государства на бизнес.

С точки зрения системного подхода, можно сделать вывод о том, что в настоящее время российское государство не реагирует на требования бизнеса, принимая от него только сигналы «поддержки». Сейчас российскому бизнесу фактически отводится лишь роль посредника в поставке ресурсов, а все атрибуты власти государство монопольно закрепило за собой. Кроме того, государство отказывает крупному бизнесу и в праве самостоятельно определять цели его социальных инвестиций, что сказывается на получении бизнесом «репутационных» и политических дивидендов.

В новой модели государственного партнерства бизнес фактически лишился статуса партнера.

Примечания

- ¹ Российская промышленность: институциональное развитие. Вып. 1 / под ред. Т.Г.Долгопятовой. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.
- ² Алексеева О.И. Корпоративная социальная ответственность в России // Social Economy and Law Journal. 2003. № 1.
- ³ Шохин А.Н. Место бизнеса в политической системе России // Модернизация экономики и общественное развитие. М. 2007.
- ⁴ Горшков М.К. Социальные факторы консолидации российского общества. М.: Новый хронограф. 2010.
- ⁵ Ясин Е.Г. Модернизация экономики России: социальный контекст. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
- ⁶ Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Галутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказской Академии государственной службы, 2004.
- ⁷ Перегудов С.П. Бизнес и бюрократия: эволюция отношений // Публичная политика в современной России. М., 2006.
- ⁸ Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.

Экономикоцентризм в российском либеральном мышлении

Андрей Матюхин

Волны глобального финансово-экономического кризиса, с периодичностью накатывающиеся на российский «островок стабильности», актуализируют не столько важность аналитики неких универсальных экономических моделей и процессов, сколько необходимость совокупных социокультурных исследований, где экономические факторы являются лишь частью интегральной системы функционирования современных обществ.

Большой ошибкой было бы считать, что кризис носит сугубо экономический характер; для выявления его причин и поиска путей выхода необходим комплекс социальных, культурологических, экономических, политических, исторических исследований. Без серьезной комплексной и многоуровневой аналитической почвы любые прикладные задачи, например в экономической сфере, грозят обернуться набором звучных тезисов и принести мало практической пользы.

В этой связи одной из важнейших задач, стоящих перед научным сообществом в России, является преодоление своеобразного экономикоцентризма, имеющего глубокие корни не столько в общественном сознании, сколько в «интеллектуальной прослойке» представителей отечественной науки.

Экономицентризм – это определение экономических факторов развития и функционирования общества в качестве основных, базовых для всех

иных социальных сфер. Истоки экономикоцентризма в России лежат в интенсивном распространении марксистских идей, начиная с второй половины XIX в.

МАТЮХИН Андрей Викторович – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия». E-mail: madr@mail.east.ru

Ключевые слова: экономикоцентризм, идеология, догматы, марксизм, либерализм.

Немецкий философ и экономист Карл Маркс (1818–1883 гг.) в своих работах «К критике политической экономии», «Немецкая идеология», «Капитал» и др. заложил основы диалектического и исторического материализма, выявил объективные закономерности и формации общественного развития, доказывал неизбежность коммунистического «окончания истории».

В 60-х – 70-х годах XIX в. появились первые переводы на русский язык некоторых работ Маркса.

К концу же XIX – началу XX в. в интеллектуальных кругах России К.Маркс становится наиболее известным и популярным автором, а сам марксизм приобретает очертание «религиозного откровения», оказавшего влияние даже на философию Серебряного века.

Многие русские мыслители и общественные деятели были буквально очарованы логической стройностью и экзистенциальным «революционным духом» марксистской концепции.

Господство в советский период марксизма в качестве «единственно верной теории» оказало колоссальное влияние как на развитие России в конце XX – начале XXI в., так и на современные научные подходы, причем не только в экономике, но и во всех общественных дисциплинах. Несмотря на более чем 20-летние «официальные похороны» марксистской идеологии и методологии, большинство научных и учебных работ по социальной, экономической, исторической, философской, политической и т.д. тематике в современной России буквально пронизаны духом диамата и истмата.

Марксизм сформировал методологическую основу мышления современных российских ученых. В основе этого мышления – экономикоцентризм.

Согласно положениям марксизма, неоспорим примат экономики (экономического базиса) над политикой, культу-

рой и идеологией (надстройкой). Отсюда выводилась прогрессистская теория универсальных общественно-экономических формаций, концепция классовой борьбы, диктатуры пролетариата, присутствовала безусловная вера в конечное торжество мировой революции и глобального коммунизма.

Сам марксизм являлся своеобразным ответвлением, радикальной версией, «пасынком» западноевропейского проекта «Просвещение» эпохи Нового времени. Именно данный просветительский проект определил основные политические и социально-экономические параметры современной западной цивилизации. Эволюция этого проекта к началу XXI в. и стала основной причиной современного глобального кризиса в форме западной версии экономикоцентризма – либерально-рыночного фундаментализма.

В ленинско-сталинский период революции, Гражданской войны и построения социализма в области практической политики догматы марксистского учения отнюдь не торжествовали. Можно даже утверждать, что как политики «эмпирические» ни В.И.Ленин, ни И.В.Сталин не являлись марксистскими догматиками, но проявили себя как жесткие и эффективные политические менеджеры. Оба относились к марксистскому учению больше футурологически, и даже романтически. Их привлекал великий «образ будущего», возможность построения общества без эксплуатации человека человеком, общества торжествующей социальной справедливости, «рождение» принципиально новой в истории человечества экзистенциально социализированной личности, лишенной «частнособственнических (низменных) инстинктов» и «родимых пятен» прошлого («от каждого по способностям, каждому по потребностям»).

Этот «образ будущего» и стал основой теоретического позиционирования марксизма-ленинизма как «единственно верного учения» в период правления И.В.Сталина, одновременно еще более усугубившего разрыв между практической политикой и «голой» теорией и методологией, что в дальнейшем станет одной из причин разрушения Советского Союза.

История этого расхождения между теорией и практикой берет свое начало с конца XIX в. в рамках развития отечественного марксизма. Г.В.Плеханов, популяризатор марксистского учения в России, являл собой образ «ищущего теоретика», весьма распространенного среди русской интеллигенции. Для «ищущего теоретика», в случае сомнений в прежних убеждениях, крайне важно «прислониться» к новой «твердокаменной» теоретической стене, расставляющей все точки над i.

Плеханов в ранний период своей жизни являлся одним из идеологов народничества и был одним из лидеров организаций «Земля и воля» и «Черный передел». Однако под влиянием работ К.Маркса Плеханов одолел «червь сомнения», и в начале 80-х годов XIX в. он полностью «перестроился» на новую теоретическую платформу, резко разойдись с народниками.

Важно при этом отметить, что Плеханов стал основателем именно догматического марксизма в России. Он эмоционально принял учение Маркса, нашел в нем «философское утешение». Отсюда и безусловная вера в Маркса, вера в «слово учителя», абсолютное восприятие учения целиком.

В полемике с народниками Плеханов выдвинул ряд ключевых положений русского догматического марксизма:

- основа для анализа общественно-го развития России – социальная философия, базирующаяся исключительно

на материалистической диалектике Маркса;

- отрицание особого экономического характера развития России (она должна пройти тот же путь, что и страны Западной Европы);

- прогрессивному развитию России препятствуют крестьянская община и абсолютная монархия;

- социалистическая революция станет закономерным итогом продолжительного развития русского капитализма.

Ментально Плеханов скорее схож с лидером российских либералов начала XX в. П.Н.Милюковым, с той лишь разницей, что для последнего «твердокаменной» теоретической стеной являлось «методологическое» западничество, безусловная вера в западные институты как универсальные образцы подражания на пути к подлинной «цивилизованности» и «культуры» России.

Милюков постоянно оперировал крайне теоретизированными образами и в практической политике оказался абсолютно несостоятельным, проиграл все, что можно было проиграть.

Поэтому «веховские» и эмигрантские «саморазоблачения» достаточно хорошо охарактеризовали тип русского интеллигента-теоретика с присущими ему утопизмом, мечтательностью, схематизмом, беспочвенностью, псевдорационализмом, догматизмом¹.

Иное дело Ленин и Сталин. В практической политике и тот и другой отнюдь не держались за авторитетные теоретические схемы, часто игнорировали жесткие «закономерности» догматического марксизма, по необходимости переворачивали марксистскую «пирамиду» первичности экономических факторов, отдавая приоритет политике, идеологии и политическим технологиям. II съезд РСДРП (1903 г.) стал «водоразделом» между двумя направлениями

русского марксизма: догматическим, прозападным, эволюционно-выжидательным меньшевизмом и практико-ориентированным, национал-радикальным большевизмом. В своей «эмпирической политике» большевизм, в отличие от меньшевизма, преодолел догматический марксизм как направление западной мысли, как теоретическую схему развития европейского общества. Большевизм умело задействовал механизмы российской общинной психологии в период утверждения у власти, а в процессе реализации радикальной модели социалистической модернизации и вовсе «переродился» в национальном ключе, создав «продвинутую» советскую версию традиционной конкуренции в цивилизационном противостоянии с Западом.

В этой связи любопытно привести мнение бывшего министра иностранных дел в «белом» правительстве А.В. Колчака проф. Ю.В. Ключникова. Уже после Гражданской войны он отмечал, что «большевики и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества»².

Соединение элементов теоретического марксизма с традиционализмом и ментальностью «русской почвы» наиболее заметно проявилось в период правления И.В. Сталина, сохранившего некоторую «инерцию синтеза» и после его смерти.

Однако во второй половине 50–80-х годов восторжествовала иная, противоположная тенденция. Ленинско-сталинский период «творческого марксизма», период опоры на политическую интуицию «красных царей», период неформального понимания специфики российской цивилизационной среды сменился эпохой формализованной «голой» теории. Воцарился «сусловский» тип

строгой идеологической регламентации и жесткой привязки к марксистской теоретической схеме. Через 100 лет плехановский догматический марксизм вернулся в Россию уже на уровне государственной политики ЦК КПСС.

Официальное утверждение марксизма-ленинизма в качестве неоспоримого «научного откровения» и «единственно верного учения» привело к «твердокаменному» постулированию теоретического набора «застывших» марксистских положений середины XIX в. и ленинских тезисов начала XX в. Догматика все дальше расходилась с реальной жизнью общества, что стало главной причиной духовного кризиса советской системы и привело к крушению великого государства. Официальные идеологи догматического марксизма не смогли ответить на новые мировые вызовы.

Возвращаясь к проблемам современной России, необходимо отметить, что неслучайно и главные «архитекторы» перестройки (А.Яковлев, А.Волский, А.Аганбегян и др.), и идеологи радикальных рыночных реформ 90-х годов (Е.Гайдар, Е.Ясин и др.), как и многочисленные аналитики, обслуживающие власть, явились своеобразными апологетами плехановско-сусловской традиции экономикоцентризма.

«Аналитическая» часть российской политической элиты последнего двадцатилетия, ответственная за стратегию развития страны, рекрутировалась из «интеллектуальной прослойки», сформировавшейся в позднесоветский период (можно спорить лишь о том, были ли это лучшие, или не лучшие ее представители, но в целом это не так важно). Парадокс заключается в том, что именно «аналитическая» часть российской элиты, неизменно декларирующая необходимость «преодоления» советского на-

следия и выбор «цивилизованного» пути развития, была и остается ярким представителем догматического «истинного марксизма», где экономикоцентризм находится в основе методологических установок, как и в целом – в фокусе научного мировоззрения.

В этой связи неудивительно, что под влиянием политической конъюнктуры современные «аналитики» и «стратеги» при власти вполне органично и без отказа от фундаментальных основ своего мировоззрения перешли с версии советского на позиции западного либерально-рыночного экономикоцентризма, переключились с прогрессистской теории «построения коммунизма» на псевдомодернизационную концепцию либеральной унификации как тотальной вестернизации – нового варианта глобальной утопии – либерального «конца истории» (Ф.Фукуяма).

Теперь уже современные западные институты и модели признавались в качестве подлинных «образцов подражания» для «отсталой» России, сбившейся с «магистральной колеи», застрявшей на «запасном пути» политического марксизма.

Именно методологический марксизм либеральных идеологов реформ 90-х годов позволил, например, считать, что для успешной модернизации России необходимо предельно скорое «переформатирование» экономической системы на тотально рыночные рельсы. Как и в догматическом марксизме, здесь был предельно заострен собственно экономический фактор, выступающий первичным, базовым элементом преобразований.

Процесс либеральных реформ виделся следующим образом: после максимально быстрого внедрения передовых рыночных образцов новые экономические институты заработают и подтянут все иные «отсталые» (культурные и по-

литические) сферы общественной жизни России до необходимого уровня западных («цивилизованных») стран.

В реальности же подобный экономикоцентризм радикальных реформ напрямую обусловил кризисные и разрушительные процессы не только в социальной, но и в самой экономической сфере российского общества, привел к серьезному экономическому отставанию страны, жесткой привязке к «сырьевой трубе». Вместо декларируемой либеральной элитой приверженности «постиндустриальным ценностям» в реальности восторжествовали противоположные – доиндустриальные тенденции.

Катастрофические результаты «ускоренных преобразований» несомненны: Россия не только не смогла в современном мире дать адекватный модернизационный ответ, но и по всем социальным и экономическим показателям оказалась отброшенной назад, обрела статус «периферийной» страны.

Либеральная вестернизация 90-х годов за последние 11 лет подверглась некоторой «околопатриотической» корректировке в политико-культурной и информационной сферах, но сохранила свой вектор в экономической модели развития. Специфика нынешней весьма условной «национальной идеи России» при внимательном анализе позволяет выявить ряд противоречий.

Например, современная либеральная экономическая программатика, являясь органическим продолжением реформ 90-х годов, соседствует с публичным дистанцированием от «грехов ельцинской эпохи», но при этом апелляция к самобытности, «особости» России вполне уживается с постулированием «универсальных» (западных) либеральных идеологем.

Так, например, Д.А.Медведев, обозначая стратегические приоритеты своего президентского срока, неизменно декларирует, что главной задачей для современной России является свобода.

В 2000-х годах, контурно обозначив ряд новых идеологических ориентиров – патриотизм, духовность, сильное государство, эффективная вертикаль власти и т.д., методологически российская элита по-прежнему осталась на позициях «экономикоцентризма», взяв на вооружение монетаристскую тактику как основу национального развития. Если же анализировать в целом публично-политическую риторику современной российской власти, то можно сделать вывод о том, что «ценностными опорами стратегии «выживания» по-прежнему (как и в 90-е годы) остаются основные параметры западной либерально-рыночной модели общества эпохи модерна и постмодерна, модели, интеллектуально, организационно, политически и экономически обанкротившейся к концу первого десятилетия XXI в.

Реальный методологический экономикоцентризм в структуре российского либерального мышления тесно переплелся и сросся с политическими идеологиями: свобода личности, цивилизованные страны Запада, прогресс, гражданское общество, правовое государство, советский тоталитаризм, сталинский террор, ужасы ГУЛАга и т.д., приобретшими под влиянием западного общественно-политического статуса «священных коров». Однако оторванные от реальной цивилизационной почвы «универсальные» идеологемы оказываются не в состоянии выступать рациональными научными понятиями, – отсюда и постоянное расхождение теории и практики, околонучная недоговоренность, потенциальная полемичность и как следствие – перманентно кризисное состояние современной России.

В постсоветский период произошла своеобразная «политическая реакция» идеологием классического либерализма XIX – начала XX в. (некое «воскрешение духа» П.Н.Миллюкова), но с более поверхностным и даже скудным околонучным аппаратом, ограниченным «священными догматами».

Ярким примером этому служат представители современной «аналитической пошлы», заполонившие собой российский телеэфир. Здесь под видом исторической, политической, экономической аналитики постоянно и непринужденно происходит жонглирование по преимуществу либеральными идеологиями.

В резвящейся «либеральной тусовке» медиапространства редкие идеологические оппоненты выступают своеобразным «диссидентским фоном», отступниками от «единственно верного учения», а финальные обобщения ведущих телепрограмм превращаются в банальное постулирование либеральных догматов.

В получивших широкий общественный резонанс остро полемических передачах («Петербург – 5 канал») общероссийского все попытки С.Кургиняна перевести разговор «о бедах России» в содержательное цивилизационное русло неизменно наталкивались на жестко выстроенные идеологические схемы либеральных догм его оппонентов (Л.Млечин, Н.Сванидзе, А.Нечаев и др.).

Однако многие острые вопросы необходимо адресовывать не одной лишь российской власти или «горе-аналитикам» медиапространства, а всему отечественному научному сообществу.

Сейчас мы вступаем не только в полосу глубокого экономического кризиса, мы вступаем в обостренную стадию кризиса классических научных парадигм. Об этом кризисе и назревшей парадигмальной «перезагрузке» говорилось и

ранее – в рамках философии, футурологии и истории науки. Но сейчас этот вопрос предельно обостряется.

Можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день отсутствует какая-либо адекватная и полноценная методология, на которую можно было опереться для выработки стратегии успешного развития. Альтернативные прогрессистским цивилизационные концепции (Н.Данилевский, К.Леонтьев, Л.Тихомиров, О.Шпенглер, А.Тойнби, «евразийцы», классики геополитики и др.), осмысленные на философском уровне, на сегодняшний день не получили вид законченной научной парадигмы. Полноценные цивилизационные исследования были отодвинуты наступательным развитием либеральной (на Западе) и марксистской (в России) вариациями теории прогресса.

Один из возможных путей выхода из тупика методологического кризиса – преодоление экономикоцентризма и жесткой структуры идеологической догматики, стоящих в центре научных направлений последних двух столетий. Ключевым здесь видится изменение направленности научных исследований. Крайне непродуктивным представляется нахождение в русле прежних, пусть и привычных общетеоретических схем, фундированных «авторитетными» версиями экономикоцентризма.

Важным является и принципиальный отказ от попыток теоретического обоснования необходимости воплощения «передовых образцов», порожденных какой-либо иной (европейской, американской, китайской, японской, лати-

ноамериканской и т.д.) социокультурной средой и историей. Уже по своей природе эти «образцы» имеют для России несамостоятельный, нетворческий характер. Но крайне значимым становится вдумчивое, систематизированное изучение социокультурных, социополитических, социоэкономических, социопсихологических, культурно-исторических особенностей уникального российского (евразийского) цивилизационного генотипа, исследование ментальной основы функционирования общества и на этой основе выработка рациональной грамматики саморазвития.

Еще в 1905 г. выдающийся ученый консервативного направления Лев Тихомиров сетовал на «неясность сознания» в российских науках об обществе, на отсутствии в них необходимого цивилизационного подхода к изучению специфики своей страны, отсутствие подлинной социокультурной стратегии национального развития³.

К сожалению, с тех пор мало что изменилось. Вначале марксистская, а затем и либерально-западническая версии экономикоцентризма со своими обоймами идеологических штампов прервали развитие методологии «самопознания России», лишь контурно обозначившейся в XIX – начале XX в. в русле славянофильских, консервативных и народнических научных и историософских традиций.

Появившиеся в 20–30-е годы XX в. исследования евразийской школы не повлияли на политическую практику в СССР и до сих пор занимают место «периферийных» учений*.

Сегодня актуальнейшей задачей становится подлинный цивилизационный анализ, многоуровневый подход к изучению специфики России, интегральные, а не

* Определенную надежду на полноценную научную «реанимацию» евразийских исследований дает проект В.В.Путина, который сейчас контурно обозначен в качестве одного из приоритетных на предстоящий президентский срок под условным названием «создание Евразийского союза».

автономные политические, экономические, культурологические, социально-психологические, правовые и т.д. исследования и преломление результатов этих исследований в практической политике.

В этом видится научная, аналитическая основа национального выживания и развития России в XXI в.

Примечания

¹ Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991; Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1990; Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Париж, 1939; Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979; Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990; Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.

² Ключников Ю.В. Наш ответ // Смена вех. 1921. № 4.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1992. С. 328–334.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на полугодие
36789 — на год

Крестьянский вопрос – фактор Российских реформ и революций

Павел Марченя
Сергей Разин

Итоги первого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

В начале прошлого столетия крестьяне составляли не менее 4/5 населения России. Век-волкодав беспощадно перемолол многие социальные группы и целые классы в разных странах мира. Этот «стратодробительный» процесс не миновал и российское крестьянство. Переход к индустриальному обществу парадоксальным образом сочетал в себе две на первый взгляд взаимоисключающие составные беспрецедентной советской альтермодернизации – *раскрестьянивание* и *окрестьянивание* огромной империи¹. В результате сложилась ситуация, которую известный историк В.П.Булдаков обрисовал так: «Сегодня часто можно слышать, что крестьянства больше нет. Это так, и в то же время не так. Фактически того крестьянства, которое было в начале XX в., уже нет. Но что касается крестьянской ментальности, то она присутствует и сегодня. Вся уходящая историческая натура незримо присутствует в нас и в значительной мере определяет современность»².

МАРЧЕНЯ Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент Московского университета МВД России. E-mail: marchenyap@mail.ru

РАЗИН Сергей Юрьевич – доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий. E-mail: razin_sergei@mail.ru

Ключевые слова: крестьянство, крестьяноведение, крестьянский вопрос, аграрный вопрос, правовой дуализм, моральная экономика, русская смута, революция, реформа.

Первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» (**КВ**) совместного постоянно действующего проекта Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЦАИ РАНХиГС) и научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (**КВ**) состоялось 27 апреля 2011 г.

Идея его проведения возникла при обсуждении итогов Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» общенационального научно-политического журнала «Власть», состоявшегося 12 ноября 2010 г. в Институте социологии РАН в рамках проекта «НиВ». Между соорганизаторами проводившегося с 90-х годов под эгидой Института российской истории РАН и Междисциплинарного академического центра социальных исследований (Интерцентра) семинара «Современные концепции аграрного развития» (СКАР) В.В.Бабашкиным и А.М.Никулиным (ЦАИ РАНХиГС) и соавторами проекта «НиВ» П.П.Марченей и С.Ю.Разным была достигнута договоренность об организации нового семинара, посвященного междисциплинарному осмыслению аграрного вопроса (**АВ**).

В первом заседании приняли участие ученые, представляющие научно-исследовательские организации и вузы Москвы, Казани, Пензы, Тамбова, а также научные журналы. Выступавшие уделили внимание анализу различных моделей решения **АВ**, сопоставлению отечественного и зарубежного опыта аграрных реформ, определению места и роли крестьянства и **АВ** в русских революциях. В результате выявились различные подходы к пониманию сущности **АВ**, оценке «великой» реформы 1861 г. и столыпинских начинаний, интерпретации смысла российских смут и

революций, советской коллективизации и постсоветской аграрной политики.

В то же время участники заседания оказались едины во мнении, что актуальность семинара обусловлена сохраняющейся неясной крестьянской подоплекой многих процессов современности и вне осмысления крестьянства и крестьянственности адекватное понимание отечественной и мировой истории в принципе недостижимо.

Открыл заседание кандидат экономических наук, директор ЦАИ РАНХиГС **А.М.Никулин**, который пояснил, что организаторы семинара рассматривают его в качестве преемника и продолжателя традиций «СКАР», и подчеркнул, что эту идею одобрил один из патриархов крестьяноведения и основателей СКАР академик РАСХН, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук, профессор Манчестерского университета **Т. Шанин**.

С докладом «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» выступил доктор философских наук, профессор Высшей школы экономики, главный научный сотрудник ИРИ РАН **А.Медушевский (А.М.)**.

По его мнению, аграрный вопрос представляет теоретическую конструкцию, выражающую кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. С этой позиции А.М. подверг критике господствовавший в советской историографии подход, усматривавший содержание **АВ** исключительно как классовый конфликт по вопросу земельной собственности, а в узком смысле сводивший **АВ** к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве, наиболее эффективным из которых считалась революция (подразумевающая экспроприацию

земли с последующим ее переделом или национализацией).

Экономическая модель **AB** недостаточна, поскольку он шире своей экономической составляющей. По образному выражению А.М., экономическая детерминанта – такая же абстракция, как формула счастья. Она не является единой для разных эпох и стран. То, что считается богатством и вызывает зависть в одной системе социальных отношений, оказывается едва ли не бедностью в другой.

Экономическая дифференциация становится вызовом социальной стабильности не тогда, когда возникает, а лишь с момента, когда начинает рассматриваться значительной частью общества как несправедливая и аморальная. **Экономический конфликт имеет деструктивные последствия только в контексте социальной психологии.** Фактор угнетения может реализовать свой деструктивный потенциал при условии слабости власти. Поэтому одни и те же формы аграрного протеста имели различные последствия (например, в революции 1905–1907 гг. они вели к дестабилизации, а в коллективизации 1928–1933 гг. – к фактической консолидации авторитарной системы).

В основу критического переосмысления старых подходов и создания новой концепции должно быть положено представление о том, что **AB** – явление не столько экономическое, сколько социопсихологическое (связанное с господствующими в массовом сознании представлениями о легитимности земельной собственности и их соотношением с позитивным правом). **AB** существует только там, где осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов, независимо от реальной ситуации в экономике. Там, где такое осознание отсутствует в массовом сознании, **AB** нет. Отказ от экономического детер-

минизма и фатализма, отрицающего альтернативность исторического развития, и использование вариативного подхода к историческим процессам помогут понять, можно ли было те или иные проблемы решить более конструктивно.

Рассмотрение **AB** связано с изучением трех измерений легитимности земельной собственности:

- порядком распределения;
- способами приобретения в прошлом;
- средствами защиты в настоящем.

Под этим углом зрения А.М. дал сравнительную характеристику основным концепциям решения **AB** в дореволюционной России. Решающим фактором инициирования реформ были не экономика и демография, а философско-этические соображения, связанные с моральной экономикой и нравственными основаниями распределения собственности. Историческая легитимация прав собственности лежала не только в основе реформы 1861 г., но и определяла весь последующий вектор обсуждения **AB**.

Рассуждая о причинах революций Нового и Новейшего времени, А.М. еще раз подчеркнул, что главные причины социальных конфликтов лежат в сфере социальной психологии, а не экономики. При переходе от традиционного общества к индустриальному возникает противоречие между традиционалистскими представлениями основной массы населения о справедливости и позитивным правом, между легитимностью и законностью. Нерешенность этого фундаментального противоречия стала основной причиной срыва модернизации в России в начале XX в. Его квинтэссенцией можно назвать проблему *правового дуализма*, суть которого состоит в параллельном существовании двух правовых систем. С одной стороны, *позитивное право*, отражавшее западные представления и насаждавшееся госу-

дарством в интересах модернизации страны, а с другой – *обычное крестьянское право*, соответствующее порядкам крестьянской общины с ее традиционализмом, коллективизмом, уравнилельно-распределительными принципами трудовой этики, прямо противоположными принципам рыночной экономики.

А.М. поставил под сомнение принятую в отечественной историографии автоматическую «привязку» революции в России к **АВ**. По его мнению, эта связь носит опосредованный характер.

В качестве гипотезы, позволяющей приблизиться к подлинному пониманию природы революционных процессов, А.М. напомнил закон Токвиля, согласно которому революция происходит тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, но ожидания продолжают расти. Идея о наличии связи между ростом благосостояния и нарастанием социальной агрессии противоположна существовавшему в советской историографии тезису об обострении классовой борьбы и революционной ситуации в результате роста эксплуатации.

По мнению А.М., применительно к России второй половины XIX – начала XX в. этот тезис не подтверждается, и нет прямой зависимости между экономической деградацией в аграрных отношениях и ростом революционных настроений. Последний, наоборот, связан с определенными успехами реформы 1861 г. и столыпинского аграрного курса.

Предметом анализа должен стать сам феномен завышенных ожиданий как важнейшая психологическая предпосылка крушения модернизационного проекта в России. Представления о несправедливости распределения земли не только не ослабевали, но и нарастали по мере юридического раскрепоще-

ния крестьян. Планка социальных запросов крестьянства оказалась выше его способности конвертировать новый социальный и правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция выражала, развивала и использовала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных последствиях для общества в целом и своего собственного положения. В этом, согласно А.М., состоял «специфический российский феномен завышенных ожиданий».

В условиях распада институтов, сдерживавших крестьянскую агрессию (религиозных ценностей, общинной организации, традиционной семьи), складывалась парадоксальная ситуация: процесс, являвшийся следствием модернизации, сам готовил мощный ресурс для ретрадиционализации общества. Крестьяне получили больше свободы, но не знали, куда ее девать. Это привело к росту агрессивности, проявлявшейся в насильственных действиях революционных толп и прочих формах протестного движения масс, которое, используя известное выражение, можно охарактеризовать как «бегство от свободы».

Традиционалистские представления о справедливости возобладали над позитивным правом. Причиной этого явились не экономические, а психологические факторы, подкрепленные неспособностью власти одновременно проводить модернизацию и осуществлять присущий традиционному обществу жесткий контроль. В условиях роста социальной напряженности неожиданный отказ власти от реформ и поворот к контрреформам послужил сигналом для мобилизации сил, выступающих за разрушение существующей системы. Непоследовательность государства в стратегии и технологиях преобразований явилась фактором дестабилизации, осо-

бенно если сопровождается поражением в войне (которое и само по себе жестко ставит вопрос о легитимности системы).

В среде российской элиты конкурировали три основных подхода к вопросу о тактике и стратегии модернизации: почвеннический, либеральный и радикально-революционный.

Традиционалисты-почвенники считали, что модернизация противоречит национальным интересам, и выступали за отказ от нее.

Либералы-западники выступали за проведение форсированной модернизации, не считаясь с готовностью основной массы населения.

Левые экстремисты стремились воспользоваться порожденным модернизацией конфликтом между традиционалистским массовым сознанием и позитивным правом для отказа от нее и захвата власти. Последний подход А.М. и считает формулой большевизма.

Согласно А.М., предложенный им подход к анализу генезиса социальных конфликтов позволяет уточнить само понятие «революции» и по-новому подойти к вопросу о типологии революций. Он напомнил теорию Б.Мура о трех типах революций:

- *буржуазной*, результатом которой становится частная собственность на землю и западная форма демократии (Англия, Франция, США);

- *консервативной революции сверх-ху*, завершающейся установлением фашистского режима (Германия, Италия, Япония);

- *крестьянской*, реализующей утопический коммунистический проект (Россия, Китай и другие бывшие соц-страны).

Специфика последней, по А.М., заключается в господстве правового нигилизма и волюнтаризма, разрушении института собственности и неизбежной

ретрадиционализации (например, в восстановлении таких архаичных институтов, как советы), тормозящих устойчивое и разумное развитие. Попытки реализации аграрно-коммунистической концепции неминуемо заканчиваются тупиком «социалистической национализации» в форме коллективизации, т.е. установлением монополии государственной собственности на землю, восстановлением доиндустриальных форм эксплуатации крестьян государством, а также появлением идей экспорта аграрной революции (нашедших, например, выражение в теории и практике Коминтерна, пытавшегося организовать «черный передел» в других странах).

Революционным методом противостоит реформационный путь авторитарной аграрной модернизации, сохраняющей институт частной собственности (модель Столыпина в России, Наполеона III во Франции, Бисмарка в Германии, Чан-Кайши в Китае, Каррансы в Мексике и т.д.).

Согласно А.М., концептуальным образцом для такого рода реформ может служить и «великая» реформа 1861 г., которая разрешила серьезный социальный конфликт, не разрушая отношений собственности. При ее проведении трансформация общества достигалась не за счет массовой мобилизации на основе негативных ценностей, а за счет вмешательства государства в регулирование отношений собственности, умелых манипуляций психологией традиционалистского населения элитными группами и эффективной управленческой деятельности, позволяющих избежать революции.

Однако успешно запущенный реформами 60-х годов XIX в. процесс не был доведен в России до логического конца. Системный кризис аграрных отношений был скорее кризисом сознания, а не кризисом экономики. Ситуация неза-

вершенной модернизации, в случае, если традиционалистские представления о справедливости не совмещены с позитивным правом и не регулируются государством, становится чрезвычайно опасной. Возможность революционного срыва превратилась в реальность в результате комбинации *традиционалистского массового сознания* (протестующего против позитивного права, не соответствующего обычным правовым представлениям), *авторитаризма политической власти* (не допускающей изменения позитивного права и отношений собственности) и *экстремизма радикальной интеллигенции* (использующей конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей)*.

Далее с докладом «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос» выступил кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета Д. Люкшин.

Д.Л. выдвинул радикальный тезис, согласно которому **АВ** (как проблема предоставления крестьянам земли) в России начала XX в. не существовал, поскольку не мог быть решен.

В подтверждение докладчик сослался на подсчеты аграрников, доказывающие, что выполнение минимальной трудовой нормы в центральных губерниях не могло быть достигнуто без выселения части крестьян за пределы этих губерний. Ни администраторы, ни крестьяне в таком формате вопрос никогда не ставили.

Впервые об **АВ** заговорили перед 1861 г., но всерьез о нем речь пошла после «великих» реформ, когда по расчетам модернизаторов он должен был уже разрешиться. **АВ** выступил в роли симуляк-

ра, к которому были стянуты, вербализованы и предъявлены оппонентам претензии новой генерации адептов освободительного движения. Предпринятая в позднейшей историографии попытка определить фактическое содержание **АВ** как проблемы крестьянского малоземелья окончилась констатацией нерешенности и неразрешимости этой проблемы. В России **АВ** так и не был решен – нехватка земли перестала быть злобой дня лишь после ликвидации крестьянства во второй половине прошлого века. А при распределении ролей между участниками будущей революционной драмы, имевшем место в теоретических дискуссиях начала XX в., речь шла вовсе не об учете реального потенциала акторов, а о визуализации образа симулякров, призванных символизировать движение по пути политических побед.

Оппозиция рассматривала **АВ** как *ultima ratio* в споре с имперскими структурами управления. В годы первой русской революции место **АВ** как основного содержания претензий к власти занял *рабочий вопрос*. Смена политического тренда позволила максимально обострить дискуссию на поле политики, что усилило позиции «аннибалов либерализма» и определило формат политического торга последующего десятилетия. Однако для характеристики аграрного строя имперской России начала XX в. изменение места **АВ** в политических лозунгах оппозиции не является даже вспомогательным. Это всего лишь иллюстрация к выводу об искусственном характере **АВ** для социального тела страны.

Д.Л. отметил, что российское государство, проводя какие-то реформы, всегда исходило из реализации своих конкретных интересов.

* Более полное изложение представленной концепции см. в работах⁴.

Так, главной причиной реформы 1861 г. было отнюдь не альтруистическое желание государя дать свободу подданным, а желание получить с крестьян деньги на модернизацию вооруженных сил (стольпинская же реформа – попытка второй раз ограбить уже ограбленное крестьянство и уверить его в том, что это снова делается для его же блага).

В целом реформа привела к коллапсу аграрно-социальной хозяйственной организации, который был преодолен только к началу второго десятилетия XX в. Для этого потребовались избыточные усилия социального тела, которые, хотя и не выходили за рамки этики выживания, но привели к деформации архитектуры моральной экономики – как сверху, так и снизу. Изменения, вызванные реформой и ее последствиями, не были закреплены обычаем и моралью. Времени оказалось недостаточно для того, чтобы успели сформироваться новые традиции.

Крестьянство в начале XX в. лишь приступило к плетению тонкой нити новой социальности, призванной обеспечить стабильность социума. Сшитые на живую нитку кросскультурные связи были очень уязвимы. П.А.Столыпин почувствовал это шаткое состояние российского общества и потребовал «20 лет покоя» не для одной аграрной реформы, но для укрепления новых социальных связей – для создания новой России. По мнению Д.Л., стольпинская реформа представляла эффективный, радикальный, едва ли не единственно верный ответ на заданный либералами **АВ**. В то же время она получила среди населения весьма слабый отклик. В результате укрепился историографический тезис, по которому она провалилась. Согласно Д.Л., о провале стольпинской реформы можно говорить с тем же основанием, как и о провале идеи приватизации жи-

лья или идеи о возможности открытия своего бизнеса в современной России. Крестьяне, которые видели для себя резоны в стольпинской реформе, ею пользовались достаточно энергично. Крестьяне, которые видели в ней для себя вызов, активно ей противодействовали.

В годы Первой мировой войны новые социально-хозяйственные практики оказались деформированы под воздействием миграционных потоков. Общинники энергично воспользовались открывшимися возможностями для восстановления этики выживания. Утверждая старые принципы на новый лад, общины в 1917 г. активно использовали «оружие слабых» – саботаж, порубки, потравы и т.п. Д.Л. подчеркнул, что в системе моральной экономики беспорядки выполняют функцию семейных скандалов в формате *Милые бранятся, только тешатся*. Проблема в том, что такая форма коммуникации справедливо считается рискованной: если в западе диалога звучат запретные слова или производятся табуированные телодвижения, дело оборачивается революцией; если же стороны сохраняют приличия, все кончается реформами. Вот только понятия о пределах дозволенного у каждого участника дискуссии были свои, а интерпретация содержания дискутируемых тезисов осложнялась тем, что новая социальная конвенция еще не вступила в силу. Ритмы социальных интеракций в военной России явно не совпадали. В тот момент когда крестьяне по итогам 1916 г. готовились перейти к «милому завершению уютного семейного вечера», правительство решительно хлопнуло дверью, покинув пейзаж с их проблемами в одиночестве.

«Общинная революция» проходила в рамках оборонительных стратегий крестьянства, которые в патримониальной монархии облекались в форму агрессии.

В условиях отсутствия гарантированных прав подобный вид коммуникации остается единственно доступным для населения, желающего апеллировать напрямую к самому высокому руководству. В свою очередь правительство, желающее продемонстрировать готовность к сотрудничеству, должно направить к месту беспорядков полицейские силы (в тяжелом случае – военных). Когда крестьяне видят, что прибыли полицейские, они делают вывод о том, что их услышали. Так ведется диалог между властью и народом, форма и содержание которого в России известны со времен князя Игоря Старого. Реплики действующих лиц в нем прописаны строго по канону: тезис крестьянства – *ответ* начальства – совместная продуктивная работа. Правила игры не менялись вплоть до 1861 г., когда правительство в одностороннем порядке их пересмотрело.

В начале XX в. русскому мужику, который не вполне усвоил новые начальные повадки, пришлось привыкать еще и к столыпинским новеллам. Неудивительно, что не все шло гладко, ведь в крестьянском понимании отсутствие конных стражников означает, что их не слышат. Эта ситуация трактуется общиной либо как нежелание вести диалог, либо как следствие недостаточной интенсивности месседжа; в любом случае это все рассматривается как санкция для интенсификации агрессии. Правительство не может уклониться от диалога, поскольку одновременно с развитием крестьянской активности происходит легализация достигнутых де-факто результатов и расширение номенклатуры притязаний (причем крестьянские требования в принципе безграничны, они могут продолжаться вплоть до «крестьянских царей»). В 1917 г. (начиная с апреля) *вопрос* крестьяне сформулировали: косили, тащили, рубили,

пилили, даже пахали чужую землю, – но так и не дождались от Временного правительства *ответа*. Осенью отчаявшееся «достучаться до небес» крестьянство переходит к пределу земли. И тогда диалог продолжили уже большевики.

В заключение Д.Л. подчеркнул, что еще до захвата большевиками власти деревня уже жила сама по себе, не обращая внимания на то, что происходило в центре.

«Общинная революция» и октябрьские события в Петрограде – различные процессы, волею случая сошедшие во времени. Под их тяжестью и рухнул имперско-патриархальный уклад, обеспечивавший стабильность и преемственность в обществе. Поэтому деятельность большевиков на первом этапе их пребывания у власти, когда главной задачей было ее сохранение, заключалась в реконкисте страны крестьянской утопии. К началу 30-х годов этот сценарий удалось реализовать...

Далее состоялся обмен мнениями между всеми участниками первого заседания семинара....

Прения по докладам открыл **А.Гордон**, заметивший, что **АВ** появляется не в Новое время, как это следует из доклада А.М., а известен с древности. В частности, **АВ** был причиной движения братьев Гракхов в Древнем Риме. И в России **АВ** появился задолго до 1861 г. – он обсуждался, например, Уложенной комиссией еще в XVIII в. Разложение традиционной общины – процесс циклический, и в **АВ** отчетливо проявляется историческая преемственность. Да и проблема правового дуализма тоже не нова. Коллизия писаного (римского) и обычного права (кутюмы) существовала, например, и в средневековой Франции.

Н.Рогалина отметила новизну предложенной А.М. трактовки **АВ** как феномена, связанного с модернизацией

традиционного общества в условиях товарно-рыночной перестройки. Показательным признан и вывод о том, что «великая» реформа 1861 г. в России осуществлена без разрыва правовой преемственности с формулой социального компромисса, согласования интересов основных социальных слоев. Столыпинская реформа, по ее мнению, также основана на компромиссности, наличии выбора, многообразии форм собственности и последовательном закреплении прав новых собственников.

Она не согласилась с Д.Л. в том, что главной причиной реформ было стремление государства выкачать из крестьян деньги. Проблемы малоземелья в России также, по ее мнению, не существовало – малоземелье было относительным. Главным тормозом в решении АВ была сама общинность, которая успешно изживалась. Но помешала война.

По мнению В.Бабашкина, благодушно-позитивные оценки реформы 1861 г. во многом объясняются стремлением отмежеваться от официальной советской историографии, которая аттестовала эту реформу как пропомещичью и исключительно грабительскую.

Уместно вспомнить, как сами крестьяне отреагировали на реформу (так, бунт в с. Бездна Казанской губернии, получивший известность из-за многочисленности жертв, вызванной жестокостью царских усмирителей, был вовсе не исключительным событием – подобные акты протеста происходили повсеместно). Многие помещики в ситуации, когда их земля обналичивалась в звонкой монете, потянулись в города. В течение пореформенного сорокалетия земельная аристократия утратила в глазах крестьянства моральное право на крупное землевладение, поскольку по отношению к нему откровенно пренебрегала своими морально-экономическими

обязанностями. Это и стало главным горючим материалом революционных событий первых десятилетий XX в.

В.Кондрашин согласился с А.М. в том, что суть АВ в России заключалась в осознанном крестьянством факте несправедливого распределения земельных ресурсов.

Однако, по его мнению, реформа 1861 г. заложила мину замедленного действия, взорвавшуюся в XX в. Российские крестьяне, несмотря на все усилия царских реформаторов, так и не признали частную собственность на землю. Неудача столыпинской реформы в районах крепостного права – наглядное тому подтверждение. Причина неудачи политики, направленной на ликвидацию общины, заключалась в том, что в условиях малоземелья и наступления товарно-денежных отношений крестьяне видели в общине своеобразную систему коллективной безопасности, спасавшую их от окончательного разорения и голода.

Т.Савинова не согласилась с А.М. в том, что АВ – это теоретическая конструкция, и с его отрицанием экономической составляющей АВ.

По ее мнению, хозяйство (особенно крестьянское) есть категория прежде всего практическая, затем метафизическая и только потом правовая. Она поддержала положение Д.Л. о том, что процессы, протекавшие в общинах, имели собственное содержание, и напомнила о наличии в России начала XX в. альтернативы столыпинской модели аграрной модернизации, выраженной в идеях представителей организационно-производственной школы (А.В.Чаянов, А.Н.Челинцев, Н.П.Макаров, А.А.Рыбников).

С.Разин высказал сомнение в обоснованности выводов об успешности

стольпинской аграрной реформы и ее эффективности в деле предотвращения революции.

С одной стороны, эта реформа была результатом революции 1905 г., но с другой – сама стала одним из факторов, приведших к революции 1917 г. Неслучайно первыми, кого весной 1917 г. пошли громить общинники, стали отрубники и хуторяне, ранее воспользовавшиеся возможностями, предоставленными стольпинским законодательством.

П.Марченя выразил солидарность с А.М. в том, что для понимания причин революции важна не только ее социально-экономическая, но и социально-психологическая составляющая.

Однако объяснение всего случившегося через ситуацию неразрешенного правового дуализма и отсутствие правовой доктрины, способной снять этот дуализм (чем в конечном итоге сумели воспользоваться лишь левые экстремисты), по его мнению, не дает достаточных оснований согласиться с представлением о том, что абсолютное большинство населения огромной страны усилиями незначительной радикальной группы было увлечено не поиском правды, а исключительно «разрушением позитивного права».

В.Безгин отметил обоснованность постановки проблемы правового дуализма в российской пореформенной деревне.

На его взгляд, реформаторы справедливо не пошли на то, чтобы распространить действие позитивного права на крестьянство. В то же время посредством легитимации волостного суда и утверждением суда мирового были созданы условия для постепенного сближения двух правовых систем на основе приоритета официального законода-

тельства. Однако и в начале XX в. в сознании большинства крестьян ответственность на землю могла быть только общинной, и последующий «черный передел» 1917 г. – свидетельство тому. Он отметил важность выводов Д.Л. о том, что вызванные реформой изменения в архитектуре моральной экономики не были закреплены традициями и моралью. Этим и объясняется та легкость, с которой были ликвидированы хозяйства хуторян и отрубников (как и торжество общинной архаики в целом).

Усилия власти в ходе аграрных преобразований начала XX в. вызвали к жизни механизм самосохранения общины. В результате решение **АВ** оказалось возможно только на основе крестьянского менталитета в рамках привычного сельского мира и посредством традиционного механизма – общины.

В.Зверев поблагодарил А.М. за провокативную постановку вопроса, отметив актуальность проблемы соотношения права и морали и высказав убежденность, что и сегодня в российском массовом сознании справедливость выше закона.

Наряду с этим он подчеркнул, что нельзя ограничиваться только социопсихологическими моментами и исключать из рассмотрения характер собственности и его влияние на право. Опираясь на работы П.Г.Зайончковского, Б.Г.Литвака, Н.М.Дружинина, А.М.Анфимова, С. Хока и др., он выразил принципиальное несогласие с позитивной оценкой А.М. реформы 1861 г., напомнив о ее откровенно спекулятивном и антикрестьянском характере и катастрофических последствиях в контексте моральной экономики общинного крестьянства России. Напомнил он и о том, что такому варианту решения **АВ** были реальные альтернативы (в том числе и фермерский путь, и более подходящее

для российских условий кооперирования). Согласившись с тезисом об отсутствии в 1861 г. «революционной ситуации», он высказался против прозвучавшего в докладе А.М. противопоставления понятий «революция» и «реформа». На его взгляд, между ними существует и логическая, и диалектическая взаимосвязь, поэтому рассматривать их нужно в контексте не «революция *либо* реформа», а «революция *и* реформа». Неудавшаяся (или не просчитанная на несколько шагов вперед) реформа ведет к накоплению новых проблем, которые, накладываясь на старые, могут привести к социальному взрыву. В свою очередь, неудавшаяся революция может привести к реакции. Возможна и ситуация, о которой писал еще Н.Я. Эйдеман, когда при определенных условиях власть решается на кардинальную реформу – революцию сверху. Однако всякая реформа имеет лимит времени и запас доверия масс. Если русского мужика, по своему характеру эпилептоида, не знающего золотой середины, довести до «точки кипения», это неминуемо приведет к гигантскому социальному взрыву.

А.Медушевский, отвечая на замечания участников семинара по содержанию своего доклада, еще раз подчеркнул, что **АВ** предполагает осознание большей частью общества несправедливости распределения земельной собственности, и возникает в связи с переходом от традиционного, сословного общества к индустриальному, гражданскому (основной принцип которого – равенство всех перед законом).

В ответ на реплику А.Гордона докладчик пояснил, что, по его мнению, существовавший в Древнем Риме конфликт из-за распределения земли между плебейскими и сенатской знатью не охватывал все общество (само понятие которого ограничено для эпохи рабства). По-

этому попытки Гракхов осуществить аграрную реформу в интересах свободного крестьянства имели ограниченный характер и мало шансов на успех.

В эпоху Екатерины II **АВ** в России также не существовал, применительно к этому времени целесообразно говорить лишь о «*крестьянском вопросе*», о начале осознания передовыми мыслителями аморальности крепостного права. **АВ** – как феномен общественного сознания – появляется в Европе только после Французской революции.

В четком виде отделение **АВ** от *крестьянского вопроса* в России происходит лишь после реформы 1861 г., когда формируется конфликт права и справедливости в отношении распределения земельных ресурсов.

Возвращаясь к вопросу об экономических причинах этой реформы, А.М. высказал мнение о несостоятельности «старого тезиса», согласно которому в 1861 г. «крестьян ободрали как липку». С его точки зрения, крестьяне получили вполне достаточное количество земли для ведения хозяйства, и если оно казалось им недостаточным, то причина – в отсутствии навыков эффективного земледелия.

Крестьяне получили не так мало земли, как об этом говорил В.Зверев, ссылаясь на подсчеты советских историков. Никакого малоземелья вообще не было, это был вопрос производительности труда. Немецкий крестьянин с меньшего количества земли получал гораздо больший урожай. Просто русские крестьяне не использовали достижений агрономической науки.

Подсчеты советских аграрников, доказывающие обратное, по мнению А.М., не могут служить убедительным аргументом. В силу известных обстоятельств результат этих подсчетов был задан заранее. Да и вообще результаты различ-

ных подсчетов (советской, дореволюционной отечественной историографии, современной американской школы ревизионизма и др.) сильно разнятся. Они зависят от оценочной позиции исследователей, а единых критериев оценки количества предоставленной по реформе земли нет. Если исходить из того, что крестьяне до реформы имели землю, то тогда в результате реформы количество земли было ограничено. Но если исходить из того, что до реформы они не имели земли, то теперь, напротив, они ее получили. Сводить дело к бухгалтерскому подсчету того, сколько получили крестьяне, это непродуктивный подход. Потому что суть реформы – в компромиссе, обеспечившем преемственность отношений собственности. Надо помнить, что в канун реформы земля юридически была помещичьей собственностью. Говорить о том, что крестьяне получили земли меньше, чем помещики – значит, говорить очевидную истину. Дело в том, однако, что крестьяне что-то получили.

Согласно А.М., в спекулятивном характере выкупной операции тоже нет ничего плохого. Главное – это была эффективная попытка избежать революции путем использования рациональных экономических мер. А социальные издержки реформы, по А.М., были «очень низкими» (в частности, выступление крестьян в Бездне он охарактеризовал как «статистически незначительный факт проявления насилия для преобразований такого масштаба»).

А.М. выразил признательность участникам обсуждения за оценку постановки проблемы о роли конфликта позитивного права и традиционалистских представлений о справедливости в процессе модернизации. По его мнению, именно это действительно центральный вопрос, который нужно обсуждать.

А.М. подчеркнул, что вовсе не намерен элиминировать значение экономики. Но его позиция состоит в том, что экономика влияет на политику не прямо, а опосредованно. При одних и тех же исходных экономических условиях возможны принципиально разные результаты социального конфликта.

Фундаментальная ошибка советской интерпретации марксизма, по его мнению, состоит в том, что политические формы выводились непосредственно из состояния экономики. Однако не только экономика определяет ход исторического процесса. Он во многом детерминирован моралью. И «великая» реформа определялась не столько экономическими, сколько этическими соображениями (экономически использование крепостного труда отнюдь не полностью утратило эффективность, однако оно стало морально неприемлемым – и потому экономически невыгодным).

Вернувшись к вопросу о соотношении революции и реформы, А.М. согласился с тем, что они взаимосвязаны, но подчеркнул, что для него главным является вопрос о том, как избежать революции, как сохранить стабильность отношений собственности и преемственность в развитии правовых институтов.

Он напомнил слова Токвиля о том, что радикальная реформа призвана решить задачи революции, не используя ее средств. В этом состоит суть продуманной стратегии модернизации. И «великая» реформа 1861 г. была настоящей революцией сверху – радикальной реформой, правовыми методами изменившей существующие отношения собственности. Это полноценная альтернатива революции снизу, востребованная во многих странах. Те страны, которым удалось избежать кровавой революции, как раз и использовали подобную стратегию.

Отвечая на реплику *С.Разина* о сомнительной эффективности столыпинской аграрной реформы в деле предотвращения революции, *А.М.* согласился, что сама столыпинская реформа была результатом революции, но подчеркнул, что в то же время она была и попыткой остановить грядущую революцию. Столыпинские реформы имели позитивный результат, но не были доведены до конца. Иллюстрацией того, как могла бы развиваться Россия в случае успешного продолжения столыпинского курса, по мнению *А.М.*, является современный Китай. На его взгляд, Дэн Сяопин и его преемники предприняли в Китае реформы, подобные тем, которые Столыпин не успел завершить в России.

Д.Люкшин, комментируя состоявшееся обсуждение, особо подчеркнул, что при обсуждении **АВ**, в том числе его места и роли в русской революции, нельзя всю Россию рассматривать как единую страну, ко всем регионам которой можно применять единый подход, без учета местных особенностей. Это положение *Д.Л.* подкрепил конкретными примерами из истории преимущественно Казанской губернии, на материалах которой проиллюстрировал регионально-национальную специфику **АВ**.

Касаясь споров о характере аграрных реформ в отечественной истории, он еще раз повторил, что российское государство при проведении реформ всегда исходит из своих интересов. На его взгляд, модернизация имела своей подоплекой строительство dreadnought флота и перевооружение армии, за которые, по правительственным расчетам, должны были заплатить крестьяне. И если, например, в ходе столыпинских реформ это не вполне получилось, то отнюдь не по доброй воле правительства. Так, занять деньги у французов и переложить часть налогового бремени на го-

рожан правительству пришлось именно потому, что ему не удалось заставить крестьян заплатить. Однако отсюда вовсе не следует, что Столыпин не желал этого сделать.

И именно неумение или нежелание власти понимать собственное крестьянство, природу и смысл его выступлений спровоцировали так называемую «общинную революцию» 1917 г. Важнейшую роль в ее победе сыграло само государство, которое цинично отказывалось от того, чтобы вступить с крестьянами в освященный исторической традицией «правильный» диалог по поводу их попранных прав.

К тому же Временное правительство фактически сняло с себя функции посредника между крестьянами и помещиками, по сути, оставив их один на один друг с другом. Оно не защищало помещичьи имения, предоставив решать их судьбу деревенским «мирам». Разгромив весной отрубников и хуторян, общинники в период с весны по осень 1917 г. решили судьбу помещиков и их хозяйств. Решили в полном соответствии со своими представлениями о справедливости.

При этом, по мнению *Д.Л.*, судьба каждого конкретного помещика и хозяйства зависела от личного отношения крестьян к землевладельцу. Те землевладельцы, которые пользовались расположением крестьян, сохранили и голову, и имения, а те, которые не пользовались, потеряли и то и другое. В Казанской губернии, например, нередкой была ситуация, когда буквально соседние имения одно – горело, другое – стояло. Это объясняется не настроением крестьян, а их отношением к помещикам.

Отвечая *А.М.* и *Н.Рогалиной*, в выступлениях которых прозвучал тезис, что крестьянского малоземелья *не было*, *Д.Л.* настойчиво подчеркнул: оно *было*. При этом в центральных и поволжских

губерниях ощущалось достаточно остро. Если в центре низкое качество земли обусловило низкую эффективность хозяйства, то в Поволжье земля была гораздо лучше, но имевшиеся в распоряжении крестьян ресурсы (при отсутствии доступа к помещичьим угодьям) не позволяли им эффективно вести хозяйство.

Отособое внимание Д.Л. обратил на положение инородческого населения, у которого ситуация была еще тяжелее (если русские крестьяне в начале XX в. имели 3,4–3,8 дес. земли на ревизскую душу, то инородцы – 2,3–2,5 дес.).

Касаясь постановки вопроса о фермерстве и кооперации, Д.Л. напомнил, что изначально одной из центральных задач семинара «Современные концепции аграрного развития», преемником которого стал семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», было разведение понятий «экономика» и «хозяйство». Сейчас же в отечественной историографии они слиплись снова в один и тот же термин. Применительно к предмету состоявшейся на заседании дискуссии такое понимание

принципиально неверно. Экономически крепостное хозяйство никогда не было выгодно. Но как хозяйство, построенное на внеэкономическом принуждении и обмене взаимными неоплачиваемыми услугами, оно позволяло обеспечивать жизненные интересы всех его участников.

По мнению Д.Л., традиционная система хозяйства в результате «великих» реформ получила страшный удар, от которого пыталась оправиться. Однако внешние события (прежде всего Русско-японская и Первая мировая война) привели к тому, что это не удалось.

Рассуждая об альтернативах решения **АВ** в России в начале XX в., Д.Л. заметил, что фермерское хозяйство и кооперация в отечественной аграрной практике никоим образом друг другу не противоречили. На юге страны фермерское хозяйство, возможно, было более перспективным.

В Поволжье были более эффективны другие формы. Что касается Центрального региона, то там крестьянское хозяйство было обречено пойти под нож модернизации.

Подводя итоги заседания, его ведущий **А.Никулин** уточнил, что при изучении аграрного вопроса следует иметь в виду обострившиеся аграрные противоречия, известные мировой истории издревле, а не только начиная с перехода к товарно-рыночной экономике. Они существовали и в Римской империи, и в великих азиатских цивилизациях. И везде, если они не разрешались правовым путем, приводили к беспорядкам, гражданским и крестьянским войнам. В этом смысле революция 1917 г. в России – одно из величайших событий в области разрешения **АВ**.

Неслучайно изучение аграрного/крестьянского вопроса и русской революции намертво соединили в своих теоретических построениях и революционеры, и либералы, и консерваторы.

Признав значимость проблемы соотношения права и морали, ведущий подчеркнул, что не стоит все же элиминировать и экономическую проблематику.

В заключение он высказал убежденность в необходимости междисциплинарного, многофакторного подхода к изучению всех составляющих **АВ**, способного стать надежным методологическим ориентиром всех последующих заседаний успешно стартовавшего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Примечания

- ¹ Марченя П., Разин С. Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 18–25.
- ² Цит. по: Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Власть. 2011. № 8. С. 162.
- ³ Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 291–300; Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается // Крестьяноведение... М., 1999. С. 280–288.
- ⁴ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М.: Наука, 2005; Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.ru>
BSERVER E-mail: observer@ru.ru
E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Особенности политической борьбы в России

Александр Борщ

Вопросы политической борьбы за власть в 2011–2012 гг. в России закономерно приобретают острый характер. Это связано с выборами в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации в декабре 2011 г. и выборами президента России в марте 2012 г.

Об этом сказал убедительно президент России Д.А.Медведев: «Парламентские выборы – это всегда серьезная политическая борьба, и от профессионализма и честности избирательных комиссий зависит доверие людей к результатам выборов, а в конечном счете – к власти в целом. Предстоящая кампания пройдет в новых условиях: за последнее время существенно усовершенствовали избирательную систему, создали дополнительные гарантии для справедливой политической конкуренции, законодательно обеспечили более прозрачное исполнение избирательных процедур»¹.

Кроме России, многие государства мира, в том числе европейские страны и Соединенные Штаты Америки, вступают в очередной цикл выборов. В странах Северной Африки и Ближнего Востока можно будет наблюдать за досрочными выборами в достаточно необычной ситуации, связанной с «твиттерными революциями» в этих государствах.

В Российской Федерации наступило время стабильной избирательной системы. Начиная с 1993 г., когда была принята действующая Конституция

России, только один раз выборы президента прошли досрочно, с небольшим опережением по срокам. Это было в 2000 г.

БОРЩ Александр Александрович – кандидат юридических наук. E-mail: boretz.alexandr@yandex.ru

Ключевые слова: политическая борьба, теледебаты, избирательная система, международный наблюдатель, многопартийность, молодежные отделения.

Все остальные выборы – и в Государственную думу Российской Федерации, и президента Российской Федерации – прошли в установленные Конституцией сроки. В ближайшее десятилетие две кампании практически совпадают.

4 декабря состоятся выборы депутатов в Государственную думу шестого созыва, которая впервые будет избрана на пять лет. По оценкам, примерно в декабре может начаться выдвижение кандидатов на пост президента Российской Федерации. В марте 2012 г. президент будет избираться сроком на шесть лет².

За рубежом открывается около 400 участков. За пределами России, по данным министерства иностранных дел, будут голосовать 1 млн 755 тыс. 709 избирателей.

На изменения сложившейся избирательной системы направлены президентские поправки в законодательные акты, предполагающие увеличение влияния как на федеральном, так и на региональном уровне оппозиционных политических партий, средств массовой информации, субъектов гражданского общества.

Ряд таких инициатив уже получил свое законодательное воплощение.

В результате предпринятых мер изменилась политическая ситуация при проведении выборов, которая выразилась в снижении влияния административного ресурса, что привело к большей открытости и демократичности.

Региональные выборы, прошедшие в марте 2010 г., отличаются от выборов 2009 г. не только сложившейся политической обстановкой, но и результатами. Впервые за последние годы в законодательные органы власти субъектов Федерации вошли представители всех парламентских партий.

Современным инструментом управления страной, по мнению российского президента, становится электронное правительство³.

В соответствии со «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации в 2015 году» все государственные услуги должны быть переведены в электронный вид, что должно способствовать борьбе с коррупцией, повышению качества административно-управленческого труда, формированию рациональной бюрократии.

Так, к примеру, в рамках «Стратегии-2020» в «Единой России» был представлен доклад, содержащий программу по преобразованию, или скорее даже по слоому, существующей политической системы.

«Единая Россия» сделала выводы из заметного ухудшения своих электро-альных показателей на последних региональных выборах, и эти выводы выглядят как попытка смены стратегии.

Это свидетельствует о ее сохраняющейся реальной жизнеспособности и заявке на продолжение деятельности и поддержание своего статуса через симпатии избирателей, а не ослабление позиций политических конкурентов различными методами.

В страну возвращается политическая борьба, и хорошо, что «Единая Россия», создав мощный «Народный фронт», явно собирается бороться и участвовать в политической жизни на равных с другими партиями.

Одна из особенностей политической борьбы в России от других стран, в частности Германии, Израиля, Польши, будет состоять в том, что избирательные участки в 2012 г. будут оборудованы комплексами электронного голосования (включать электронный бюллетень).

Эти участки должны сами находить средства или получать частичные компенсации расходов в случае преодоления партией избирательного барьера. Если партия преодолеет этот барьер, то ей частично или полностью компенси-

руются расходы пропорционально от численности полученных голосов.

Интересы политических субъектов в избирательных кампаниях в России в 2011 и 2012 гг. многообразны.

При этом борьба может быть: революционной, когда противоположные политические субъекты-антагонисты с помощью разнообразных жестких, решительных средств стараются кардинально изменить существующую систему общества, ее институты в соответствии со своими представлениями, взглядами, ориентациями (хотя на революции в России лимит исчерпан) или реформистской, как это было в 1991 г.⁴

Основное содержание последней заключается в постепенном, поэтапном удовлетворении различных, в том числе противоположных, интересов социально-политических субъектов, когда они преодолеваются ненасильственными средствами за счет поиска консенсусных форм разрешения противоречий, основанных на понимании того, что в первую очередь сближает субъекты, а не разделяет их. Результат реформистской политической борьбы поэтому более предсказуем.

Другая особенность политической борьбы в России на современном этапе является организация работы наблюдателей.

В России предусмотрены институт внутреннего наблюдения и институт международного наблюдения. В отличие от большинства государств Европы это зафиксировано в российском законодательстве.

Наблюдатели могут быть от политических партий и единоличных кандидатов. Как правило, на избирательном участке присутствует наблюдатель от одной партии и от одного кандидата. Но их может быть и больше.

Например, для голосования на дому назначается другой человек, а на под-

счете голосов присутствуют разные наблюдатели.

Всего количество наблюдателей весьма велико. По всей стране их примерно один миллион человек. Есть партии, которые направляют наблюдателей практически на все избирательные участки.

Кроме того, Центральная избирательная комиссия (ЦИК) столкнулась со следующей ситуацией.

Например, журналисты допускаются на избирательные участки, а наблюдатели от российских общественных организаций статусом наблюдателя не обладают.

Но это не проблема, потому что партии заинтересованы в привлечении максимального количества наблюдателей, и это можно сделать через партии. Некоторые организации, пользующиеся поддержкой зарубежных фондов, направляют наблюдателей под видом корреспондентов СМИ.

У нас очень либеральное законодательство – достаточно зарегистрировать сайт или СМИ, выходящее один раз, а такие международные организации, как ОБСЕ, присылают своих наблюдателей.

В России международные наблюдатели пользуются теми же правами, что и внутренние. Однако существуют специальные процедуры, связанные с аккредитацией, приглашением.

Но во многих странах международные наблюдатели имеют ограниченные права.

Скажем, в Финляндии, если международный наблюдатель приезжает на двусторонней основе, не от международной организации, то он не имеет права присутствовать при подсчете голосов.

В США институт международного наблюдения в большинстве штатов вызывает просто непонимание и недоумение: мол, кто это такие и зачем вообще они нам нужны?

Даже у такой уважаемой организации, как Бюро по демократическим институтам и правам человека (один из органов ОБСЕ), по-прежнему возникают проблемы с количеством направляемых наблюдателей. В каждом штате голосуют по-разному, избирательная система в Америке децентрализована и относится к юрисдикции штата.

В Россию приглашают международных наблюдателей сразу после объявления о начале избирательной кампании, в том числе из международных организаций, в которых Россия является членом, – ОБСЕ, Совета Европы, АТЭС, ШОС, СНГ.

Кроме того, на двусторонней основе направляются приглашения в центральные избирательные органы других государств.

Сейчас такие связи установлены более чем с 20 государствами, включая Венгрию, Польшу, Мексику, Бразилию, Перу, Боливию, Индию, Монголию. Всем им будут направлены приглашения приехать и понаблюдать.

Никаких ограничений нет.

При обоснованной просьбе международный наблюдатель в России может быть допущен даже в закрытое учреждение. Число наблюдателей, которые приезжают, должно быть разумным, и это должны быть люди, хорошо разбирающиеся в избирательной практике, в избирательном процессе, а не лица, имеющие несколько иные задачи. Любое суверенное государство может отказать в аккредитации, но, в принципе, такое происходит редко.

Наиболее известный случай произошел несколько лет назад в Молдавии, когда было отказано целой группе наблюдателей от общественных организаций, не пользующихся, по их мнению, руководства республики, доверием. Среди прочего, наблюдатели реально нарушили правила аккредитации².

С июня 2011 г. Центральной избирательной комиссией России выделяется специальное бесплатное время на

основных теле- и радиоканалах для информирования избирателей о предстоящих выборах.

Кроме того, в стране действует закон о равном информировании о деятельности четырех парламентских политических партий⁵.

Теперь появился еще и закон о равном информировании о деятельности политических партий, представленных в региональных законодательных собраниях в предвыборный период. Поскольку реально избирательная кампания началась, то этот закон играет большую роль.

С 15 июня 2011 г. установлен строгий учет времени, которое предоставляется политическим партиям на ВГТРК для информирования о их деятельности.

По закону, если какой-то партии недодали время в информационном пространстве в течение месяца, то это время приплюсовывается ей в следующем месяце.

Этот закон работает, и больше нигде в мире нет такого закона. Его применение вызывает большой интерес за рубежом. Там интересуются методикой подсчета голосов и контроля, в том числе и учетом ключевых слов, по которым отслеживается информация той или иной партии. Выгодно получить компенсацию в месяце, предшествующем выборам.

Большое значение в предвыборной кампании играют теле- и радиодebаты.

За месяц до дня голосования, как только начинается агитационный период, путем жеребьевки распределяется равное бесплатное время на государственных теле- и радиоканалах. В этой жеребьевке принимают участие все допущенные партии. Время равное, его можно использовать и для теледебатов, и для выступления, и для показа своего агитационного ролика. Время немалое – речь идет о часах.

Информационно-агитационная кампания для нашего электората за рубежом – достаточно сложное дело. Во-первых, ряд стран не допускает чужой агитации на своей территории. Кроме того, и в нашем законодательстве предусмотрено ограничение – мы не можем воспользоваться услугами на безвозмездной основе.

Предположим, приходит зарубежная газета, в которой указывается, что, они готовы помочь разместить информацию о кандидатах. Но по нашему закону нельзя использовать услуги зарубежных спонсоров. С этим возникают определенные трудности.

В таких ситуациях помогает Интернет, радиокомпании, телевизионные каналы, которые пользуются популярностью у соотечественников за рубежом. Они дают максимально подробную информацию, в том числе и о выдвинутых кандидатах.

Политический плюрализм в России привел к тому, что общество не структурировано в соответствии с идеологическими и политическими программами, в нем нарастают националистические и популистские протестные настроения.

Помимо вопросов федерального уровня возникают проблемы, касающиеся регионов, где «местные власти практически полностью встроены во властную вертикаль как экономически, так и политически». Это приводит к «негативным процессам эволюции элит», которые напрямую связаны с резким ограничением «вертикальных лифтов, возможностей карьерного роста» и определяются сейчас «не столько способностями, сколько успешным встраиванием в вертикаль».

Все это в целом выглядит как революция сверху и во многом напоминает предыдущую волну демократизации в

1986 г. Правда, опять же на данный момент непонятно, в какой степени эти тенденции будут реализованы.

Но если представить себе Россию со смелым и свободным политическим телевидением, губернаторскими выборами, большей самостоятельностью местных властей, не так туго закрученной властной вертикалью, с яркими политиками регионального уровня, проводящими эффективные местные предвыборные кампании и реализующие затем четкую и ясную программу, которая в результате становится для них «вертикальным лифтом» в более высокие этажи власти, вплоть до федеральных, – понятно, что это будет совсем другая страна. Тогда 2011-й год действительно будет отличаться политически от 2000-х в лучшую сторону.

Ни одна революция сверху в России не то что не удавалась, но даже не началась без явно выраженного желания властей ее совершить.

К сожалению власть в России формируется вне общества и управляет им дистанционно (и в этом ее коренное отличие от западноевропейской власти, порожденной обществом, в нем укорененной и ему подотчетной), но оказавшись открытой для общества, она перестает быть самой собой.

Современная «Единая Россия» – партия власти прекрасно обходится без предъявления обществу своей идеологии. Однако очень важно чтобы с внятной идеологией, приемлемой стратегией развития выступала власть. Роль такой партии скорее представительская и мобилизационная, чем «рабочая» (в смысле определения основ политического курса и его реализации). Поэтому не правы те ее лидеры, которые заботятся о программе партии и выдвижении инициатив социального порядка. Это – прерогатива власти.

Члены партий в России не всегда пользуются доверием общества (как и объединяющая их представителей выборная законодательная структура), а значит, незачем тратить «ресурс» на заведомо провальные проекты. Главная публичная роль партии власти – заботиться об имидже власти, особенно в кризисные для нее периоды.

В любом сложном общественном явлении, где переплетаются и сталкиваются интересы различных социальных групп, общественно-политических образований, отдельных личностей и т.д., неизбежно возникновение как желательных, так и нежелательных, как предусмотренных, так и неожиданных последствий.

Существенная особенность политической борьбы в России на современном этапе – конфликтный потенциал страны.

Это не только следствие живучести ее политической традиции, не только результат краха советской социально-политической системы, но и итог обострения современных проблем, среди которых:

- политическая нестабильность;
- рост преступности, фаворитизма и коррупции;
- снижение жизненного уровня большинства граждан;
- утрата гражданами уверенности в завтрашнем дне.

Но наряду с очевидными угрозами будущему нашей страны конфликтный потенциал несет в себе и источник ее развития, является показателем ее внутренней готовности к переменам, в том числе и таким, которые ведут к разрядке социальной напряженности, консолидации общества, его более эффективной и стабильной организации.

Политические конфликты отражают многообразную реальность современ-

ной российской общественной жизни, прежде всего, как проявление интересов сил, сталкивающихся в борьбе за власть. При этом важно наряду с актуальными, т.е. происходящими в действительности политическими конфликтами, видеть конфликты потенциальные.

Одним из важнейших итогов развития политических процессов в стране явилось возрождение многопартийности, множества разнообразных, хотя, как правило, малочисленных и недостаточно влиятельных партий, воплощающих в своей деятельности политические интересы различных групп граждан. Излишне говорить, насколько велико их значение при формировании и актуализации потенциала политических конфликтов в России.

Сегодня ни у одной из российских политических партий нет монополии на «единственно правильный» способ разрешения, предотвращения или «окончательного искоренения» политических конфликтов.

Однопорядковость, равноправие и автономия политических партий позволяют только более или менее полно выражать плюрализм общественных интересов, искать и находить пути разрешения конфликтов между ними, использовать эти конфликты в интересах страны и общества.

Какую бы форму ни принимала партийная оппозиция существующей власти – парламентскую и т.д., но сам факт легитимного оппонирования, обсуждения и оценки власти способствует оптимизации ее деятельности, предотвращению возникновения монополии на власть.

Открытая полемика с правящими и управляющими структурами уменьшает вероятность волюнтаристских политических решений, способствует обнаружению пороков как власти, так и об-

щества, а значит создает предпосылки для борьбы с ними.

Межпартийное противоборство, конечно, добавляет свою долю в конфликтный потенциал России. Оно снижает социальное напряжение, предотвращает его взрывное, революционное воплощение.

Еще одна особенность межпартийного противоборства на современном этапе, это агитационная деятельность партий, которая в прессе имеет различное толкование, к примеру: агитация, пропаганда, *PR* и политическая реклама⁶.

В законе «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» упоминается предвыборная агитация как одна из форм политической рекламы, но в законе «О рекламе» нет ни слова о политической рекламе.

Четкого понятийного аппарата, ясно разграничивающего близкие понятия агитации, пропаганды, *PR* и политической рекламы, в России пока не существует. В прессе приходится встречать различные толкования этих терминов.

Закон «О рекламе» на политическую рекламу не распространяется. Тем не менее в Законе «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» упоминается политическая реклама как одна из форм предвыборной агитации, а агитация выступает важнейшим этапом избирательной кампании. С другой стороны, реклама может распространяться отнюдь не только на период проведения избирательной кампании и в этом смысле агитацией не является.

Политический рынок России – это объект, включающий в себя рынок имиджей кандидатов и действующих политиков, которые являются субъектами конкурентной борьбы.

Подсистему рынка услуг на политическом поле представляют многочисленные рекламные и *PR*-агентства («Николло-М», «Новоком», «Имидж-контакт», «Фонд эффективной политики» в Москве, «АМП СПб – лаборатория социально-политических исследований» – в Санкт-Петербурге, «Ньютон», «Релиз», «Ультра Ви» – в Екатеринбурге и др.).

В соответствии с современным законодательством политическая реклама определяется как «предвыборная агитация – деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список кандидатов или против него (них) либо против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)»⁷.

В Федеральном законе о гарантиях избирательных прав формулировка политической рекламы звучит так: «Агитация предвыборная (предвыборная агитация) – деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список кандидатов или против него (них)».

В Федеральном законе от 12 июня 2002 г., № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» понятие политической рекламы трактуется иначе: «Реклама – распространяемая участниками избирательного процесса через СМИ информация о кандидатах на должность Президента Российской Федерации с использованием средств и приемов, отличающих рекламные материалы от других видов и жанров информации (преобладание эмоционального воздействия над смысловым, броскость, лаконизм, повторяемость), с целью формирования общественного мнения как за, так и против тех или иных кандидатов»⁸.

Сегодня в России под *PR* нередко понимают не систему поддержания отношений между организацией и общественностью, а набор более или менее грязных приемов, при помощи которых происходит заведомый обман населения.

Белый *PR* в таком понимании – манипулятивные технологии, допустимые законом, черный *PR* – технологии, явно или неявно вступающие в конфликт с нормами права, но действующие эффективно и незаметно для большинства.

Теперь для обозначения истинного, первоначального, смысла *PR* даже иногда предпочитают использовать незапатентованную аббревиатуру РОС – развитие общественных связей. Классические связи с общественностью предполагают гармонизацию отношений между субъектами процесса, чего о российском пиаре не скажешь⁹.

В целом правовое регулирование *PR*-деятельности в политической сфере осуществляется в рамках законодательства о выборах. Однако анализируя российские реалии, достаточно легко обнаружить, что законодатели в текстах различных нормативных актов о выборах не используют термина «связи с общественностью». Более того в законодательстве можно найти только косвенное упоминание политического *PR* как одного из видов осуществления информационной деятельности в ходе избирательных кампаний, а именно в связи с определением и регулированием предвыборной агитации.

Характерной особенностью политической борьбы в стране на современном этапе следует считать сложившуюся в России партийную борьбу.

Что касается партий, которые будут участвовать в выдвижении списков кандидатов в депутаты Государственной

думы, для них правила остаются неизменными.

В августе – начале сентября 2011 г., через несколько дней после опубликования Указа о выборах в Думу, министерство юстиции опубликовало перечень тех политических партий, которые могут выдвигать списки допущенных кандидатов. В настоящий момент таким правом обладают семь политических партий. Есть еще время для того, чтобы каждая политическая партия, региональное отделение успел представить в министерство юстиции России необходимые документы.

Центральная избирательная комиссия будет руководствоваться перечнем, который опубликует министерство юстиции. Есть и ограничения на объем средств, которые могут быть потрачены на предвыборную кампанию. В отличие от Соединенных Штатов Америки, где эти ограничения недавно были сняты, у нас есть предельные цифры.

Предельная сумма всех расходов политической партии во время избирательной кампании на выборах депутатов в Государственную думу не может превышать 700 млн руб. Это предельная сумма для центрального органа.

Сюда не включаются расходы региональных отделений политических партий. В регионе фонд политической партии на выборах в депутаты Государственной думы может варьироваться от 15 млн до 55 млн руб.

Для кандидатов на пост президента предельная сумма всех расходов на избирательную кампанию составляет 400 млн руб., на повторное голосование – 500 млн руб.

В России избираются 450 депутатов Государственной думы. Региональные списки могут включать сотни фамилий. Поскольку кандидатов больше, чем мест в Думе, то и информации о них должно быть больше. Необходим жесткий контроль.

Все расходы фиксируются и проверяются. По завершении кампании каж-

дая партия отчитывается перед Центральной избирательной комиссией России. Комиссия обязана эти цифры проверить с помощью соответствующих органов.

Легитимная борьба партий за демократизацию политического режима и утверждение состязательной партийной системы в России – это закономерность.

Сложившийся политический режим стремится взять под свой контроль избирательный процесс и партийную систему, что не способствует развитию механизмов политического участия населения и влияния гражданского общества на принятие властных решений в стране.

«Единая Россия» защищает существующий политический режим и отстаивает свою монополию на власть. Хотим мы этого или не хотим, в России возник авторитарный тип партийной системы с так называемой инклюзивной правящей партией, которая способна реагировать на потребности населения и агрегировать интересы различных групп общества, сохраняя при этом свое политическое господство. Функционирование такой партийной системы не ведет к демократизации общества. Но накапливающийся в обществе конфликтный потенциал в конечном итоге может выйти наружу, и народ утвердит себя в качестве суверенного источника власти.

Именно тогда на основе развития гражданского общества и будет сформирована состязательная партийная система.

Из сказанного выше следует, что российские партии пока не являются тем универсальным посредником между обществом и государством, который помогает в осуществлении интересов гражданского общества.

Население России не доверяет партиям, что подтверждают выборы, прошедшие 14 марта 2010 г. в 76 регионах. Оппозиция преодолела 7%-ный барьер даже там, где ничего для этого не делала, и это свидетельствует о переменах в общественном мнении по отношению к партии власти.

По итогам выборов в восьми региональных парламентах оказались представители всех четырех парламентских партий. Однако «Единая Россия» – крупнейшая среди российских политических партий, стала еще крупнее, продемонстрировав желание большинства избирателей опираться на то, что труднее всего «опрокинуть», хотя бы в силу размера. Отсюда следует вывод, что гражданам готовы активно проявлять свою позицию, хотя и участвовать в формировании власти и делают это доступными им способами.

Как утверждает советник американского президента, профессор экономики Нью-Йоркского Университета Нуриэль Рубини, новый мировой экономический кризис, или, как он выражается, «идеальный шторм», не за горами.

Поэтому в значительной части стран мира с приближением выборов в парламент в правящих партиях, которые, как правило, не выполняют предвыборных обещаний, наблюдаются судорожные усилия по сохранению их престижа и нахождения у власти.

Например, в США и Германии партии власти значительно увеличивают расходы на предвыборную кампанию в значительной части за счет бюджета, а в России, помимо этого, создаются различные общественные движения в поддержку власти («Народный фронт», в поддержку «Единой России», например).

Вряд ли можно считать подобные действия легитимными, а тем более рассчитывающими на успех.

Важной особенностью политической борьбы в России на современном этапе

является создание молодежных отделений политических партий «Молодые социалисты России» (партия «Справедливая Россия»), «Молодая Гвардия Единой России» (партия «Единая Россия»), «Молодежное Яблоко» (партия «Яблоко»), «Соколы Жириновского», «Молодежный центр ЛДПР» (ЛДПР), «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» (КПРФ) и молодежные движения и организации («Идущие вместе», «Наши», «Россия Молодая», «Местные», «Новые люди», «Восхождение»), а также ряда молодежных организаций, ключевым пунктом программы которых является сохранение суверенитета и целостности России, осуществление модернизации страны и формирование действующего гражданского общества с различными молодежными организациями¹⁰.

Предыдущие выборы в России отчетливо продемонстрировали, что, несмотря на чрезвычайно низкий уровень доверия наших сограждан к властным институтам, власти, как таковой общество доверяет.

Можно не соглашаться с народным выбором, но приходится признать, что «Единая Россия» оценивается россиянами не так, как другие партии. Власть, укрепившаяся и подтвердившая свою силу, – единственный гарант относительной стабильности, порядка и безопасности в обществе. Именно поэтому «Единая Россия» не скрывала на выборах своей истинной природы: того, что и по форме, и по содержанию она партия власти и ее единственная идеология – власть. Этой идеологией и определялась специфика лозунгов, транслируемых «единоборцами» через СМИ.

В аспекте молодежной политики нужно отметить тот факт, что «Молодая Гвардия Единой России» играет важную роль в агитационной деятельности и обеспечивает технические процессы в

работе избирательных штабов. Таким образом, «молодогвардейцы» делают за «единоборцев» довольно много работы.

Если на выборах в 2007 г. активисты «Молодой Гвардии» сталкивались на улицах лишь с членами СКМ и НБП, то сейчас, по мнению экспертов, молодым «еднороссам» будет активно мешать движение «Наши» и их боевое крыло – «Сталь».

Спикер Государственной думы Б.Грызлов лично приехал на IV федеральный съезд «Молодой Гвардии Единой России» по случаю пятилетия этого движения и вместе с вице-премьером А.Жуковым призвал ребят активнее идти во власть. Назначение в качестве главы «Молодой Гвардии» пресс-секретаря Б.Грызлова говорит о том, что спикер Госдумы берет это молодежное течение под личное покровительство, а значит, собирается более активно использовать его в борьбе с политическими противниками «Единой России»¹¹.

В условиях инновационного развития общества существует объективная потребность в расширении политического поля, допуске к участию в принятии политических решений различных политических и социальных субъектов, отказе от политического монополизма, какими бы благими намерениями они ни оправдывался.

Принципиально важным для России является смена персоналистской парадигмы управления на институциональную. Вектор развития России как открытой страны направлен в сторону свободного волеизъявления и не может определяться лишь одной политической силой, стимулируя появление альтернативных идей, моделей, концепций.

Политико-административные отношения, выстраиваемые в условиях демократизации и опирающиеся на потенциал государства, имеют тенденцию к большей открытости и прозрачности, но лишь при условии ее поддержки со

стороны общества и повышения политической, экономической, социальной активности населения, что является для России пока скорее гипотетическим, чем реальным фактором.

Наконец, существенной особенностью политической борьбы в России на современном этапе является контроль государственной власти со стороны общества.

Среди инициатив, предложенных и реализованных государственной властью за 2008–2011 гг., следует выделить внесение изменений в Конституцию Российской Федерации, связанных с контрольными полномочиями Государственной думы в отношении Правительства Российской Федерации, вступивших в действие с 31 декабря 2008 г., и планируемое расширение контрольных функций региональных парламентов в отношении глав исполнительной власти субъектов Федерации.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 103 Конституции Российской Федерации к ведению Государственной думы теперь относится заслушивание ежегодных отчетов правительства о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной думой¹².

Следует отметить, что действия политической власти соответствуют заявленным целям.

Так, 22 января 2010 г. на заседании Государственного совета, посвященного развитию политической системы России, впервые за многие годы состоялся открытый диалог власти и всех политических сил, включая оппозиционные, в котором была подвергнута критике практика управления социальными процессами¹³.

Развитие информационного общества в России сталкивается с социально-экономическими и политическими проблемами. Образование должно сформиро-

вать потребность человека в информации. При этом развитая инфраструктура обеспечивает передачу и получение необходимой информации, а политические структуры – высокий уровень информационно-аналитического обеспечения для эффективного управления обществом.

Для мониторинга национальной безопасности в ее Стратегии впервые отражены:

- уровень безработицы;
- децильный коэффициент;
- уровень роста потребительских цен;
- уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении к валовому внутреннему продукту;
- уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении к валовому внутреннему продукту;
- уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники;
- уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами.

То, что из семи критериев пять непосредственно не связаны с традиционными представлениями о национальной безопасности, а отвечают требованиям современного развития общества, является значимой характеристикой российской политики в политической борьбе.

Реализация национальной безопасности осуществляется через призму национальных интересов, связанных с развитием национальной экономики, улучшением качества жизни населения, обеспечением политической стабильности в обществе с помощью современных технологий политического управления.

Обилие партий не свидетельствует о растущей социальной дифференциации общества, которое по-прежнему фрагментарно. Оно, прежде всего, отра-

жает политическую институционализацию конкурирующих групп правящей элиты.

Важнейшей характеристикой демократического процесса считается наличие альтернатив и возможности выбора между партиями. А идеология становится средством, позволяющим упростить сложный политический выбор избирателя между правительством и оппозицией. Если идеологическая дистанция между партиями левого и правого флангов не слишком велика и нет влиятельных антисистемных партий, то считается, что партийная система обладает консолидирующим потенциалом¹⁴.

Однако следует отметить, что выборы не гарантируют демократического развития страны, они могут приводить к власти правителей, которые склонны оперировать способами, далекими от норм демократии.

Примером служат досрочные президентские выборы в Грузии (5 января 2008 г.).

По их результатам в первом туре победил Михаил Саакашвили с результатом 53,47% голосов избирателей. Его главный соперник – кандидат от объединенной оппозиции Леван Гачечиладзе, получил 25,69%. В президенты баллотировались 22 кандидата, из них семь кандидатов участвовали в выборах. Явка составила 56,19%. Для того чтобы участвовать в выборах, надо было собрать 50 тыс. подписей своих сторонников.

Есть в избирательной кампании и издержки.

Например, полная монополизация общественной жизни экономическими и административными элитами на федеральном и региональном уровнях. В ряде регионов губернаторы препятствуют развитию политических партий, так как принадлежность к ним не способствует консолидации региональных политических режимов, не играет роли полезного ресурса во взаимоотношениях с центром, губительно сказывается на организационном развитии партий.

Выводы

1. Политическая борьба за власть в России в ближайшем будущем будет происходить во время подготовки к выборам в Государственную думу в декабре 2011 г и выборов президента Российской Федерации в марте 2012 г.

2. Борьба будет происходить в условиях сложной международной обстановки (назревания системного кризиса глобализма) и внутренних противоречий между существующей властью и беднейшими слоями населения.

3. Подготовка и проведение выборов будут осуществляться в остром противоборстве политических партий, молодежных организаций и общественных движений.

4. Значительное влияние на выборы в Госдуму и президента страны будут оказывать использование электронных средств при голосовании, широкое участие наблюдателей, возрастании роли СМИ, обострение противоречий между политическими партиями и усиление контроля государственной власти со стороны общества.

Примечания

¹ Медведев: выборы – это серьезная политическая борьба // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=521006>. 27.07.2011.

² Интервью Председателя ЦИК России В. Чурова «В Российской Федерации сейчас время очень стабильной избирательной системы» // Международная жизнь, 2011. № 7.

- ³ Стенографический отчет о совместном заседании Государственного совета и Совета по развитию информационного общества. 23 декабря 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/tmscripts/6443>.
- ⁴ URL: <http://political-party.ru/slovar/44-b/982-borba-politicheskaya>
- ⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» // Российская газета. 2009. 15 мая. № 4911.
- ⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета, 2006. 15 марта. №4017.
- ⁷ Авченко В. Политтехнологии. М., 2010. С. 14.
- ⁸ Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. М.: Центр политического консультирования «Никколо М», 1999. С. 210.
- ⁹ Политические технологии в эпоху Путина // Сегодня. 2000. 27 апреля.
- ¹⁰ URL: <http://www.nogo.ru>
- ¹¹ Александров О. Единая Россия – 2011: Проблема Кремля // URL: <http://www.moscow-post.ru/redactor/001295432933395/>:
- ¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Собрание законодательства РФ, 2009. № 4ю. Ст. 445.
- ¹³ Системный подход. С российским обществом надо сотрудничать, а не командовать им // «Российская газета». 2010. 25 января. С. 1, 2.
- ¹⁴ Кочетков Д. Ресурсы политических партий на парламентских выборах 2007 г. // Власть. 2009. № 6.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие
36789 — на год

Русский язык на постсоветском пространстве

Теоретический аспект. Проблемы

Владимир Егоров
Станислав Болтовский

Распад СССР помимо многих деструктивных последствий, которые В.В.Путин характеризовал как «геополитическая катастрофа века», «драмой для народа» имело следствием то обстоятельство, что «десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории»¹.

Не закономерный распад, а инициированный развал СССР привел к тому, что в состоянии «лоскутной недееспособности» оказалось экономическое пространство (в случае «цивилизованного» развода именно экономическая самодостаточность отдельных территорий, как правило, является его главной причиной), «по живому» расчлененными оказались все гуманитарные связи (начиная с семейных, родственных связей и кончая «культурным ландшафтом», генерированным общими традициями и ценностями).

Однако как ни парадоксально, именно трансцендентный характер развала страны породил пролонгированный эффект потенциала постсоветской интеграции.

Соответственно трендам общественно-политического развития постсоветского пространства позиционируется место и роль одной из постсоветских реалий, укорененной в организм новых не-

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета, первый заместитель директора Института стран СНГ. E-mail: korrka@mail.ru

БОЛТОВСКИЙ Станислав Олегович – соискатель кафедры политологии и права МГОУ. E-mail: korrka@mail.ru

Ключевые слова: функциональное пространство русского языка, российское социокультурное влияние, постсоветское пространство, геополитические интересы России, реинтеграция.

зависимых государств совместным проживанием в рамках одного государства, – **русского языка**.

Русский язык как один из мировых языков (седьмой по степени распространения из 3000 ныне действующих) благодаря огромному культурному потенциалу составляет общее цивилизационное достояние бывших союзных республик.

Помимо того что русский язык, независимо от желания правящих элит, остается функциональным на постсоветском пространстве (в различной степени для отдельных стран), он впитал культурные традиции многих этносов². Вычеркнуть общее прошлое, связанное с русским языком, означает для народов бывшего СССР прежде всего серьезный урон национальной культуре. Вместе с русским языком из национальных сокровищниц следовало бы выбросить творчество А.Кунанбаева, Ч.Айтматова, М.Магамаева, Ф.Искандера и др., составляющее национальное достояние народов новых независимых государств.

Общее наследие, заключающееся в сохранении на территории бывшего СССР функционального пространства русского языка, трудно переоценить.

В современном мире язык стал важным политическим фактором. Он широко используется как средство политического воздействия и влияния. При этом язык используется и как орудие, и как объект политики. В качестве орудия политики язык выступает как инструмент воздействия на общество для достижения определенных политических целей.

По мнению азербайджанского философа И.Меликли, «через язык можно вести захватнические войны, подчинять себе другие народы, менять общество и общества в нужном ключе. Причем те, с кем это будет производиться, не будут сопротивляться, ибо чаще всего этого они не почувствуют и не осознают. Кроме того, все это делается на глубинном, скрытом уровне, что обеспечивает особую эффективность осуществляемых замыслов»³.

Опуская проблематику, связанную с культурной интеграцией в функциональном поле русского языка, сосредоточим внимание на современном общественно-политическом значении его присутствия на постсоветском пространстве и прежде всего в контексте российских геополитических интересов.

Первое внятное артикулирование роли русского языка в укреплении национальных интересов на постсоветской территории содержит документ, подготовленный Комитетом Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам СНГ и связям с соотечественниками «О состоянии русского языка, культуры и образования в странах СНГ и Балтии и мерах по их поддержке со стороны государственных органов и общественности Российской Федерации» (1999 г.).

В документе, в частности, говорилось: «Заинтересованность со стороны России состоянием русского языка, его функционированием на постсоветском пространстве обусловлена тем, что русский язык является:

- *во-первых*, важнейшим фактором обеспечения государственных интересов и государственной безопасности;

- *во-вторых*, это язык жизнедеятельности почти тридцати миллионов российских соотечественников ближнего зарубежья; в-третьих, русский язык является сильнейшим интегрирующим фактором на постсоветском пространстве»⁴.

С момента появления этого документа задача развития русского языка в связи с процессами и явлениями на постсоветском пространстве не стала менее актуальной. Напротив, актуальность усилий по его сохранению и развитию стала более весомой.

Очевидно, что язык составляет силу, обладающую огромным созидательным или разрушительным действием. Являясь таковой, язык способен консолидировать социальную общность или выполнять роль орудия социальной вражды, разделять народы, заводить в тупик

или, наоборот, возвышать их ценностные ориентиры.

Вот что по этому поводу говорит Гейдар Джемаль: «Благодаря воздействию на язык можно перформатировать само человечество, изменить ход истории, отменить прежние проекты, даже коренящиеся в самих глубинах человеческой природы, и задать проекты совершенно новые... Короче, язык – это человечество в своей сокровенной «человеческой» сути»⁵.

Сохранять и развивать русский язык на постсоветском пространстве, значит, поддерживать культурную идентичность, питающую, независимо от желаний политических элит и ситуационной политической конъюнктуры, единую общность, способную регенерироваться в полноценное региональное содружество.

Неслучайно на саммите глав государств СНГ (Душанбе, 3 сентября 2011 г.) Президент России Д.А. Медведев заявил: «Мы будем работать в рамках СНГ над распространением знаний русского языка, что ни в коей мере не принижает значения национальных языков, которые играют важную роль для каждого народа». Президент напомнил, что русский язык остается рабочим языком Содружества и сохраняет, как средство межнационального общения, свою роль на постсоветском пространстве.

«Он помогает решать нам общие задачи», – отметил глава российского государства.

Необходимость и потенциальная возможность расширения функционального пространства русского языка на территории бывшего СССР обусловлена целым рядом обстоятельств.

Комплекс причин, способствующих созданию комплементарных условий развития русского языка, является зеркальным отражением факторов региональной реинтеграции, получивших новый стимул в связи с мировым финан-

совым кризисом, который на самом деле стал первым сигналом вступления планетарной цивилизации в «постамериканскую стадию», с институциональными качествами, принципиально отличающимися от нынешнего однополярного мира. Вполне естественно, что язык центра интеграции в этом сценарии возможного развития ситуации в режиме получает новое значение.

В этой связи интересно мнение экспертов российского общественного комитета «За новую стратегию международного гуманитарного сотрудничества», которые утверждают, что в сложившейся мировой ситуации наибольшими возможностями для ведения эффективной политики в области международного гуманитарного сотрудничества обладает именно Российская Федерация.

Неслучайно противники обретения Россией прежних позиций в регионе негативно оценивают факт присутствия на постсоветском пространстве русского языка.

Вот что по этому поводу пишет немецкий политолог Х.Фогель: «В соседних государствах – бывших советских республиках консолидация обретенной национальной идентичности затрудняется, прежде всего, наличием значительных этнических русских меньшинств. Даже новые члены НАТО, такие как Латвия, испытывают постоянные проблемы с интеграцией русско-язычного населения. Нельзя недооценивать складывавшиеся поколениями и перешагивающие через новые границы семейные связи, так же как и значительные миграционные потоки гастарбайтеров из соседних южных республик.

С этой точки зрения русский как язык общения в СНГ выступает инструментом неоимперской внешней политики, становясь носителем образов русской истории, образов идентификации и стандартов политической культуры»⁶.

Малоконструктивная по интонации, но верная по существу мысль автора отражает большую роль русского языка в процессе реинтеграции постсоветского пространства.

Отчасти фундирование возрастающему значению бывшего государственного языка Советского Союза придает то обстоятельство, что с момента образования СНГ русский язык стал рабочим инструментом Содружества.

В ст. 35 Устава Содружества Независимых Государств закреплено положение о том, что рабочим языком Содружества является русский язык.

Кроме того, русский язык предоставляет самый короткий путь интеграции большинства народов бывшего СССР в мировое информационное пространство, без чего немыслим выход всех независимых государств на новый качественный уровень социально-экономического развития.

Одним словом, для того чтобы русский язык выполнил миссию инструмента регионального объединения новых государственных образований, требуется придать ему не декларативную, а полноценную функцию языка межнационального и межгосударственного общения.

Однако обретение таких свойств великим и могучим связано с рядом проблем. Некоторые из них вытекают из внутреннего развития стран-реципиентов, другие – из внешних факторов.

По данным международного исследовательского агентства «Евразийский мониторинг», общение на русском возможно для подавляющего большинства населения новых независимых государств.

Однако уровень владения русским языком и его распространенность существенно различаются: Беларусь (77%), Украина (65%) и Казахстан (63%) – это страны, где приблизительно две трети населения свободно владеет русским. Там русский язык является либо доминирующим (Беларуссия), либо столь же распространенным, как и титульный. Причем на Украине, несмотря на то что русским языком

пока пользуется значительная часть населения, у молодежи сравнительно низкий уровень владения языком.

В Киргизии, Молдавии, несмотря на доминирование языка титульной национальности, достаточно большая доля населения владеет русским языком и используют его в общении.

Азербайджан, Армения, Грузия, Таджикистан находятся на «периферии» русскоязычного пространства новых независимых государств. Здесь свободно владеет русским языком не более трети населения, он редко используется в основных сферах общения.

С русским языком нет явных проблем лишь в Беларуси, где русский язык доминирует в сфере образования. В остальных странах положение более сложное.

В Армении, Таджикистане и Узбекистане проблема с обучением на русском языке стоит наиболее остро: там практически нет русских школ и классов. Одновременно в этих странах ярко выражена потребность в изучении русского языка.

В Киргизии существует серьезный запрос на изучение русского языка, и в последнее время наблюдается расширение возможности получения образования на русском.

В Казахстане, наоборот, наблюдается резкое сокращение количества обучающихся на русском, но пока существует баланс между потребностью и возможностью получать образование на русском языке.

В Азербайджане большая часть жителей не считает нужным расширять изучение русского языка в школах, так как проводимая образовательная политика устраивает население⁷.

Другим препятствием укрепления позиций русского языка на территории бывшего СССР является диверсификация интеграционных направлений новых независимых государств в связи с активным проникновением на постсоветское пространство новых центров международного влияния, несущих с собой агрессивную культурную экспансию.

В странах СНГ, прежде всего Среднеазиатского региона, значительно усилилось присутствие третьих стран (США, Великобритании,

Франции, Германии, Турции, Ирана, Китая, Японии, Пакистана, Южной Кореи), которые вкладывают значительные средства в том числе и в культурную инициативу.

Турция приступила в 1997 г. к изданию учебников с латинским шрифтом для Туркмении. Только на осуществление этого проекта, который подготовлен в рамках решения тюркоязычных республик бывшего СССР об их переходе с кириллицы на латиницу, затрачено 3 млн долл.

Для закрепления своего присутствия большие средства отчисляются на бесплатную подготовку специалистов за рубежом, открываются школы, лицеи, книжные магазины, типографии, помещенному телевидению широко транслируются программы с соответствующими информационными материалами, организуется проведение выставок, практикуется приглашение деятелей культуры и науки в зарубежные поездки.

В Казахстане, например, реализуется государственная политика подготовки высококвалифицированных специалистов в западных учебных центрах (президентская программа «Болашак»). Привлекает внимание активность в этой стране Турции (в Казахстане действуют два турецких университета, 35 лицеев, инвестиции в эту сферу достигают 100 млн долл.).

Кроме того, успех поддержания в жизнеспособном состоянии единого социокультурного пространства на основе традиционных ценностей, в том числе русского языка, зависит от превращения России в самостоятельный центр постмодернизации. Активное продвижение основного центра постсоветского пространства в этом направлении все больше приобретает смысл не только необходимого условия предотвращения центробежных тенденций региона, но и сохранения государственно-го суверенитета.

Изучение языка другого народа может быть связано (помимо чисто профессиональной деятельности) или с желанием приобщиться к культурным цен-

ностям, генераторами которых являются «восходящие» нации и народы, или с прагматическим выбором более комфортных условий для проживания другой страны, временной или постоянной работы, отвечающей материальным и духовным потребностям личности.

Неслучайно в этой связи попытка форсированного продвижения языка титульных наций в новых независимых государствах, как правило, кроме ущемления возможностей языков национальных меньшинств, других результатов не приносит, так как новые государственные языки не дают для представителей титульных наций преференций в условиях жизни и социальной перспективе.

Например, казахская молодежь (имеющая возможность) предпочитает в совершенстве овладеть не государственным языком, а арабским, китайским, английским.

Данные, иллюстрирующие это положение, выглядят следующим образом:

На вопрос, какой язык вы предпочитали бы изучить в совершенстве, имея на это возможность, 723 представителя коренной национальности Казахстана ответили: 36,9% – китайский, 30,1% – арабский, 21,2% – английский, 10,2% – казахский, 2,3% – русский⁴.

Положение с распространением русского языка в странах СНГ и Балтии напрямую коррелируется с положением в самой России.

Большинство молодых россиян совершенно добровольно посвящают значительную долю своего времени изучению иностранных языков.

Еще два десятилетия назад было невозможно представить современную востребованность, например, китайского языка.

Молодежь в большинстве своем стремится освоить несколько языков.

К сожалению, бум в обучении языкам связан далеко не только с желанием приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Главной причиной

такой востребованности лингвистических знаний является обеспечение дополнительных возможностей в поиске если не постоянного места жительства, то хотя бы работы за границей.

За последние 3 года страну покинуло не менее 1,5 млн трудоспособных россиян. Сегодня эмигрировать из России хотят столько же граждан, сколько в 1991 г.⁸

Словом, те же причины фундаментального характера, которые снижают социализацию русского языка в самой России, являются тормозом на пути его продвижения на постсоветском пространстве, а именно: недостаточные темпы модернизации российской социально-экономической и политической системы.

Значительным тормозом сохранения и развития функционального пространства русского языка в новых независимых государствах стала нерасположенность к этому национальных элит. Большим заблуждением является представление о том, что решающее значение здесь играет личная позиция того или иного лидера.

Политическая практика последнего десятилетия показывает, что персональная роль руководителя государства играет в данном случае второстепенную роль. Даже те представители власти, которые пришли к ней благодаря про-российской риторике, сразу после достижения цели отказываются от предвыборных обещаний (Л.Кучма, В.Янукович).

Причина русофобии политических режимов новых независимых государств коренится в истоках суверенизации бывших союзных республик. По мнению большинства исследователей (исключая авторов), близких к официальным властным структурам новых независимых государств, характерной

чертой постсоветской политической системы стран СНГ является незрелость новых форм политической организации, в том числе «национально-государственных образований», не обладающих формальным набором признаков суверенных государств⁹. Причина «несуверенизации» бывших союзных республик, по мнению исследователей, коренится в «не решаемых в рамках отдельных частей бывшего государства комплексом явлений и тенденций», в частности невозможностью полноценного самостоятельного экономического развития, в значительной степени восполняемой постсоветскими режимами за счет культивирования национализма и этноцентризма.

Лояльность к России вообще и русскому языку в частности становится предметом торга в надежде получить преференции, компенсирующие разрыв полноценных экономических связей.

Для иллюстрации сказанного приведем только один, но красноречивый пример.

На сегодня сельское хозяйство Грузии составляет только 9% ВВП, притом что в этом секторе экономики занято 55% трудоспособного населения этой страны. Внешний долг Грузии в то же время составляет 8 млрд долл. США¹⁰.

Зачастую русский язык становится заложником в решении незатухающих этнических конфликтов на постсоветском пространстве, арбитром и сдерживающим началом которых остается Российская Федерация.

Так, с заметной синхронностью осуществляются комплементарные меры содействия русскому языку в Азербайджане и Армении, демонстрирующих ими дружелюбность центру, от которого во многом зависит судьба затянувшегося конфликта вокруг Карабаха.

И напротив, поддержка Россией непризнанной Приднестровской Молдавской Республики

вызывает всплеск мероприятий, дискриминирующих русский язык в Молдавии.

В рамках политики «досуверенизации» новые элиты стран СНГ и Балтии ведут борьбу за насильственное насаждение языков титульных наций даже тогда, когда это противоречит здравому смыслу.

Писатель Л. Рудницкий по этому поводу высказался так: «В странах СНГ ущемляют русский язык по одной простой причине: если дать ему развиваться свободно, он отодвинет на периферию языки государствообразующих наций»¹¹.

Важным основанием необходимости сохранения русского языка на постсоветском пространстве в контексте геополитических интересов России является наличие в ближнем зарубежье значительного количества российских соотечественников, социальная перспектива которых неотделима от комплексного решения языкового вопроса.

Обеспечение достойных условий проживания российской диаспоры само по себе входит в круг непосредственных обязанностей российского государства, тем более что эта общность образовалась не в результате добровольного выбора, а в результате «ухода Родины». Имея в виду особенность формирования диаспоральных сообществ стран СНГ и Балтии, следует заметить, что культурный и языковой потенциал в отношении таковых имеет особое значение.

Во-первых, в силу качеств, обусловленных обстоятельствами их формирования – слабой организацией и консолидацией.

Во-вторых, в силу отсутствия легитимной возможности отстаивания ими своих прав на самобытное развитие (правовой незащищенности).

В этих условиях только политическое влияние исторической родины на страны проживания соотечественников мо-

жет, в известной степени, компенсировать этот недостаток.

Признавая важность гуманитарной составляющей функционирования русского языка на территории бывшего СССР, нельзя обойти стороной и другой аспект проблемы, а именно: значение его функциональности для обеспечения стратегии России на реинтеграцию постсоветского пространства, одну из центральных ролей в которой должны сыграть российские соотечественники. Мировой опыт свидетельствует (например китайский) о большом потенциале диаспор в продвижении национальных интересов.

Сохранение русского языка в качестве живого и развивающегося организма политического и социокультурного процесса СНГ и стран Балтии, таким образом, выступает необходимым условием интеграции российских соотечественников в общественную жизнь современных независимых государств.

Упование на естественный ход событий, раскрывающий позитивные перспективы стабильности функционального пространства русского языка, не совсем корректно, если не сказать, близоруко.

Во-первых, потому, что на фоне стагнации развитых стран Запада глобальный кризис в меньшей степени отразился на странах, претендующих на свое влияние на постсоветском пространстве. Конечно, главным соперником России на центральное место в интеграционных процессах новых независимых государств является Китай.

Во-вторых, историческая миссия России в аккумулировании нового регионального сообщества возможна только в случае успешной ее модернизации (в широком понимании этого термина), что при нынешнем положении в стране выглядит проблематично.

Сказанное позволяет предположить, что складывающаяся благоприятная ситуация для реинтеграции постсоветского пространства, а следовательно, и сохранения позиций русского языка, должна дополняться мерами государственной политики, рассчитанной на опережение объективных центристемительных факторов.

Однако и здесь есть свои препятствия.

Как уже было замечено, внешнеполитическим усилиям России по сохранению функционального пространства русского языка противостоят русофобские настроения новых политических элит.

Другим обстоятельством, ослабляющим меры государственного содействия сохранению и развитию русского языка в СНГ и странах Балтии, является их концептуальная неопределенность и бессистемность, преодолеть которые в обозримом будущем не представляется возможным.

Реальных результатов, не требующих больших затрат, можно достичь, направляя поддержку государства по пути стимулирования деятельности неправительственных общественных организаций, способных осуществлять масштабные мероприятия, ориентированные на первичный уровень коммуникации.

Примечания

¹ Послание Президента России В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г.

² Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1975.

³ Меликли Т. Язык как национальная идея. URL: www.centrasia.ru/news

⁴ Текущий архив Института стран СНГ, 2000, 2010.

⁵ Джемаль Г. Национальный язык и политическая судьба народа. URL: <http://facebook.notes>

⁶ Фогель Х. Передышка или поворот? (К текущим дискуссиям о внешней политике России) // Россия в современном мире. 2011. № 1(70). С. 30–31.

⁷ Великий и могучий (вопросы использования русского языка в странах СНГ) / Международная конференция фонда «Русский мир». М., 2007.

⁸ European council on Foreign Relations. URL: <http://www.ecfr.eu>

⁹ Суздальцев А.И. Постсоветское пространство: уходящая реальность. URL: <http://www.polit.ru>

¹⁰ Чхартушвили Д. Попытка физического устранения Саакашвили и свержения власти в Грузии будет превеликое множество. URL: <http://regnum.ru/polit/1434978/htm/>

¹¹ Рудницкий Л. Почему в СНГ боятся русского языка // Наследие Евразии. 07.04.2010.

Проблемы вузовского образования в современной России

Сергей Рыбаков

Российское руководство не раз заявляло: «Россия может и должна стать конкурентоспособной»¹.

И хотя сама эта установка показывает, что во властных коридорах степень конкурентоспособности страны оценивается не слишком высоко, факт появления такой формулы заслуживает позитивной оценки, ибо термин «конкурентоспособность» не притягивается здесь к досужим разговорам о будто бы фатальной неконкурентоспособности России и о предначертанном ей прозябании на задворках исторического прогресса. Подобные разговоры ведут те, кто хотел бы оправдать утрату нашей страной ведущих позиций в глобальном экономическом и политическом соревновании и затормозить движение к восстановлению ее конкурентоспособности.

Знание по-прежнему – сила

Если Россия не отказывается от участия в планетарном соревновании, то ей нужны надежные инструменты, позволяющие это участие сделать успешным. Одним из них является система образования. Крылатым словам Фрэнсиса Бэкона «Знание – сила» испол-

нилось четыре века, но они ничуть не утратили своей актуальности. Интеллектуальные ресурсы имеют не меньшую значимость, чем ресурсы материальные.

Образование заняло прочное место в национальной стратегии Китая, Фран-

РЫБАКОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: istoric-ek@mail.ru

Ключевые слова: конкурентоспособность, высшее образование, реформы в сфере образования, коммерциализация вузов, Болонский процесс, «компетентностный» подход, кредитно-модульная система.

ции, Германии, Японии, Южной Кореи, Финляндии, Канады, где в нем видят безотказное средство научно-технологического и экономического развития. Масштабные вложения в образовательную сферу, сделанные за последние десятилетия в этих странах, уже неоднократно окупились.

В последнее время и в России много говорится о необходимости обновления и совершенствования системы образования. При этом вопрос о целях и методах ее обновления часто остается в стороне. Чем больше с различных трибун произносится слов о реформировании российской высшей школы, тем все более настоятельной становится потребность отделить разговор о сути реформ от лукавой и бесполезной риторики.

Этой риторикой наполнены выступления сторонников «революционного» перепахивания нивы образования, требующих избавить ее от влияния «косных» традиций.

Сегодня с подачи американцев Гордона Драйдена и Джаннетт Вос, авторов книги «Революция в обучении», активно тиражируется тезис: «Знания превращаются в источник стоимости, и поэтому происходит переход от концепции функциональной подготовки к концепции развития и самореализации каждой отдельной личности»². Этот тезис служит наглядным примером того, как формально правильными фразами затемняются простые сущности.

Разве в прошлом знания не являлись источником стоимости?

Зачем нужно противопоставлять «функциональную подготовку» и «самореализацию отдельной личности»?

Квалифицированные специалисты повышают уровень своих знаний не только ради «функциональной подготовки», но и ради собственной самореализации, которая не может быть полноценной без конкретных навыков и умений.

Псевдореволюционные наскоки на систему образования не безобидны. Она нуждается не в «революционной» ломке, а в продуманном и взвешенном реформировании. Никто не спорит с тем, что образование не может и не должно стоять на месте, что ему вредна статичность. Понятно, что знания устаревают пропорционально нарастанию новой информации, и если специалист не пополняет и не обновляет свои знания, его квалификация начинает отставать от требований времени и неизбежно снижается. Качество профессионализма во многом определяется именно вниманием профессионалов к собственному культурно-образовательному уровню.

Так что же следует из этих несложных констатаций? Прежде всего то, что именно необходимость динамичного совершенствования образовательной системы не позволяет отдавать ее во власть рыночной стихии, отпускать ее на «волю волн», требует привлечения плановых начал в ее развитии, определения точного вектора ее движения, понимания методик ее совершенствования.

Верная методика – это всегда точный баланс между новациями и традициями.

Новации «отвечают» за динамику развития, традиции – за устойчивость системы.

Устойчивость никак нельзя сбрасывать со счетов: без нее пострадает социокультурная миссия образования, нацеленная на обеспечение связи времен, на передачу молодежи норм и эталонов культуры, на усвоение накопленного за века познавательного опыта, на формирование смысловых ценностей и приоритетов, на сохранение нравственно-этических скреп социума.

Чем отчетливее выражена социокультурная направленность образования, тем выше и правовая культура общества, и способность людей адаптироваться к внешним переменам, и

качество принимаемых решений на всех этажах социальной жизни. Отсюда следует вывод: нельзя экономить на образовании. Здесь, разумеется, не обойтись

без значимого уточнения: нельзя экономить на хорошем образовании, а на плохом образовании экономить не только можно, но и нужно.

«Девальвированное» образование

Какой оценки заслуживает нынешняя российская система образования? Увы, ее качество трудно назвать блестящим. Если еще пару десятков лет она, по оценкам ООН, входила в когорту лучших, то теперь, согласно ооновским данным, откатилась в третий десяток мировой «табели о рангах». Ныне на верхах российской власти заговорили о том, что пора разгрести ворох проблем, накопившихся в образовательных учреждениях страны, пора вплотную заняться качественными характеристиками образования и отказаться от бесплодной погони за количественными показателями.

Еще в 2004 г. Владимир Путин, будучи президентом страны, отметил в Послании Федеральному Собранию: «Более половины выпускников не находят работу по специальности. Массовый охват высшим образованием сопровождается снижением уровня преподавания. При этом по сравнению с советским периодом почти утроился прием в вузы, и число поступающих в них практически сравнялось с числом выпускников средних школ. Ну кому это надо?»³.

Действительно, с количественными пропорциями системы образования произошло что-то неладное: если в РСФСР насчитывалось немногим более 450 вузов, то в постсоветской России их число перевалило за 2 тыс. — и это без учета филиалов, количество которых также велико.

По сравнению с советским временем доля студентов на 10 тыс. населения утроилась.

Казалось бы, чем больше вузов, тем выше уровень образованности людей. Но в России эта логика не действует. Большое количество вузов не только не гарантирует высокого качества образо-

вания, но и заметно снижает качественные показатели, в отдельных случаях доводя их до недопустимо низкого уровня.

Не так давно министр образования А.Фурсенко вынужден был признать, что хороших вузов на всех желающих получить высшее образование в России явно не хватает⁴.

Нехватка хороших вузов связана с недостаточным числом подготовленных и квалифицированных преподавателей.

Если количество студентов с 1995 г. выросло почти в 2,5 раза, то штаты преподавателей увеличились только на 20%.

Молодежь на преподавательскую работу идет неохотно, стремясь в частный бизнес или на госслужбу, а нередко ищет счастья за рубежом.

Качественный уровень профессорско-преподавательского состава за прошедшие 15–20 лет снизился.

Более половины нынешней профессуры — люди пенсионного возраста.

Сокращение вузов уже началось. Пока сокращают филиалы, которых за последние год-два стало меньше примерно на треть.

За последние два года было закрыто 99 филиалов и 352 представительства вузов Рособразования.

На ближайшие годы значительное сокращение намечено для университетов.

Федеральным агентством по образованию подготовлен документ, в котором говорится, что в ближайшие два года количество университетов может сократиться с 344 до 230–250.

Глава Рособнадзора Л.Глебова обещает существенно ужесточить процедуру лицензирования и аккредитации ву-

зов⁵. Особенно усложнятся условия выживания коммерческих вузов.

Мнение о раздутом количестве вузов высказал и Президент страны Дмитрий Медведев: «Безусловно, высшее образование подверглось девальвации. Мы получили огромное количество высших учебных заведений, часть из которых

никуда не годится. Оптимальное количество университетов должно быть существенно меньше, чем сейчас»⁶. Едва ли Президент страны стал бы без особой надобности употреблять слово «девальвация».

Где корни и истоки этой девальвации?

В плену тотального рынка

В 90-е годы идеологией правящих верхов стала апологетика всесильного рынка, на практике означавшая культ денег, фетишизацию получения прибылей и конкурентной жесткости. В те годы отечественное образование, впервые в российской истории, было отпущено в свободное плавание по волнам рыночной стихии. Высшую школу сильно лихорадило, многие вузы оказались перед угрозой закрытия.

В кабинетах «младореформаторов» была составлена либерально-рыночная схема реформирования вузовской системы. Они стали явочным порядком урезать финансирование высшей школы, доведя его до мизера в полтора госбюджетных процента вместо трех, зафиксированных в Федеральном законе об образовании. Университетам и институтам было велено зарабатывать деньги, набирая студентов на платное обучение, сдавая институтские площади в аренду коммерсантам, проводя разные коммерческие акции. Началась статусная чехарда: институты становились университетами, университеты – академиями. Чаще всего новые вывески оказывались только фикциями.

Для привлечения максимального числа абитуриентов осваивались разнообразные пиар-технологии. Повсеместно расширялась номенклатура специальностей, для чего, как правило, не имелось ни юридических оснований, ни подготовленных преподавателей. Фа-

культеты и кафедры, принимая молодых людей на платное обучение, заведомо занижали требования к уровню их подготовки, лишь бы те вовремя платили за свое пребывание в вузе. В те годы возникло множество коммерческих вузов, их рост шел по геометрической прогрессии. Процедура лицензирования и аккредитации была несложной, фактически формальной.

После ухода с политической арены Б.Ельцина новое правительство приняло кое-какие меры для того, чтобы затормозить деградацию сферы образования. В 2001 г. Владимир Путин заявил, что государство должно сохранить контроль над этой сферой.

Был принят документ под названием «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», где говорилось: «Произшедший в 90-х годах общесистемный кризис сильно затормозил позитивные изменения. Государство ушло из образования, которое вынуждено было заняться самовывживанием, в значительной мере абстрагируясь от реальных потребностей страны»⁷.

Были предприняты некоторые практические меры для поддержки образования, в частности – увеличились бюджетные расходы на его развитие.

Но к тому моменту уже прочно укрепились позиции тех, кто не желал отрывать образование от «свободного рынка».

А.Фурсенко не смущаясь заявлял: «Профессиональное образование должно стать непрерывным и высокодоходным бизнесом»⁸.

Михаил Фрадков, председатель правительства в 2004–2007 гг., поддержал министра, обмолвившись, что определять, «чему и как учить, должно бизнес-сообщество», а не кто-либо иной⁹.

Но крупный капитал не торопился оказывать реальную помощь государству в развитии образования, предпочитая размещать свои накопления в зарубежных банках или вкладывать деньги в иностранные футбольные клубы и в

шикарные виллы на лазурных берегах. Между тем отечественное образование продолжало деградировать: многие учебные заведения «сбрасывались» с федерального уровня на местные бюджеты, были отменены льготы по налогам для предприятий, вкладывавших свои средства в развитие учебных заведений, прекратилось государственное распределение выпускников вузов.

Что стоит за «доступностью» высшего образования?

В 2004 г. В.Путин заявил о том, что высшее образование должно быть доступным для детей из малообеспеченных семейств¹⁰.

Доступность он, по сути дела, ассоциировал с бесплатностью образования. Смысловая переключка между этими двумя понятиями очевидна. Есть страны, где высшее образование доступно именно потому, что стало бесплатным: Швеция, Норвегия, Финляндия, Бельгия, Ирландия, Чехия. С некоторой оговоркой к таким странам можно причислить Канаду, Германию, Францию.

Что касается России, она в перечень таких стран не входит, хотя часть нашего студенчества учится в государственных вузах бесплатно и даже имеет право на стипендию (почему-то это не нравится советнику российского президента А.Дворковичу, выступившему за отмену стипендий¹¹).

В последние годы количество бюджетных мест в вузах страны неуклонно сокращалось, а число студентов, обучающихся на платной основе, наоборот, росло (особенно четко эта тенденция прослеживается на факультетах, ведущих подготовку гуманитариев, экономистов, юристов, психологов).

За последние 10 лет доля «платников» в государственных вузах увеличилась с 23 до 57%, а если брать абсолютные цифры, то получим их шестикратное увеличение.

Внешней разницы между дипломами, выдаваемыми государственными и коммерческими вузами, нет. Зато есть весьма существенная разница в качестве обучения: в государственных вузах оно по объективным причинам выше, чем в частных. Государственные вузы обладают более солидными материальными активами в виде собственных, а не арендуемых помещений, развитой инфраструктурой, включающей студенческие и аспирантские общежития, комбинаты питания, экспериментально-лабораторную и производственную базу, спортивные залы и стадионы, клубы и актовые залы. Не нужно сбрасывать со счетов и то, что зовется «нематериальными активами», – опыт и навыки профессорско-преподавательского состава, развитые традиции студенческого самоуправления и организации молодежного досуга (театральные кружки, спортивные, туристические секции, стройотрядовское движение).

Однако при всех преимуществах государственных вузов, поступающие туда «платники» немногим отличаются от студентов коммерческих вузов. Среди и тех, и других преобладают ребята, закончившие среднюю школу с низкими баллами в аттестатах. Осилить полновесную вузовскую программу им трудно. Преподавателям приходится изрядно занижать требования к ним, что «рикошетит» по

студентам, обучаемым на бюджетной основе. Из-за упрощения материала эти студенты недополучают знания, которые способны усвоить. В итоге общее качество преподавания неотвратимо падает.

Есть еще одна, не видимая со стороны, проблема платного образования.

Многие студенты, обучающиеся на платной основе, нередко оказываются перед дилеммой: «Учиться или зарабатывать деньги на учебу?». А зарабатывать на учебу приходится, как правило, за счет самой учебы.

Кто-то из «платников» добивается в деканатах разрешения на свободный график посеще-

ния занятий, кто-то пропускает лекции без всяких разрешений.

Для деканов излишняя строгость к ним является «экономически нецелесообразной»: выставить «платника» за двери вуза – значит, потерять прибыль, которую тот приносит. Приходится проявлять снисходительность.

Исключают в первую очередь тех, кто по каким-то причинам перестает платить.

Впрочем, и студентам, доучившимся до защиты дипломов, никто не дает однозначных гарантий: защитят ли эти студенты свои дипломные проекты – вопрос, который, кроме них самих, мало кого волнует.

Как устроиться на работу армии менеджеров?

Коммерциализация вузов привела к резким диспропорциям между поступающими на различные специальности. Желающих стать инженерами, педагогами, врачами в пять-шесть раз меньше, чем тех, кто мечтает о карьере юриста, менеджера, финансиста.

В верхних эшелонах власти знают об этих перекосах.

Еще в начале «нулевых» Герман Греф, возглавлявший министерство экономики, заявил на заседании правительства: «Мы создаем нереальное количество вузов, готовящих бухгалтеров, у нас скоро вся страна станет бухгалтерами... Численность их уже, наверное, выше, чем численность армии и милиции, вместе взятых»¹².

На непропорционально большое количество выпускаемых вузами юристов, финансистов, менеджеров обратил внимание и президент Дмитрий Медведев: «Вопрос в том, что это за специалисты. Когда я учился в университете, у нас было, по-моему, два учебных заведения в Ленинграде, которые готовили юристов. А когда я уезжал из Петербурга в 99-м году, их было уже 50».

По мнению Медведева, проблема состоит в том, что огромное количество выпускников-специалистов готовят не-

профильные вузы: «Понятно, какие от туда специалисты выходят»¹³.

Проблема заключается в том, что многим студентам нужны не столько знания, сколько дипломы, воспринимаемые ими как некий атрибут имиджа, знак престижа, свидетельство личной успешности. Осваивать рабочие специальности эти ребята не хотят: дает себя знать специфическая «профориентация», заполнившая все доступные для молодежи информационные ниши. В ожидании вузовских дипломов молодые люди отодвигают сроки обзаведения семьями, детьми, собственным жильем. Между тем, на многих промышленных предприятиях наблюдается дефицит квалифицированных рабочих, обладающих навыками работы на современном оборудовании. Количество выпускников профтехучилищ покрывает лишь пятую часть потребностей промышленности в рабочей силе. Производственные вакансии приходится заполнять за счет трудовых мигрантов, квалификация которых редко устраивает администрацию заводов. Дефицит рабочих рук – цена, которую экономика вынуждена платить за показную доступность высшего образования.

Кафедры, поставившие на поток выпуск менеджеров, бухгалтеров, юристов, преуспевают в рекламе, несколько фальшиво называемой «профессиональной ориентацией молодежи». На самом деле эта реклама является дезориентацией молодежи, ибо ничего не говорит о том, что массы финансистов и менеджеров сегодняшнему рынку труда не нужны.

Интересы рынка труда и рынка «образовательных услуг» не только не совпали, но и заметно разошлись.

Проблемы вузовской науки

Одной из актуальнейших задач совершенствования высшего образования является его соединение с наукой. Очевидно, что в отрыве от науки вузовская система обречена на прозябание. В верхах это понимают, принимая некоторые меры для укрепления связей высшей школы с прикладной наукой. К примеру, в последние годы была создана сеть производственно-технологических центров, действующих в кооперации с ведущими техническими вузами. Но это лишь первые шаги, и сделать предстоит гораздо больше, чем сделано до сих пор.

В европейских и международных рейтингах российские университеты не занимают высоких мест. Считается, что они недостаточно связаны с большой наукой. В США, Европе, Японии университеты – это не просто образовательные заведения, это научно-образовательные комплексы, где занятия студентов наукой встроены в систему получения ими знаний.

В задачи зарубежных университетов входят помимо подготовки специалистов фундаментальные и прикладные исследования по всем научным направлениям. Доля ассигнований на вузовскую науку там заметно выше, чем у нас. Среди научных трудов, публикуемых в

Сейчас стране нужны не менеджеры, готовые управлять чем угодно, а технические специалисты, инженеры, понимающие производство и способные с пользой для общества трудиться на предприятиях электроники, электроэнергетики, машино- и станкостроения, химической промышленности, лесопереработки. Эти отрасли нуждаются в технологически грамотных кадрах, и без высшей школы кадровые проблемы отраслей материального производства не решить.

этих странах, на университетских ученых приходится две трети всех публикаций. Заниматься наукой в зарубежных вузах престижно и выгодно.

Польза от слияния научных и образовательных задач несомненна. Сочетая научную и преподавательскую деятельность, профессура получает возможность всегда быть в курсе научных достижений и знакомить с ними студентов. В российских вузах подобная практика пока эпизодична, поскольку далеко не во всех из них наука является приоритетным вектором деятельности. Внимание ей уделяется в крупных университетах и институтах, имеющих давние научные традиции. В провинциальных же и коммерческих вузах наука фактически отсутствует, если не сводить ее к формальным отчетам, периодически собираемым ректорами с кафедр.

В тех вузах, где наука присутствует, она нередко держится на одном лишь энтузиазме. Профессорско-преподавательский состав не очень-то заинтересован заниматься наукой, требующей затрат личного времени и личных же средств для участия в выездных научных конференциях, для издания научных трудов. Большинство преподавателей больше думает о добывании дополнительных заработков на различных

коммерческих курсах. Думать о повышении научной квалификации им просто некогда. Полноценной научно-исследовательской работой в российских вузах занято не более 20% преподавательско-

го состава. Превышение этого числа наблюдается лишь там, где ректораты поощряют сотрудников, находящих силы и время на науку. Но примеров такого подхода не так уж и много.

По чужим лекалам

В последнее время сделаны некоторые практические шаги для повышения качества отечественного высшего образования. Самые заметные из них связаны с созданием «вузов нового поколения». Кроме «уникальных» Московского и Санкт-Петербургского госуниверситетов, к «вузам нового поколения» отнесены семь федеральных университетов, создаваемых по региональному принципу. Им отведена роль маяков, флагманов высшей школы, на которые следует равняться остальным вузам. По задумке, они должны сосредоточить материально-финансовые и кадрово-интеллектуальные ресурсы для того, чтобы в недолгие сроки подняться до лучших мировых образцов. Их фора перед другими вузами заключается в повышенных объемах финансирования для строительства учебных корпусов, оснащения лабораторий, приобретения современного научного оборудования и аппаратуры.

Однако для того чтобы федеральные университеты действительно превратились в «вузы нового поколения», их нужно избавить от инерции, накопленной за годы всевластия тотального рынка. Рассчитывать на скорое преодоление такой инерции не приходится: представление о высшей школе как об одной из разновидностей бизнеса пустило прочные корни. «Саморегулирующийся» рынок продолжает удерживать вузовскую систему в своих сетях.

Другой отличительной чертой нынешнего этапа развития российского высшего образования стало внедрение

многих элементов, заимствованных из образовательных систем стран Запада. Так, по приказу министерства образования в большинстве вузов Российской Федерации прекратили набирать студентов на специалитет и стали принимать их только на бакалавриат и в магистратуру. Двухуровневая схема высшего образования повторяет англосаксонскую образовательную модель, в которой бакалавриат и магистратура существуют как два изолированных друг от друга «этажа» – общедоступный и элитарный. Как эта схема выглядит на деле, показывает пример США, где 9/10 всех вузов не занимаются магистерской подготовкой. Элитное, высококачественное образование в Штатах получают лишь те, кто платит за него большие деньги.

Теперь эта схема укореняется и в России. Для подготовки бакалавров отводятся сокращенные на год по сравнению со специалитетом сроки обучения. На бакалавриате заметно урезаются часы, отводимые на изучение гуманитарных дисциплин. Мировоззренческий, культурный аспект образования оказывается для бакалавров в определенной мере заблокированным. Поступление в аспирантуру для них также не предусмотрено. Многие вузы, особенно периферийные, могут остаться без аспирантуры, а значит, могут потерять право на подготовку собственных научно-педагогических кадров.

Адаптация к англосаксонской модели образования потребует от российских вузов довольно продолжительного времени. Это означает, что страны, высту-

пившие в роли «законодателей мод», получают дополнительные преимущества в глобальной конкурентной гонке.

Конечно, нельзя отвергать с порога любое заимствование зарубежного опыта. Однако когда заимствование превращается в механическое копирование, то ничего, кроме вреда, не приносит. Это касается и двухуровневой системы высшего образования. Уже всем понятно, что бакалавров придется доучивать на производственных предприятиях и доводить до уровня специалистов. Странно, что эта схема внедряется в условиях, когда техническое отставание России от Запада, и уже не только от Запада, становится все более опасным для нее.

Сегодня российскому вузовскому сообществу навязывается некий новояз, в котором трудно обнаружить сколько-нибудь актуальное содержание. Речь идет о попытках внедрить в наших университетах так называемый *«компетентностный подход»*, являющийся безликой копией применяемых на Западе методик. Одно перечисление «компетенций» – «инструментальных», «социально-личностных», «общенаучных», «общекультурных» и тому подобных – навевает ощущение чего-то неистребимо формального. «Начинка» «компетенций» напоминает программу воспитания детей дошкольного возраста: приобретение навыков, способность ориентироваться, умение извлекать информацию, получение представлений, закрепление представлений, способность раскрыть общие характеристики, умение использовать основные категории, готовность работать с информацией, умение излагать содержание и тому подобные тривиальные вещи.

Проводники «компетенций» убеждают всех, что заботятся о результатах обучения, которые, по их уверениям, важнее самого процесса обучения. Но, не обеспечив высокого качества процесса,

наивно ждать в конце его качественных результатов. К тому же если учебный процесс без проблем поддается различным способам и приемам проверки, укладываемым в уже давно отшлифованный алгоритм, то насколько реально проверить результаты этого процесса, да еще и комплексно? Для этого нужно, чтобы выпускники вузов устраивались на работу строго по специальности, а работодатели в течение какого-то срока отсылали бы объективные характеристики на них. Кто станет этим заниматься?

Опытная профессура видит в «компетенциях» пустую схоластику, не имеющую никакого смысла для практической педагогики. В отечественной образовательной практике утвердилось понятие «квалификация». Оно более объемно по смыслу, чем «компетенции», и вбирает весь комплекс знаний, умений и навыков, необходимых профессионалу.

«Квалификация» означает «круг обоснованных мотиваций, прав, полномочий». Она означает и «компетентность», но эта «компетентность» отличается от банальных, скалькированных с чужих образцов «компетенций». Она понимается у нас как осведомленность, умение грамотно и оперативно претворять теорию в практику, готовность решать сложные и неординарные задачи.

«Компетенции» же, навязываемые нашей высшей школе, есть всего лишь, по словам чиновников Минобра, «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области»¹⁴. В этой трактовке они совсем не связаны с понятием «опыт», не ориентированы на запросы и интересы социума. Заимствованным «компетенциям» далеко до компетентности в том ее виде, который стал у нас традиционным, но они, подобно беззастенчивому вирусу, проникшему внутрь системы, уже делают свое разру-

шительное дело. Достаточно сказать, что термин «квалификация» из профессионального лексикона высшей школы уже почти вытеснен.

Еще одной новацией, внедряемой в образовательную практику, стала кредитно-модульная система. Модульный принцип направлен на снижение аудиторных занятий для студентов и увеличение времени на самостоятельное штудирование ими учебного материала. По замыслу, этот принцип призван облегчить студентам свободный переход из одного университета в другой. Режим кредитных единиц должен дать студентам, настроенным на обучение в разных вузах, возможность набрать определенное количество баллов по заранее оговоренным нормам с тем, чтобы можно было претендовать на защиту диплома. Любителям «образовательного туризма», число которых в потенциале достаточно велико, эта схема, наверное, понравится, но она требует больших затрат, и потому ее сложно стыковать с суровыми реалиями жизни.

Поддавляющее большинство студентов переходить из одного вуза в другой не торопится, но кредитно-модульная схема, тем не менее все-таки внедряется. Она выливается в погоню студентов за баллами, набираемыми по результатам многочисленных тестирований, отнимающих время, которое могло бы пойти на живое общение с преподавателями. Молодые люди, которые хотят приобрести системные знания, в таком общении по-прежнему нуждаются.

Модульная система, как и двухступенчатое обучение студентов, явилась порождением небезызвестного Болонского процесса.

В июне 1999 г. министры образования Великобритании, Франции, Германии и Италии подписали в Болонье декларацию с призывом к интернационализации вузовского образования в масштабах Европы за счет «содействия мобиль-

ности путем преодоления препятствий для эффективного осуществления свободного передвижения»¹⁵.

Основной идеей Болонского проекта является превращение образования в активный сегмент рынка. В Болонской декларации также заложено намерение подготовить почву к созданию в перспективе единого общеевропейского этноса.

Но причем здесь Россия?

Болонская декларация о ней не упоминает. Россия в лице чиновников Минобра сама присоединилась к Болонскому процессу через четыре года после его начала. А рекламировать Болонскую систему ее российские сторонники приняли еще до окончания спора, развернувшегося в Европе по ее поводу. Они заявляли, что «в ситуации начала очень масштабного не только образовательного, но и социального процесса в Европе, Россия, как всегда, оказывается перед выбором. На самом деле выбор небогат, ведь альтернатива Болонскому процессу – развивать свою национальную систему – является химерой». Их самый «весомый» аргумент в пользу присоединения России к «Болонскому процессу» сводился к тому, что Европа теперь, дескать, должна признать дипломы российских вузов, а коли не признает, «рано или поздно это станет непреодолимым препятствием для выпускников российских вузов на интернациональном рынке труда»¹⁶.

Но выпускники ведущих российских вузов – МГУ, МФТИ, МГТУ имени Баумана – и так без больших проблем устраиваются на работу в западных фирмах. Вопрос о признании дипломов больше касается институтов-середняков, ректоры которых, может быть, и хотели бы, не тратя усилий, «оказаться в Европе». Но если такое признание и случится, то российскому образованию в целом оно пользы не принесет, а лишь оттенит пе-

рекосы, накопившиеся в нем за последние годы. К тому же пока российская система образования функционирует за счет привлечения собственных управленческих и педагогических кадров, опирающихся в основном на свой, а не заимствованный опыт, она воспринимается в Европе как конкурент тамошней системы образования. Вот если ректоры, деканы и преподаватели российских вузов согласятся, чтобы их места заняли выпускники европейских университетов, если из повестки дня будет изъята задача подготовки специалистов для российского рынка труда в пользу специалистов из других стран, тогда европейцы, может быть, и согласятся признать российские дипломы.

Сейчас выясняется, что в европейской интеллектуально-академической среде у Болонской декларации противников ничуть не меньше, чем сторонников. Тем, кто не принял ее, больше всего

не нравится кредитно-модульная система, которая оставляет тех, кто завершил обучение, со сложным «ассорти» из бессистемных знаний и представлений.

Какой диплом выдавать обладателям таких «ассорти»?

«Черт знает, какой», – отвечает Кароль Сигман, французский специалист, координатор международного форума по проблемам реформы образования. Он предостерегает: «Политика ЕС ведет к уничтожению диплома как ориентира для установки шкалы зарплат»¹⁷.

Элитарные европейские вузы типа Кембриджа или Парижского института политических наук отказались от участия в Болонском процессе.

Потомки европейской элиты продолжают получать качественное образование, в то время как детей из рядовых семейств соблазняют «образовательным туризмом» с перспективой получения дипломов, не воспринимаемых работодателями.

Некритически осмысленные заимствования ставят нашу высшую школу перед риском пустить на поток выпуск дилетантов. Уже сейчас в России перепрофилирование при устройстве на работу тех, кто получил вузовский диплом, приобрело массовый масштаб. Становится понятно, что реформы высшего образования застревают в области внешних форм и модных изысков, уводятся в сторону от главного – от содержания.

Когда-то не наша страна заимствовала у Запада опыт развития образования, а наоборот Запад перенимал многое у нас. Это было в середине XX в., после прорыва Советского Союза в космос.

Преимущества нашего высшего образования опирались на фундаментальную науку и универсальные знания. Оно являлось первостепенным приоритетом, потому что ставились масштабные исторические задачи: проведение индустриализации, развитие ядерной энергетики, выход в космос. Решение этих задач связывалось с подготовкой нужного количества квалифицированных специалистов в ведущих областях науки.

Опыт тех лет до сих пор не потерял актуальности – особенно в свете модернизации, трактуемой в верхах российской власти как ключевая цель государства. Важнейшей частью модернизационной стратегии должно стать повышение качества высшего образования России, противостояние стихийности и спонтанности в развитии российской высшей школы.

Примечания

¹ Станет ли Россия страной-мечтой? URL: konkurent-krsk.ru/index.php?id=2889

- ² Драйден Г., Вос Дж. Революция в обучении. Научить мир учиться по-новому. М., 2003. С. 5.
- ³ Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию 2004 года. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.88331.html>
- ⁴ Количество вузов в России будет сокращено URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=343566&cid=1>
- ⁵ Глава Рособнадзора: нельзя допустить, чтобы университетом назывались две комнаты и три стула. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=405775>
- ⁶ Медведев считает, что России нужно значительно меньше вузов. URL: http://ria.ru/edu_higher/20101111/294834970.html
- ⁷ Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года. URL: <http://www.mma.ru/article/id10055>
- ⁸ Выступление министра образования и науки Российской Федерации Андрея Фурсенко на совещании с главными редакторами региональных СМИ и руководителями пресс-служб органов управления образованием субъектов Российской Федерации. URL: <http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/768/>
- ⁹ Михаил Фрадков выступил с апрельскими тезисами. URL: http://www.ofdp.ru/news/_news150404at123008/full.shtml
- ¹⁰ Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию 2004 года. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.88331.html>
- ¹¹ Заявление Дворковича об отмене стипендий вызвало бурную дискуссию в блогах. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/20/n_1664686.shtml
- ¹² Бухгалтеров в России слишком много, считает Греф. URL: <http://www.klerk.ru/buh/news/62849/>
- ¹³ Медведев: В России слишком много вузов. URL: <http://news.zn.ua/articles/68886>
- ¹⁴ О переходе на уровневую систему и федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования. URL: www.klgtu.ru/ru/about/nms/urovn/urov1.doc
- ¹⁵ Болонский процесс. URL: bologna.spbu.ru
- ¹⁶ Плюсы и минусы Болонского процесса. URL: old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_mitr.html
- ¹⁷ Болонский процесс в России. URL: <http://bologna.mgimo.ru/>

Подписка на 2012
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на полугодие
36789 — на год

Модернизация системы экологического образования в России

Надежда Гусева

Экологическое образование в контексте концепции устойчивого развития

Вхождение России в европейское образовательное пространство и подписание Болонского соглашения на уровне министров образования 29 европейских государств (1999 г.) вызвали необходимость глубоких преобразований в системе образования страны¹, связанных, главным образом, с поиском стратегий его модернизации.

В настоящее время стал очевидным разрыв между индивидуальными образовательными потребностями и возможностью их удовлетворения.

В данных условиях все более осознается недостаточность традиционного образования в сфере экологии и необходимость формирования современной образовательной системы, которая спо-

собствовала бы выходу из кризисного состояния².

В настоящее время система экологического образования продолжает формироваться в качестве всеобъемлющей программы, позволяющей решать вопросы индивидуализации образования, а также связанные между собой экологические, социальные и экономические проблемы. Это подтверждено принятием Боннской декларации в рамках Всемирной конференции ЮНЕСКО по образованию в интересах устойчивого развития³.

Устойчивое развитие в сфере образования заключается в создании общеевропейской интегральной системы образования, которая, в свою очередь, опирается на концепцию формирования

ГУСЕВА Надежда Алексеевна – кандидат политических наук, декан Красногорского государственного колледжа. E-mail: nguseva2011@yandex.ru

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, экологическое образование, государственные стандарты.

«Европейского измерения в образовании». Принятие единых общеевропейских стандартов позволит расширить миграционные потоки студентов, молодых специалистов и будет способствовать сохранению национальной стабильности европейцев.

«Европейское измерение в образовании» ориентировано на воспитание личности с четкой гражданской позицией и профессиональной составляющей, личности «европейского типа», исповедующей толерантность, плюрализм, ценящей культурное наследие сообщества, участника процесса европейской интеграции⁴.

Важность данной проблемы подтверждается необходимостью включения основ экологических знаний в федеральные государственные стандарты основного общего образования согласно Указу Президента России от 4 июня 2008 г. № 889. В связи с этим современный этап экологического образования в Российской Федерации характеризуется как экологическое образование в интересах

устойчивого развития. Это образование расширяет содержание экологического образования, ориентируя его на широкий круг вопросов, связанных с обеспечением условий жизнедеятельности людей и управлением факторами риска.

Экологическое образование в интересах устойчивого развития уже не сводится только к охране природы и рациональному природопользованию, а рассматривается как общекультурное образование, построенное на интеграции естественно-научных, гуманитарных и технических предметов.

Кроме этого экологическое образование выполняет надпредметную функцию в образовании, способствуя формированию системы универсальных знаний, умений, навыков, а также опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся, т.е. ключевых компетенций, которые рассматриваются, в отличие от традиционных знаний, умений и навыков, в качестве результативно-целевой основы современного образования.

Экологическое образование в условиях рынка

Современное общество выдвинуло новые требования к образовательному процессу, основным из которых является необходимость связать обучение с окружающей средой в условиях рыночных отношений. В связи с этим в современном российском образовании происходят изменения, связанные с модернизацией содержания и структуры общего и высшего образования и развитием новых педагогических компетенций.

В настоящее время главные проблемы российского образования связаны с дефицитом финансовых и интеллектуальных инвестиций, поэтому образовательная сфера явно отстает от вызовов XXI в.

При продолжающемся недофинансировании образования серьезные его

последствия будут сказываться в течение более 50 лет. И даже если количественные показатели будут относительно благополучны, то это возможно только за счет качества. Сейчас в России так и происходит: высокие «валовые показатели» системы высшего образования создают иллюзию относительного благополучия, скрывающую системный кризис высшей школы.

В то же время необходимо признать, что экологическое образование является одним из наиболее динамично развивающихся компонентов высшего и среднего профессионального образования и рассматривается как важнейшая мера преодоления экологической опасности и создание условий для обеспечения экологической безопасности страны. В свя-

зи с этим будущее России зависит от профессионализма, компетентности, мобильности молодых специалистов, умения эффективно работать на уровне мировых стандартов, современного мышления, способности нести ответственность за свое здоровье и здоровье окружающей среды.

Это позволяет обозначить проблему поиска путей и условий формирования экологической готовности студентов всех специальностей для обеспечения экологической образовательной среды и эффективности ее экономической реализации⁵.

Вполне очевидно, что качество образования коррелируется со стабильным финансовым состоянием вуза. Высококачественное высшее образование сейчас скорее не правило, а исключение, которое к тому же является результатом не системы, а в решающей степени индивидуальных усилий отдельных наиболее талантливых, энергичных и мотивированных преподавателей.

Исследования показывают, что относительно высокие количественные показатели и приличное качество российского высшего образования не имеет твер-

дой объективной современной базы, а держится в основном на плечах «старой гвардии» высококвалифицированных преподавателей, мотивация которых сегодня в решающей степени связана с материальными факторами. Однако этих факторов явно недостаточно для обеспечения преемственности поколений преподавателей в высшей школе.

В настоящее время нужен поиск нового качества высшего, в том числе экологического образования, основанного на инновациях и быстром обновлении адекватно вызовам XXI в. Суть нового качества профессионального образования – в его опережающем характере, который предполагает переход от проекции в образование уже накопленной культуры к максимально быстрому освоению новой информации, навыков и умений, пониманию процессов и явлений, освоению самой методологии и методов познания.

Позитивные изменения, происходящие в настоящее время в России и ведущие к укреплению государственности и международного престижа России, формируют новые модернизационные подходы.

Основные научные подходы к модернизации системы высшего профессионального образования

Концепция модернизации российского образования на период до 2015 г. предполагает приведение нормативно-правовой базы сферы высшего профессионального образования в соответствие с задачами ее модернизации. Концепция выделяет следующие основные направления модернизации нормативно-правовой базы сферы образования:

- введение государственных минимальных требований нормативной обеспеченности образовательных учреждений: методической, кадровой, информа-

ционной, материально-технической оснащенности вузов;

- повышение ответственности образовательного учреждения за невыполнение своих функций, определенных уставом, нормативных условий образовательного процесса и государственных образовательных стандартов;

- нормативно-правовое регулирование условий привлечения в сферу высшего образования внебюджетных средств и их эффективное использование, обеспечение защиты прав потребителей платных образовательных услуг.

Модернизация нормативно-правовой базы в сфере высшего профессионального образования требует в настоящее время теоретического осмысления имеющихся проблем, разработки вариантов их решения на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и, естественно, на уровне конкретного высшего учебного заведения.

Сложность поставленной задачи определяется как объемом нормативного материала, который предстоит проанализировать, так и его противоречивостью, обилием коллизий между нормами общего и отраслевого законодательства РФ, действующими в настоящее время в сфере высшего профессионального экологического образования⁶.

С этой точки зрения следует весьма позитивно оценить видение руководством страны проблем и задач модернизации образования, в котором затронуты так или иначе все многочисленные и разнообразные составляющие этой общественной сферы. Несмотря на ее масштабность и разноплановость, а также вытекающую из сути образования ее инерционность, в задачи входят требования:

- системного управления модернизацией разнообразных процессов сферы в целом,
- придания модернизации характера комплексной радикальной инновации,
- ускоренного осуществления намечаемого инновационного преобразования сферы,
- сохранение инновационных механизмов развития сферы в качестве постоянно действующих.

Модернизация образования продиктована необходимостью решения глобальных задач современности, где проблема «пределов допустимого» во взаимодействии в системе человек-природа рассматривается в качестве первостепенной. При анализе накопленной социально-экологической информации пе-

ред человеком встает вопрос о том, почему приоритеты развития общества при любом социальном строе и уровне интеллектуального развития остаются «антиприродными», направленными фактически на уничтожение собственной среды обитания. Независимо от идеологии, господствующей в различных частях общества, одинаково губительными для природы оказываются любые действия по ее преобразованию, основанные на неограниченных человеческих возможностях, предполагающих насильственное, безответственное вмешательство человека в природные процессы.

Сегодня для возвращения интереса к экологической проблематике, восстановления ее актуальности необходимо изменение стратегии и тактики развития экологических практик и рассмотрение современных научных подходов к решению проблем модернизации современной системы высшего профессионального экологического образования. В этой связи в создаваемой в настоящее время системе экологического образования все большее значение начинают приобретать социальные, философско-мировоззренческие установки, которые предполагают рассматривать человека и природу как неразрывное целостное единство, оценивать это единство с позиций прошлого, настоящего и будущего.

Жесткая и прагматическая направленность задач, выдвинутых перед разработчиками программ модернизации сферы образования, налагает особую ответственность на методы работы и понятийный аппарат, которыми они пользуются. Очевидно, что мы используем парадигматику инновационного подхода. Но кроме нее мы обращаемся к получившей широкое хождение в различных исследовательских предметах и ставшей, по сути дела, надпредметной парадигме институционального подхода.

Институциональная специфика сферы экологического образования

Институциональная специфика сферы экологического образования в современной России связана с двойственными подходами ее осуществления.

Во-первых, экологическое образование выполняет базовую институциональную функцию и остается инструментом трансляции знаний в различных областях. Поэтому экологическое образование может и должно выступать в качестве опережающего фактора развития научных знаний.

Во-вторых, экологическое образование может выступать в качестве самостоятельного института образования и взаимодействовать с другими институциональными структурами.

Вполне очевидно, что институционализация любых процессов, в том числе и образовательных, предполагает определенную систему их нормирования. В той мере, в какой сфера образования контролируется государством, она выступает механизмом государственного управления.

Присутствие государства в институте образования выражается в том, что,

помимо нормативно-правового регулирования или управления, государство выступает непосредственным руководителем и исполнителем институциональных процессов. Государство утверждает не только образовательные стандарты, проверяя соответствие им посредством государственных экзаменов, но и образовательные программы.

В последние годы система государственного управления в стране начинает меняться. Происходит либерализация сферы образования, в силу которого государство перестает быть непосредственным исполнителем образовательного процесса. Более того, государство начинает терять многие нормативно-правовые институциональные инструменты по мере того, как образование трансформируется в сферу услуг, и при этом, кстати, происходит и размывание сложившихся институциональных черт современного профессионального образования в стране. Поэтому потеря государственного контроля над институтом образования чревата серьезными последствиями.

Инновационные механизмы развития образования в стране

Инновационные механизмы, появившись первоначально в производственной сфере, постепенно приобретают всеобщий характер и все чаще используются и в образовательной сфере. Инновационные процессы идут тем интенсивнее, чем больше сфера образования живет по законам рынка. Поэтому для системы экологического образования это означает, что она все больше превращается в сферу рыночных услуг.

На современном этапе развития инновационных экологических подходов

нужен переход от «борьбы» и отдельных ярких «модельных» проектов и акций к стабильной системной профессиональной работе в этой области. И для этого необходимы как изменение подходов и методологии в области профессионального экологического образования, так и соответствующая подготовка дееспособных профессиональных кадров. Поэтому современные научные подходы к исследованию эколого-образовательного процесса следует рассматривать как переходный период при недостаточной

разработанности специфических социально-экологических механизмов.

Причины этого следует искать в следующем: во второй половине XX – начале XXI в. обострившиеся глобальные экологические вызовы возродили интерес к поискам такой модели развития цивилизации, которая, с одной стороны, обеспечивала бы потребности социума в рамках исторической динамики, а с другой – не привела бы к дестабилизации мировой экологической системы.

Особый мировой резонанс получили идеи Первого доклада Римскому клубу (1972 г.).

Предлагался рецепт лечения мирового «экологического коллапса», а именно переход от традиционной модели «экспоненциального роста», т.е. неустойчивого развития глобальной экосистемы, к состоянию «глобального динамического равновесия», т.е. к устойчивому и инно-

вационному развитию. Ее главная базовая составляющая заключается в экологической направленности образования как одной из важнейших предпосылок формирования нового типа мировоззрения.

Эти представления были поддержаны Конференцией ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972 г.), утвердившей планетарную стратегию «экологического развития» (1984–1987 гг.). В рамках ООН была создана и активно действовала Комиссия по окружающей среде и развитию («комиссия Брундтланд»). Итоги ее работы были положены в основу решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) и саммите по охране окружающей среды в Йоханнесбурге (2002 г.), определивших во многом перспективные направления развития современного экологического образования.

Примечания

- ¹ Гребнев Л.С. Высшее образование в Болонском измерении: российские особенности и ограничения // Высшее образование в России, № 1, 2004. С. 38–42.; Гребнев Л.С. Образование: услуга или свойство жизни? // Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы, М. 2005.
- ² Васильев Ю.С. Подготовка кадров по экологической безопасности в СПбГУ // Безопасность жизнедеятельности. 2003. № 6. С. 38–43; Вебер Э.А. Структура ценностного отношения к природе // Проблемы природоохранного образования и воспитания. М.: Наука, 1982. С. 26–34.; Сохранение окружающей среды: формирование экологического сознания в высшей школе // Современная высшая школа. 1991. № 1. С. 58–66; Егоров Н.С. Проблемы охраны окружающей среды при подготовке специалистов с высшим и средним образованием // Проблемы природоохранного образования и воспитания, М.: Наука, 1982. С. 35–40; Козачек А.В. Анализ социального заказа на профессиональную подготовку инженера-эколога в вузе // Вестник науки, культуры, образования. 2005. Т. 1. № 2. С. 81–93; Пануткова Г.А. Формирование конкурентоспособного специалиста в области профессионального экологического образования // Образование и наука. 2006. № 1. С. 87–93.
- ³ Друянов В. Экологическое образование и устойчивое развитие // Энергия: экономика, техника, экология. 2003. № 3. С. 53–57; Перелет Р.А. Выявление показателей устойчивого развития // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 1995. № 6. М.: ВИНТИ. Урсул А.Д. Россия на пути к устойчивому развитию (ноосферная стратегия). М., 1996. Устойчивое экологически безопасное развитие / под ред. А.Д.Урсула. М.: Издательство РАГС, 2001.
- ⁴ Joint Declaration of the European Ministers of Education Convened in Bologna on the 19th of June 2009.

- ⁵ Дегтяренко Г.Л. Формирование эколого-экономических умений будущих экологов-природопользователей средствами информационных технологий в вузе. Нижний Новгород, 2008. Михалева З.А., Ткачев А.Г. Совершенствование профессиональной подготовки инженеров-экологов // Окружающая природная среда и экологическое образование и воспитание. Сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2004. С. 233–235.
- ⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 1756-р «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года»; Модернизация экономики и общественное развитие / отв. ред. Ясин Е.Г. М., ГУ-ВШЭ: 2007. Т. 1.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.ru>
BSERVER E-mail: observer@ru.ru
E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Россия и Украина: вместе или порознь. Что дальше?

Игорь Шишкин

В 2011 г. исполняется 20 лет независимой Украине, 20 лет Россия и Украина живут отдельно друг от друга, и все эти 20 лет независимо от смены президентов и правящих партий украинская политика в отношении России остается неизменно стабильной и последовательной.

Первый же президент Украины Леонид Кравчук в основу внешней политики заложил откровенно антироссийский вектор, а внутренней – антирусский. Леонид Кучма, пришедший к власти благодаря голосам пророссийски настроенных избирателей и под лозунгом придания русскому языку статуса государственного, всемерно развивает и углубляет линию Кравчука. При нем русский язык планомерно вытесняется из системы образования, из всех сфер общественной жизни, в основу школьного курса истории кладется концепция Украины – российской колонии и многовековой национально-освободительной борьбы украинского народа против России; начинается активная подготовка страны к вступлению в НАТО.

Президент Виктор Ющенко, ярый обличитель «кучмизма», в отношении России ни на йоту не отошел от курса предшественника. Единственное различие – он попытался открыто, нахрапом сделать то, что Кучма делал осторожно и постепенно.

После напряженной политической борьбы Ющенко сменяет его антипод Виктор Янукович – восторгам и надеждам, особенно после Харьковских соглашений, и в России, и на Украине не было предела. Однако прошло полтора года, и все медленно, но верно возвращается на круги своя.

Такая поразительная для украинской политики последовательность и предсказуемость определяется природой проекта «Независимая Украина».

ШИШКИН Игорь Сергеевич – заместитель директора Института стран СНГ, профессор РГТЭУ. E-mail: geomant-rus@yandex.ru

Ключевые слова: Евразийский союз, Россия, Украина.

Антироссийская и антирусская политика не случайность, ошибка или чей-то злой умысел, а неизбежное следствие украинской независимости. Второго без первого не может быть в принципе. Сказав «а» и признав независимость Украины благом, неизбежно придется более или менее громко и открыто говорить «б». И наоборот, отказ говорить «б» (проводить антироссийскую и антирусскую политику), неизбежно поставит под вопрос целесообразность произнесения «а» (признания независимости Украины от России благом).

Без разрушения общерусского самосознания у украинцев, без фальсификации истории народа и превращения его в Иванов, не помнящих родства, без максимального дистанцирования от России независимую Украину не построишь. Это не теория, а практика, которая, как известно, является критерием истины:

- украинские националисты как на подбор злейшие враги России и всего русского;

- Западная Украина, в которой «украинская идея» наиболее прочно вошла в общественное сознание, является оплотом антирусских и антироссийских сил на Украине;

- все без исключения борцы за украинскую независимость боролись исключительно за независимость от России и готовы были отдать власть над Украиной любому, кто пообещает обеспечить разрыв с Россией (турецкому султану, польскому или шведскому королю, австро-венгерскому или германскому императору, фюреру «тысячелетнего рейха» или «брюссельской бюрократии»).

Показательна современная ситуация. В ответ на любое интеграционное предложение от России (например, присоединение к Таможенному союзу) Киев сразу заявляет о невозможно-

сти передать и часть суверенитета наднациональным органам, и тут же, для большей, видимо, убедительности отказа, подтверждает неизменность курса на вступление в Европейский союз с его наднациональным парламентом и президентом.

Конечно, на исторический опыт можно закрыть глаза и попытаться уверить себя и окружающих, что настоящее, и тем более будущее, зависит не от прошлого, а исключительно от степени разумности принимаемых сегодня решений. Поэтому совершенно не важно, что из себя представлял украинский сепаратизм, именуемый национализмом, как не важна и практика прошедших двух десятилетий. Все это естественные издержки процесса становления государственности. Мол, мы живем в XXI в., Российская Федерация и Украина – два новых независимых государства, пытающихся строить свою жизнь на демократических принципах. Они, несмотря на все ошибки и довлеющие над общественным сознанием пережитки прошлого, могут стать добрыми соседями и партнерами, подобно Соединенным Штатам и Канаде. Для этого нужна только добрая воля, здоровый прагматизм и способность к взаимовыгодным компромиссам.

Подобная оптимистическая точка зрения всем хороша, и желающих ее принять предостаточно (по принципу – «я сам обманываться рад»). Однако ее полная несостоятельность, увы, очевидна, что доказано опять-таки не теорией, а исторической практикой. Показательна судьба закона о Знамени Победы, который был принят по инициативе Партии регионов и отменен «самым независимым» украинским Конституционным судом.

Янукович, как и большинство членов его команды, не бандеровец по рождению и убеждению. Он наследник побе-

дителей, а не недобитых эсэсовских вояк из «Галичины». Янукович явно хотел бы видеть украинскую государственность свободной от традиций нацистских пособников. При этом Янукович, в отличие от Ющенко, волевой и сильный президент, реально обладающий огромными властными полномочиями, умеющий добиваться поставленной цели. Однако столкнувшись с фактическим мятежом на западе страны, когда три области официально заявили об отказе выполнять закон государства о Знамени Победы, а во Львове при попустительстве властей толпы последышей Бандеры 9 мая напали на колонны ветеранов, президент вынужден был отступить.

Объяснить это только стремлением Януковича стать президентом всех регионов Украины и его заботой о сохранении единства страны нельзя. Здесь проявилась «сила вещей», против которой он оказался бессилён. Не может власть независимой от России Украины быть в конфронтации с теми, кто является квинтэссенцией этой независимости, воплощением и носителем ее идеалов. Эта история наглядно доказала, что независимую Украину с «чистого листа» без бандеровщины не построить.

Впрочем, на Украине и в России довольно широко распространено мнение о том, что проблема постепенно сама собой рассосется в результате неизбежной конвергенции украинских регионов, нахождения компромисса, взаимоприемлемого как для запада, так и для востока Украины. В качестве примера, подтверждающего обоснованность подобных надежд, обычно приводят центральную Украину, голосующую

отлично и от востока, и от запада страны, свободную от их крайностей.

При всей кажущейся убедительности эта концепция исходит из совершенно ложного посыла: якобы сплоченные и пассионарные «западенцы» навязали свои фобии молодому украинскому государству и тем самым определили антироссийский и антирусский вектор его политики на десятилетия. Такой подход крайне удобен украинской власти: мы бы и рады проводить иную политику, да Галиция не позволяет. Но к действительности он не имеет никакого отношения.

Во-первых, не бандеровцы отделили Украину от России – это стало результатом совершенно независимых от них процессов в Москве.

Во-вторых, в правящем классе Украины бандеровцы по рождению составляют крайне ничтожный процент, там абсолютно преобладают выходцы с русско-культурного востока и центра*.

В-третьих, Украина – страна победившего олигархического капитализма. Реальная власть в стране сосредоточена в руках олигархических кланов и их представителей в политике. Причем это исключительно восточнукраинские, русскоязычные олигархии, представляющие преимущественно Донбасс и Приднестровье. Западноукраинский капитал очень слаб и не способен играть первую скрипку. Достаточно сказать, что в списке ста богатейших людей Украины представителей запада не наберется и дюжины, и притом они располагаются в большинстве своем «во втором эшелоне»¹.

В результате распада СССР выходцы из партийно-хозяйственной номенклатуры и криминального мира, в подавля-

* Энергичным соратником Ющенко в затаскивании Украины в НАТО, в борьбе за торжество идеалов украинского национализма был премьер-министр и министр обороны Украины, «свидомый» бурят Юрий Ехануров, который в свободное от дерусификации время (видимо, для души) создал и возглавил всеукраинское «Чеховское общество».

ющем большинстве своем не обремененные никакими идеалами, включая бандеровские, получили неожиданно-неганданно в свое распоряжение власть и богатства Украины.

Вполне естественно, они озаботились тем, как сохранить такой дар судьбы, застраховать его от перемены ветра в Москве. Отсюда им жизненно необходимо оказалось не только вступить в НАТО или Евросоюз, но и создать внутри Украины мощные силы противодействия любым попыткам реинтеграции с Россией. Ничего, кроме идеологии украинского национализма, для этих целей использовать было нельзя. Эта идеология идеально соответствовала интересам новых господ Украины: украинцы – отдельная от русских нация, русское колониальное иго, многовековая национально-освободительная борьба. А национально-освободительной борьбы без пантеона героев не бывает, и в условиях ее отсутствия опять-таки нигде, кроме как среди бандеровцев, их днем с огнем не найти. Вот и приходится прагматичной элите Украины чествовать или терпеть чествование этих предателей и нацистских пособников.

Соответственно, не фобиями и давлением «западенцев» определяется антироссийская и антирусская политика Украины, а интересами украинской элиты, представители которой в большей или меньшей степени становятся бандеровцами «по должности», независимо от своей этнической и конфессиональной принадлежности. «Западенцам» же в независимой от России Украине отведена роль не головы или двигателя, а носителя и воплощения идеалов незалежности, поставщика «пушечного мяса» для защиты власти и собственности истинных хозяев страны.

Следует отметить, что в данном вопросе современная самостоятельная украинская элита ничего нового не при-

думала, она лишь пошла по стопам предшественников.

Так, одной из главных проблем Речи Посполитой была проблема сохранения своего владычества над огромными оккупированными русскими территориями, к тому же в условиях соседства с постоянно усиливающимся русским государством. Польские оккупанты для противодействия национально-освободительной борьбе основной упор делали на раскол русского народа, на разрушение духовного стержня у поработенной его части: окатоличивание, насаждение Унии, а также на ассимиляцию (ополячивание) русской знати.

После раздела Речи Посполитой Австро-Венгрия получила территорию Галиции и столкнулась со сходной проблемой: как не потерять русские земли, нейтрализовать попытки новых подданных воссоединиться с единоплеменной и единой верной Российской империей и как попробовать при удаче прибрать к рукам не только западную, но и всю Украину. Австрийцы в этих условиях борьбу против православия дополнили пескованием украинского национализма, насаждением мифа об отдельной украинской нации, не имеющей ничего общего с русской, об Украине, жаждущей избавления от российского колониализма.

Большевики в угаре борьбы с исторической Россией в 20-е годы уже для достижения своих целей организовали невиданные даже в Польше гонения на православие и, взяв на вооружение идеи «украинства», провели на территории современной Украины кампанию тотальной «украинизации», о которой австрийцы могли бы только мечтать. Более того, они разделили русских и украинцев на понятийном уровне, официально закрепив термин «русский» только за великороссами, сделал украинцев и белорусов нерусскими «по определению».

В годы Великой Отечественной войны пришел черед немцев, которые использовали польско-австрийско-большевистские наработки в области «украинства». Результатом чего и стало бандеровское движение и печально знаменитая дивизия СС «Галичина». Хорошо отработанные методики разделения единой нации и сраживания ее ветвей Третий Рейх планировал распространить в дальнейшем и на оккупированные территории Великой России.

Единство действий совершенно различных исторических игроков вполне закономерно: только применяя принцип «разделяй и властвуй», они могли достичь своих целей на Украине. Поэтому появление украинского национализма, при всей противоестественности этой концепции, основанной на отказе от собственного я, от истории своего народа, его духовных корней и ценностей, в исторических условиях Украины было объективно обусловлено и неизбежно.

Что же касается специфики центральной Украины, то ее отличие и от востока и от запада заключается вовсе не в выработке некоего среднего типа украинца, свободного от крайностей, за которым якобы цивилизованное будущее страны. Бандеровские нацики полунациками никогда не станут, да никто им этого и не позволит. Не для того из беспринципных предателей типа Выговского или Мазепы выводили фанатичных украинских националистов. А вот центр все больше проникается бандеровским мировосприятием. Центр уже отличается от востока и юга, хотя еще не стал в полной мере лишенным национального самосознания и духовных корней западом. Но есть все основания ожидать, что при сохранении статус-кво в короткий, с исторической точки зрения, срок не только во Львове, но сначала в Киеве, а потом и в шахтерском Донбасе люди по праздникам понесут цветы к

многочисленным памятникам предателям своего народа – Мазепе, Петлюре и гауштурмфюреру СС Шухевичу.

Ничего невероятного в этом нет. Всего 100 лет назад в Галиции, несмотря на насажденное под колоссальным давлением униатство и массированную пропаганду «украинизаторов», наиболее влиятельным общественным течением было «москвофильство», а на Волыни, как это ни странно сейчас звучит, самой массовой организацией являлся «Союз русского народа».

Нынешнее торжество украинского национализма на западе Украины – результат тотального физического истребления носителей общерусского самосознания. В Галицкой Руси в Первую мировую войну украинские националисты с помощью австрийцев и венгров вешали и расстреливали всех замеченных в симпатиях к России. Концлагеря Талергоф и Терезин стали символами трагедии галицко-русского народа. Еще более кровавой была вторая волна террора, устроенная бандеровцами на оккупированной немцами территории Западной Украины (в других областях оккупанты не смогли надолго обеспечить палачам безнаказанность).

Однако признавая объективную природу антироссийской и антирусской политики независимой Украины, нет никаких оснований воспринимать нынешнее положение как фатально неисправимое и неизменное.

До точки невозврата еще далеко.

В мае 2011 г. Институт социологии Академии наук Украины провел исследование, посвященное внешнеполитическим предпочтениям украинского населения.

В результате выяснилось, что 59% опрошенных положительно относятся к идее присоединения Украины к Союзу Белоруссии и России. Эту идею поддер-

живает больше половины респондентов во всех без исключения возрастных группах, во всех регионах Украины, кроме запада, и во всех типах поселений, кроме столицы (в Киеве сторонников единства Украины с Россией и Белоруссией меньше половины, но их больше, чем противников – 37% и 29% соответственно, при 34% колеблющихся)².

И это после 20 лет тотальной пропаганды украинского национализма, и при прекрасной осведомленности граждан Украины о во многом виртуальном характере Союзного государства.

Такой результат говорит о жизненных силах народа Украины, о крепости и стойкости в нем общерусского национального самосознания. Причем именно общерусского, так как сторонников ориентации только на Российскую Федерацию оказалось лишь 13%, что даже меньше доли великороссов среди населения Украины.

Украинское общество, как и российское, постепенно приходит в себя после катастрофы конца XX в.

«Цвет времени» меняется на глазах.

Неслучайно именно сейчас Святейший патриарх Кирилл обнародовал концепцию Русского мира – общего цивилизационного проекта для народов новых независимых государств, образовав-

шихся на пространстве исторической Руси, и ввел понятие «страна Русского мира». Концепцию, которая позволяет всем ветвям русской нации жить «неразделимо, но и несмеси́мо», найти новые, отвечающие современным условиям формы объединения.

Выздоровление общества закономерно порождает и процесс оздоровления элиты. В ее среде постепенно появляются люди, для которых православная вера и традиция являются безусловной, само собой разумеющейся ценностью. Для них интересы Русского мира – цивилизационной целостности, основанной на воплощении в общественную, политическую и экономическую жизнь духовных ценностей православия, – становятся неотделимыми от собственных интересов.

Православная вера, традиция, общерусское национальное самосознание – вовсе не высокие и отвлеченные понятия, никак не связанные с реальными политическими процессами в российско-украинских отношениях. Напротив, они во многом и определяют эти самые политические процессы. Там, где их игнорировали из общественной жизни, там, где насадили католицизм, униатство и украинский национализм (Галиция), политический результат известен.

Именно отвлеченные понятия соединили нас много веков назад, вопреки всем, казалось бы, непреодолимым обстоятельствам.

Как писал Лев Николаевич Гумилев: «Первостепенное значение имела единая суперэтническая принадлежность России и Украины, массовая поддержка “своих”, которыми были единоверцы. Об это всеобщее ощущение единства, как волны о скалу, разбивались рациональные планы волевых, умных искателей власти.

Два близких этноса – русский и украинский – соединились не благодаря, а вопреки политической ситуации, поскольку народное “волим” или “не волим” неизменно ломало инициативы, которые не соответствовали логике этногенеза³».

Ощущение религиозного, цивилизационного и национального единства до сих пор держит нас вместе, продолжает определять характер отношений России и Украины. Вопреки интересам могущественных политических игроков, заинтересованных в разъединении наших стран и народов.

Конечно, это само по себе не решит проблемы интеграции России и Украины. Необходимы еще и политические силы, которые оказались бы заинтересованы и способны ее решить, которым она была бы по плечу.

Провозглашенная В.В.Путиным задача построения Евразийского союза, «мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира», свидетельствует, что такая политическая сила уже есть.

Поэтому в российско-украинских отношениях еще не вечер, хотя и надо отдавать себе отчет, что разделиться легко – соединиться гораздо труднее.

Примечания

- ¹ Королев Д. Западно-украинский национализм и политика Украины // Украина: информационно-аналитический мониторинг. 2010. № 11–12. С. 30.
- ² Шульга Н. Хочет ли Украина быть с Россией? // Еженедельник 2000. 2011. № 24(562). 17–23 июня.
- ³ Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М., 2000. С. 249.
- ⁴ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на полугодие
36789 — на год

Проблемы управления инвестиционным процессом

Людмила Романова

Возрождение российской экономики и обеспечение ее устойчивого развития невозможно без активизации инвестиционной политики, направленной на привлечение внутренних и внешних ресурсов.

После распада мировой социалистической системы и открытия китайской экономики образовался гигантский рынок дешевой рабочей силы, уменьшились преимущества в производительности труда в странах с высокой заработной платой. В результате усилилась международная конкуренция региональных условий хозяйствования. Преимущества получают страны с низкой зарплатой, где одновременно созданы благоприятные условия для размещения производства и сбыта, что способствует притоку зарубежных инвестиций.

Инвестиционный процесс становится важнейшей составной частью мировых экономических отношений, затрагивающих интересы все большего числа стран, как тех, которые принимают инвестиции, так и тех, которые являются их источниками.

Некоторые исследователи считают, что международное движение капитала – это движение одного из факторов производства, основанного на его исторически сложившемся или приобретенном сосредоточении в отдельных странах (имеющих высокоразвитую рыночную экономику), экономическая предпосылка производства в них различных товаров и услуг более эффективна, чем в других странах¹. Усилива-

РОМАНОВА Людмила Андреевна – кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: Ladoga@gmail.com

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный поток, инвестиционная политика государства.

яющаяся взаимозависимость стран, регионов и народов в условиях глобализации становится еще более очевидным фактом и требует нового уровня осознания места экономики национального государства в международных финансовых процессах и методов управления на национальном уровне.

В настоящее время большинство стран мира является как экспортерами, так и импортерами прямых инвестиций. Можно назвать наиболее активных стран-инвесторов, это: США, Великобритания, Германия, Япония, Франция, Канада, Италия и некоторые другие. Более того, они по отношению друг к другу выступают во взаимообратной роли – экспортер-импортер, и между ними существует тесная взаимосвязь и одновременно конкуренция. В связи с этим есть основания утверждать, что современный мир представляет собой не однополюсную систему, основанную на глобальной монополии Соединенных Штатов, а сложную взаимозависимую многополюсную систему.

В глобальной структуре прямых иностранных инвестиций представлены такие полюса, как США, Европейский союз, Япония. Они абсолютно доминируют в общих объемах вывоза и ввоза инвестиций. Интересно отметить, что США стали самым крупным импортером капитала. Возрос уровень интеграции в ЕС на основе внутрирегиональных прямых инвестиций, а весь регион стал выступать в качестве крупнейшего экспортера капитала. Отмечаются высокие темпы роста вывоза инвестиций Японией, которая может серьезно усилить свои позиции в мире по размерам внешней экономики. В последнее время на такой статус претендует и Китай.

Указанная многополюсная глобальная система представляет собой взаимное переплетение капитала. Взаимный рыночный обмен товарами и услугами, капиталом и т.д. растет быстрее, чем мировая торговля в целом. Специалисты

утверждают, что в этой системе формируется своя подсистема отношений со своим международным разделением труда и собственными механизмами регулирования на национальном, региональном и наднациональном уровнях, определяющими мирохозяйственные стандарты.

Неформальным институтом организации многополюсной системы является «Большая семерка». Но и в этом случае возникают и другие неформальные институты, как стран «Двадцатки», так и БРИКЮ (или БРЮКИ: Бразилия, Россия, Южная Африка, Китай, Индия), пытающихся внести свой вклад в регулирование международного инвестиционного потока или защитить свои интересы. Проблема регулирования инвестиционного потока решается и на двустороннем уровне².

Взаимодействие на уровне полюсов-государств или полюсов-регионов так или иначе усиливает тенденцию трансграничного перемещения капиталов. Сами финансовые операции становятся более динамичными и приобретают все более глобальный характер вследствие снятия целым рядом ведущих государств Запада ограничений на вывоз капитала и массового внедрения в банковскую и биржевую практику электронных технологий³.

Глобализация экономики и международных отношений привела к тому, что уже к началу 90-х годов отчетливо выявилось несоответствие между возможностями Бреттон-Вудской системы и новыми реалиями мировой экономики. МВФ и МБРР оказались не в состо-

янии эффективно воздействовать на мировые финансовые потоки и предупреждать финансовые кризисы и обвалы национальных валют. В то же время финансовые рынки в условиях глобализации стали более подвержены колебаниям. Кризисы все чаще происходят в различных регионах мира: то в Юго-Восточной Азии, то в Европе и США. Поэтому все чаще стала раздаваться критика в адрес системы рыночной экономики в целом. А всемирная волна слияний в важнейших отраслях народного хозяйства стала порождать опасения, что концентрация рыночной мощи подорвет национальные хозяйства и в конечном счете ляжет тяжелым бременем на потребителей.

По большому счету, речь идет о качественных изменениях в мировой экономике, приобретающих все более транснациональный характер. И это не всегда имеет положительные последствия. Известно, что финансовый кризис 2009 г., берущий свое начало с обвала ипотечного рынка США, обрел глобальный характер и затронул практически все рынки развитых и развивающихся стран – от локальных фондовых рынков и рынков недвижимости до валютных рынков, рынков сырьевых товаров, вплоть до международного рынка капитала.

Реально существует дисбаланс между спекулятивным и реальным секторами экономики. Масштабы трансграничной миграции краткосрочных спекулятивных капиталов на порядок превышают потребности мировой торговли и научно-технологической сферы. Дело в том, что существующие либеральные правила движения капиталов и одновременно слабость регуляторов позволяют спекулятивным интересам финансовых институтов способствовать «перекоосу между потребностями мировой экономики и аппетитами спекулятивного сектора»⁴. И это является одной из

причин финансовых потрясений в мировой экономике.

Согласно данным Федеральной корпорации страхования депозитов (*FDIC*), за 9 мес. 2009 г. количество обанкротившихся кредитных институтов достигло 95 единиц против 13 за аналогичный период 2008 г. В перечне проблемных финансово-кредитных организаций – 552 кредитных института с общей стоимостью активов 346 млрд долл. В сравнении с аналогичным периодом 2008 г. количество проблемных банков и их активов возросло более чем в три раза.

За III кв. 2009 г. было списано кредитов на сумму 135,9 млрд долл., что вдвое превышает уровень списаний за аналогичный период 2008 г., а доля списаний относительно выданных кредитов достигла рекордные 2,38%⁵.

Длившийся на протяжении всего 2009 г. мировой финансовый кризис спровоцировал снижение экономического роста в развитых странах на уровне 3–5%.

По итогам 2009 г. падение ВВП США составило 2,4%, Еврозоны – 4,2% (в крупнейшей экономике Евросоюза – Германии – 5%), Японии – 5%⁵.

Кризисы 90-х годов прошлого и начала нынешнего столетия показали сторонникам автаркии, что национально-го суверенитета в смысле попыток закрыться от внешних процессов больше недостаточно. Средства регулирования национального уровня оказались неспособны эффективно справиться с возникающими финансовыми проблемами, и встала задача поиска адекватных ответов⁶.

Кризисов было не избежать как закрытым экономикам, так и открытым рыночным системам. Другое дело, что каким-то образом необходимо минимизировать отрицательные последствия этих кризисов. Следовательно, как считают эксперты, если необходимо обеспечить свободу торговли и надежно гарантированное право свободного передвижения потоков капитала, то международной кооперации в регулировании валютных курсов нет альтернативы⁷.

Стали высказываться предложения разработки «третьего пути»: близкие (но не абсолютно) к глобальному дирижированию какой-то организации типа «сверхМВФ», которое в то же время не сводилось бы к абсолютно рыночным принципам регулирования⁸.

Заслуживают внимания идеи американского экономиста Л.Ларуша, который предлагает откорректировать процесс глобализации, «учредив новую Бреттон-Вудскую систему», которая бы одобрила фиксирование валютных курсов и предоставила кредиты всем странам для долговременного и высокотехнологического развития их национальных экономик⁹.

При этом, чтобы не драматизировать ситуацию, необходимо подчеркнуть как положительные, так и отрицательные последствия движения капитала как следствие не только субъективных, но и объективных сторон этого процесса и воздействия на него общих экономических, политических, культурных, международных внешних факторов. Объективное есть суть определенной (относительной) автономности функционирования капитала, а также движения (т.е. этого явления) как такового, и перечисленных факторов влияния внешнего порядка, не зависящих от самого инвестиционного процесса.

На современном этапе развития это в значительной степени связано с процессом глобализации, оптимальной формы управления которым еще не нашли. Транснациональное движение капитала есть следствие его саморазвития¹⁰, а также и саморазвития человеческой цивилизации в целом¹¹. Конечно, в международном движении капитала явно присутствует и корыстный интерес субъекта экспортера-импортера. И он субъективно представлен в соответствующей политике разных уровней, вплоть

до политики отдельной фирмы. А может ли быть иначе?..

Вполне очевидно, что вызовы глобализации экономического и финансового характера объективно требуют усилить регулируемую роль государства и международных институтов на рынке инвестиций для поддержки развития национальной экономики и нейтрализации внешних угроз. В этой связи представляется особенно актуальным проблема управления инвестиционным процессом на всех уровнях: международном, национальном, отдельной компании.

Примечательно, что об этом пишет представитель самой рыночной страны Генри Киссинджер: «Даже устойчивые рыночные демократии не приемлют безграничных лишений во имя рынка и идут на <...> ограничение рыночных эксцессов на путях государственного регулирования»¹².

Пример тому усилия, которые принимают США и государства ЕС с целью выхода из финансового кризиса.

Глобализация международных отношений – все большее сопряжение и переплетение экономического и политического процессов – требует создания более совершенных регулирующих институтов и методик. Интересы иностранных инвесторов не всегда соответствуют, а иногда и прямо противоположны, национальным интересам стран-реципиентов. С другой стороны, иностранные инвесторы несут риски, связанные с национализацией, ограничениями на репатриацию прибылей, введением дискриминационного режима для иностранных инвестиций. Поэтому для организации рационального инвестиционного процесса, соблюдения баланса интересов стран-реципиентов и иностранных инвесторов международное и национальное регулирование инвестиционных отношений на современном этапе имеет особенно важное значение.

Россия крайне заинтересована в привлечении инвестиций с мировых финансовых рынков и готова участвовать в их международном обмене. В то же время для обеспечения своей финансовой безопасности Россия предпринимает меры по созданию эффективной системы управления инвестициями и регулированию деятельности иностранных инвесторов и одновременно участию российского капитала в инвестиционных проектах за рубежом.

Несмотря на общую тенденцию либерализации внешнеэкономических связей, российское законодательство предусматривает государственный контроль и управление допуском иностранных инвесторов в экономику страны и их последующих действий. Предусматривается контроль и над импортом государственного и частного капитала в другие страны.

Международный опыт свидетельствует, что подобным образом поступают и страны с максимально либеральным экономическим режимом¹². Более того, международная нормативно-правовая система также не только допускает участие государства в инвестиционном процессе, но и в ряде случаев обязывает его к этому¹³.

В центре отношений инвестора и принимающей стороны – места вложения инвестиций – это проблема регулирования отношений собственности и получения прибыли и соответствующих гарантий для экспортера и импортера инвестиций. Для того чтобы инвестировать иностранный капитал в национальную экономику какой-либо страны, необходимо создать новую производственно-экономическую единицу, расширить или реорганизовать уже существующие субъекты бизнеса в стране-импортере, иметь и понимать законодательство, общую и бизнес-культуру данной страны. С другой стороны, появля-

ющиеся новые структуры с иностранным элементом в экономике влияют на нее кардинальным образом, что, естественно, находит отражение и в правовой сфере: появляются новые формы и новые субъекты правового регулирования, меняется культура взаимоотношений и т.д.

Правовое регулирование международных инвестиционных отношений имеет два уровня: национальный и международный. В принципе, желательно, чтобы они не носили конфликтный характер. Суть национального регулирования и стимулирования инвестиционного процесса заключается в:

- реализации инвестиционной политики;
- создании благоприятных условий и гарантий для инвесторов;
- установлении соответствующих организационно-правовых форм бизнеса;
- определении правового статуса совместных предприятий, иностранных предприятий и их филиалов, транснациональных корпораций.

Национальное регулирование предполагает:

- определение внешней инвестиционной политики государства;
- определение рамок и форм присутствия иностранных капиталов в национальной экономике в целом, а также по отраслям и территориям;
- правовой режим экспортных и импортных инвестиций.

Особым направлением инвестиционной политики национальных государств является разработка мер по регулированию инвестиций, связанных с активностью ТНК. Меры по регулированию инвестиций тесно увязаны с видами запрещенной деловой активности ТНК. Причем они обсуждаются и согласовываются на международных форумах и в международных организациях для выработки общих принципов¹⁴.

Национальное регулирование, в частности, предполагает определенные условия инвестирования:

- национализацию и репатриацию капиталов и прибылей;
- налогообложение и валютное регулирование, таможенные пошлины;
- условия найма и экспорта рабочей силы;
- рамки гарантий иностранным инвесторам;
- арбитражное разрешение споров;
- привилегии и льготы иностранным инвесторам в зависимости от объема и отраслевой направленности инвестиций, решение проблем занятости;
- порядок инвестирования¹⁵.

Национальное правительство одновременно определяет инвестиционные стимулы и условия для инвестирования, ибо страны, принимающие инвестиции, нуждаются в иностранных инвестициях и считают необходимым создание стимулов для привлечения иностранных инвестиций и соответствие иностранных инвестиций нуждам и приоритетам развития в своей стране.

Россия является участником международных инвестиционных отношений. Причем она испытывает дефицит инвестиций. Для выхода из кризиса нужны интенсивные вложения капитала в экономически эффективные и продвинутые технологии производства, для выпуска новых по качеству, вполне конкурентоспособных на мировом рынке товаров. В этой связи управление инвестиционным процессом становится важнейшей задачей государственной политики.

Сама проблема менеджмента инвестиционного процесса сложна и требует учета множества факторов. Так как нельзя игнорировать закономерности развития мировой экономики, участие государства во внешнеэкономических и

финансовых процессах объективно необходимо, ибо экономика является лишь частью всего комплекса социальных и политических отношений.

В условиях кризисного развития российской экономики противостоять негативным воздействиям на нее внешних субъектов мирового рынка способно только государство. Но в условиях общей либерализации экономической политики на национальном уровне, роста числа двусторонних и многосторонних межправительственных инвестиционных соглашений речь может идти только о новом качестве государственного регулирования, адекватном современным реалиям глобализирующегося мира. В российской инвестиционной политике следует учитывать тот факт, что в условиях, когда целый ряд стран мира, в том числе и наиболее развитых, остро нуждается в привлечении дополнительных капиталов для своей экономики, возрастает конкуренция на мировом рынке инвестиций.

В настоящее время вполне очевидно, что создание мощных вертикально интегрированных промышленных компаний, интеграция финансового и промышленного капиталов способствует обеспечению технологического прорыва России и ее высокую конкурентоспособность на мировых рынках. Чтобы выстоять в конкурентной борьбе, компании должны постоянно направлять средства (свои и заемные) на закупку материальных и технологических ресурсов, необходимых для модернизации, расширения и диверсификации производства. Именно поэтому необходима определенная инвестиционная стратегия. А управление инвестициями, в свою очередь, является важной формой ведения бизнеса.

Инвестиции могут быть самые разнообразные – от вложений капитальных ресурсов в ремонт выходящего из строя оборудования до приобретения целых

заводов. Прежде чем принять инвестиции, компании должны оценить соответствующие финансовые последствия. Такая оценка проводится в рамках планирования инвестиций как важнейшей части процесса управления.

Особенностью деятельности современных российских компаний является то, что, в отличие от советского периода, им приходится самостоятельно выходить на инвестиционные рынки, часто без всякой поддержки государства. В силу этих обстоятельств возникает потребность в достоверной и качественной информации, наличии навыков работы с инвесторами и управления привлеченными инвестициям.

В России существуют крупные отраслевые проектные институты, занимающиеся разработкой и анализом проектов модернизации действующих объектов, строительства новых, а также исследованием государственных и региональных инвестиционных политик. При планировании основное внимание уделялось технологическим аспектам, срок ввода в эксплуатацию определялся нормативно. Теперь же основной упор делается на прибыль, поэтому для заказчиков проектов и строителей важен ответ на принципиальный вопрос: когда проект начнет приносить прибыль в условиях изменчивого спроса и конкуренции?

Планирование инвестиций – это многоэтапный процесс, начинающийся с выдвижения идей относительно возможных инвестиций и заканчивающийся анализом, основанным на использовании выработанной практикой системы количественных показателей: текущей стоимости, окупаемости, внутреннего коэффициента окупаемости и пр. Специалисты обращают внимание на особую важность разработки начального этапа планирования инвестиций, направленных на достижение целей ком-

пании, – этапа выдвижения идей, которые в дальнейшем могут материализоваться в реальные проекты¹⁶.

Что касается национальной инвестиционной политики государства, то речь идет о выработке соответствующего не только правового, но и инвестиционного законодательства, которое должно создавать благоприятные условия для инвесторов как национальных, так и иностранных, но и в целом системной стратегии. Это подразумевает не только одну сторону, а всех участников инвестиционного процесса, все формальные и неформальные аспекты их отношений. Иначе говоря, формирование такого инвестиционного климата государства, который представляет собой некое сопряжение политических, экономических, государственно-правовых, социальных и культурных условий, привлекающих или отталкивающих потенциальных отечественных и зарубежных инвесторов. В либеральной экономике инвестиционный климат – это условия вложения капитала. Инвестиционную привлекательность можно определять только качественно, но с применением некоторых количественных показателей¹⁷.

При оценке инвестиционного климата учитываются, во-первых, факторы экономического характера:

- природный и ресурсный потенциал стран и региона вложения инвестиций;
- производственный, финансовый и профессионально-кадровый потенциал;
- состояние товарных рынков и их качество;
- уровень развития рыночной инфраструктуры;
- режим инвестирования, установленный государством в целом и местными властями;
- география местных и региональных рынков.

Во-вторых, неэкономические факторы:

- геополитическое положение региона и страны;
- степень конфликтности/стабильности внутрирегиональных и внутригосударственных отношений, экология и т.д.)¹⁷.

Первая группа факторов характеризует инвестиционный потенциал, а вторая – условия деятельности инвестора (т.е. степень риска инвестиционной деятельности). Влияние последнего подвержено изменениям, особенно в условиях активного реформирования экономической системы и общей нестабильности социально-экономической и внутриполитической, а также международной ситуации в регионе.

Факторы влияния на инвестиционный климат имеют свои различия с точки зрения возможности коррекции их со стороны государства и инвестора. Это объективные (природные ресурсы стратегического характера) и субъективные, которые определяются уровнем эффективности национального и международного управления/регулирования.

Субъективный неэкономический фактор может иметь подуровни:

- международный и региональный;
- национально-государственный;
- местный страновой (субъект Федерации, местная администрация);
- отраслевой.

Большинство проблем экономики России проистекает из-за нехватки собственных капиталов и связано с формированием нового экономического пространства и принципиально новой модели экономического развития.

Российская экономика в период реформ характеризуется кардинальным изменением системы межрегиональных связей, роли и места регионов и территорий в национальном хозяйстве. Но Россия пока находится на «периферии» международных процессов. В немалой степени это связано с непривлекательным инвестиционным климатом в большинстве ее регионов, а период времени формирования привлекательного инвестиционного климата в России значительно длиннее периода нахождения у власти того или иного правительства.

Включение России в современное мировое хозяйство невозможно без создания конкурентоспособной экономики и действенного механизма управления инвестиционным процессом. В свою очередь, возрождение российской экономики и обеспечение ее устойчивого развития невозможно без активизации инвестиционной политики, направленной на привлечение внутренних и внешних ресурсов. Для возрождения национальной экономики нужны интенсивные вложения капитала в экономически эффективные, инновационные технологии производства.

Примечания

¹ Международные экономические отношения / под ред. В.Е.Рыбалкина. М., 1999. С. 176–177.

² Полозюкова О.Е. Торговое и инвестиционное сотрудничество между Россией и Китаем // Международная экономика. 2011. № 6.

³ Луков В.Б. Россия в «большой восьмерке» М., 2001. С. 6–7.

⁴ Васильев В. «Из тени в свет перелетая» и обратно: анатомия финансовых потрясений // США и Канада... 2011. № 7.

⁵ Кризис отпугнул иностранных инвесторов всерьез и надолго. Экономические известия. 2010. 22.02. № 26.

- ⁶ Федотов В.П. О глобализации, регионализме, многополярности // Ученые записки 2001. М.: ИАМПИ, 2002. С. 77–78.
- ⁷ Флассбек Х. Речь в поддержку новой мировой валютной системы // Internationale Politik. 2000. № 6. С. 14.
- ⁸ Foreign Affairs. 1998. May/June. P. 2–6.
- ⁹ The New Federalist. Vol. XIV. No 17. 2000. 15 May.
- ¹⁰ Кулагин В.М. Многомерная глобализация: новые горизонты, вызовы и угрозы. ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2000. М., 2001; Глобализация финансовых рынков: движущие силы и последствия. Материалы международного конгресса. СПб., 1999; Логов С.И. Глобализация экономики. Новое слово или новое явление. М., 1998.
- ¹¹ Харенберг Б. Хроника человечества. М., 2000.
- ¹² Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 238.
- ¹³ Scope and Definitions. UNCTAD Series of Issues in International Investment Agreements. N.Y.-Geneva, 1999; UNCTAD. Document № TD/B/COM.2/EM/6/2, 1999; Transfer Pricing. UNCTAD. N.Y.-Geneva, 1999; Economic Development and Cultural Change, 1999. № 47, January.
- ¹⁴ United Nations Conference on Trade and Development, Uruguay Round. Papers on Selected Issues. Issues for developing countries in the Uruguay Round / UNCTAD/ ITR/ 1989.
- ¹⁵ Богатырев А.Г. Инвестиционное право. М., 1999.
- ¹⁶ Холт Р.Н., Барнес С.Б. Планирование инвестиций. Пер. с англ. М., 1994.
- ¹⁷ Грибанич В.М. Роль иностранного капитала в России. М. 2000. С. 50, 51–53.

 ОБЗЕРВАТЕЛЬ <http://www.rau.ru>
ОBSERVER Тел.: (495) 959-22-53
 E-mail: observer@nasled.ru

Международное право по-натовски

Владимир Галицкий

Актуальность проблемы

После окончания Второй мировой войны надежды человечества на наступление «вечного мира» на земле не оправдались. Вооруженные столкновения как внутри государств, так и между государствами стали чуть ли не обычным явлением.

Мы не станем выискивать причины этого и ссылаться на холодную войну, агрессивность СССР, США, Великобритании, Франции и других стран. Мы попытаемся разобраться в том, почему мировое сообщество, создавшее мощные международно-правовые организации (ООН, ОАГ и др.) для обеспечения мирного сосуществования, не в состоянии разрешать возникающие социально-политические конфликты на терри-

тории тех или иных государств международно-правовыми средствами. И это несмотря на то, что уже с 1948 г. по инициативе ООН стали проводиться миротворческие операции.

Так, с учреждения первой операции по поддержанию мира под эгидой ООН в 1948 г. и по апрель 2005 г. было инициировано 60 миротворческих операций (как с участием военных наблюдателей, так и миротворческих сил)¹.

Только за 56 лет (с начала первой операции по июль 2004 г.) в миротворческих операциях ООН участвовало около 1 млн военнослужащих, полицейских и гражданского персонала из 130 стран².

Миротворчество стоит недешево: за все время, начиная с 1948 г. по 30 июня 2004 г., было потрачено 36,01 млрд долл. Утвержденная бюджетная стоимость миротворческих операций

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович – действительный член (академик) Академии военных наук, доктор юридических наук, профессор. E-mail: vgalizky@yandex.ru

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, внутренний вооруженный конфликт, «право войны», международные (политические и правовые) механизмы урегулирования внутренних вооруженных конфликтов.

ООН только на один финансовый год (1 июля 2004 г. – 30 июня 2005 г.) стоила 4,47 млрд долл.³

Однако «миротворчество» в Югославии, Афганистане, Ливии и других странах свидетельствует о том, что оно стало использоваться США и их союзниками по НАТО как механизм для реализации их национальных или геостратегических интересов. В последние десятилетия это стало повсеместным.

Мировое сообщество начинает обращать внимание на то, что часто внутренние вооруженные конфликты, имеющие место во многих государствах, являются спровоцированными извне. Тому пример события в Египте, Ливии, Сирии и других государствах.

Такое отношение и поведение ведущих стран мира к разрешению возникающих в отдельных странах внутренних конфликтов, часто переходящих в вооруженные, не способствует установлению миропорядка на основе общепризнанного международного права. Вместе с тем мировое сообщество на сегодняшний день располагает правовым механизмом урегулирования возникающих внутригосударственных проблем. Однако этот механизм не используется. Возможности международного гуманитарного права по регулированию конфликтов немеждународного

характера (между восставшими и правительством; между различными группировками в рамках внутригосударственного, национального кризиса и т.д.) не используются (например, события в Египте, Сирии, Ливии в других странах).

Следует сказать, что специалисты в области международного гуманитарного права ничем себя не проявляют и не акцентируют внимание политиков и мировой общественности на необходимости использования Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. Министры иностранных дел ведущих стран мира (в том числе и России) как будто забыли о существовании этого Протокола. Это стало тенденцией и в этом состоит огромная опасность для всего мира. Автор статьи, в числе других российских юристов-международников, неоднократно публично призывал к использованию указанного Протокола в разрешении возникшего внутреннего вооруженного конфликта на территории Чечни в 1995 г., однако тогдашний президент и правительство России не воспользовались его возможностью. К чему это привело, всем известно.

«Право войны» и внутренних вооруженных конфликтов – основа правового механизма урегулирования внутригосударственных вооруженных конфликтов

Анализ источников международного гуманитарного права дает основание считать, что в настоящее время современное «право войны» базируется на нижеследующих основных договорах международного гуманитарного права (в хронологическом порядке):

– Конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны с прилагаемым положением о законах и обычаях су-

хопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.);

– Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.);

– Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.);

– Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа

1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Женева, 8 июня 1977 г.);

– Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 г.).⁴

Вначале определимся с понятийным аппаратом.

«**Право войны**», или, как иногда его называют, «Гаагское право», – исторически сложившаяся правовая система международного гуманитарного права, регулирующая поведение воюющих сторон в период вооруженных конфликтов (*jus in bello*). Термин «право войны» синонимичен используемому в документах ООН понятию «право вооруженных конфликтов». Формула *jus ad bellum* содержит указание как на право прибегать к войне, так и вообще к силе.

Термины *jus ad* или *contra bellum* в международном гуманитарном праве означают открытие и ведение действий воюющими государствами (международный вооруженный конфликт) или противоборство в конфликте немеждународного характера (между восставшими и правительством; между различными группировками в рамках внутригосударственного, национально-го кризиса и т.д.). Последнее охватывается понятием «вооруженный конфликт немеждународного характера» (далее – внутренний вооруженный конфликт), который должен регулироваться Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II)⁵ и ст. 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 г.⁵

С начала 90-х годов XX в., особенно после развала СССР, под руководством

США страны ЕС и НАТО перевели понятие «внутренний вооруженный конфликт» в «международный вооруженный конфликт», поскольку это дает им право самочинно вмешиваться во внутренние дела любого государства. Так, как это произошло в Югославии, Афганистане, Ливии и других странах.

Для «права войны» определяющее значение имеют основные принципы гуманитарного права:

- гуманизация вооруженных конфликтов – всеобщий и основополагающий принцип международного гуманитарного права;
- ограничение воюющих в выборе методов и средств ведения войны;
- международная правовая защита гражданских объектов и культурных ценностей;
- жертвы войны;
- защита интересов нейтральных государств⁶.

Важно отметить, что в большинстве современных конфликтов для их скорейшего и наиболее эффективного урегулирования (разрешения), как правило, прибегают сразу к нескольким видам миротворческой деятельности:

- превентивная дипломатия;
- поддержание мира;
- миростроительство, или превентивная дипломатия;
- принуждение к миру;
- поддержание мира;
- содействие миру;
- миростроительство⁷.

Посредством воздействия на разные структуры и механизмы различные миротворческие подходы создают возможность гибко и комплексно влиять на конфликт с целью его урегулирования или окончательного разрешения. Урегулирование конфликта представляет собой **первую ступень** на пути к окончательному разрешению противоречий между враждующими сторонами. Для

того чтобы урегулирование было эффективным, параллельно должна вестись работа на уровне военно-политического руководства и самых широких слоев населения противоборствующих сторон, направленная на изменение установок по отношению к конфликту, а также на предотвращение военных действий там, где они еще не начались¹.

Основными видами современного миротворчества¹ являются:

Превентивная дипломатия (англ. *preventive diplomacy*) – меры, мероприятия и действия, направленные на предупреждение возникновения разногласий между сторонами, недопущение перерастания существующих споров в конфликты и ограничение масштабов последних после их возникновения¹. В ее рамках предполагается более широкое использование мер по укреплению доверия, создание миссий по сбору фактов и систем раннего предупреждения об угрозах миру, использование демилитаризованных зон как превентивной меры и т.п.

Целями превентивной дипломатии являются:

- предотвращение возникновения между враждующими сторонами споров и конфликтов, представляющих значительную угрозу для международного и регионального мира и стабильности;

- предотвращение перерастания споров и конфликтов в вооруженную конфронтацию;

- предотвращение расширения географических рамок подобных споров и конфликтов, возрастания их продолжительности.

Что же происходит в Ливии?

Во-первых, США и их сторонники по НАТО изначально заняли политику безоговорочной поддержки вооруженной оппозиции законному правительству Ливии, т.е. вмешались во внутренние

дела суверенного государства – Ливии. Это является грубейшим нарушением ст. 3 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). Ст. 3 указанного Протокола называется **«Невмешательство»**.

В ней говорится:

«1. Ничто в настоящем Протоколе не должно истолковываться как затрагивающее суверенитет государства или обязанность правительства всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства.

2. Ничто в настоящем Протоколе не должно истолковываться как оправдание прямого или косвенного вмешательства по какой бы то ни было причине в вооруженный конфликт или во внутренние или внешние дела Высокой Договаривающейся Стороны, на территории которой происходит этот конфликт»⁵.

Кроме того, то, что США и другие страны называют «оппозицией в Ливии», по тексту Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), являются «антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами» (п. 1 ст. 1 Протокола)⁵.

Естественно, что правительство Ливии имело законное право использовать свои вооруженные силы для наведения конституционного порядка на территории своей страны. Тем более что 5 марта 2011 г. Национальный совет оппозиционеров Ливии объявил себя единственной законной властью в Ливии, т.е. в нарушение Конституции Ливии присвоил себе власть самым что ни есть нелегитимитивным образом, объявил себя единственным законным представителем страны и ее народа. Совет взял

на себя обязательства обеспечивать безопасность граждан, а также координировать усилия по освобождению оставшихся районов.

Стоит вопрос: так что же совершило правительство Ливии, применив вооруженную силу против антиправительственных вооруженных сил и других организованных вооруженных групп? Разве правительство США не применяло вооруженную силу против восставших негров в Майами в прошлом веке? Но их никто не бомбил за это.

Да, безусловно, мировое сообщество имеет право, используя возможности структур ООН, осуществить **миротворчество или содействие миру** (англ. *peacemaking*), т.е. действия, направленные на то, чтобы привести к согласию враждующие стороны главным образом с помощью переговоров, посредничества, добрых услуг, арбитража и других мирных (невоенных) средств, предусмотренных в гл. VI Устава ООН¹.

Однако этого не было сделано.

Кроме того, правительство Ливии должно было обратиться за такой помощью к ООН. В этом случае легитимно было провести операцию по **принуждению к миру** (англ. *peace enforcement*) обеих сторон, поскольку принуждение к миру, как форма вооруженного вмешательства (принятие принудительно-силовых и самых решительных мер и действий по отношению к государству-агрессору или стороне конфликта, не желающих выполнять требования международных или региональных организаций безопасности по прекращению военных действий, угрожающих международному (региональному) миру и безопасности)¹, которая способствовала бы прекращению применения воору-

женных сил и средств, установлению разделительных линий и созданию условий для мирных переговоров.

Принуждение к миру предполагает две формы: без использования вооруженных сил (экономические, правовые, финансовые санкции) и с использованием вооруженных сил (ООН, региональных организаций безопасности или коалиций стран), т.е. операции по принуждению к миру¹.

Если бы обе стороны не пошли на создание условий для мира, то ООН могла бы перейти ко второй форме операций по принуждению к миру с применением вооруженной силы. В ходе операций по принуждению к миру вооружение и военная техника используются не только в целях самообороны, но и как при ведении традиционных военных действий по прямому назначению: для уничтожения военных объектов и инфраструктуры, вооруженных группировок (незаконных военизированных формирований, бандформирований и т.п.), препятствующих локализации конфликта, его урегулированию и разрешению¹.

Подобные операции проводятся в рамках гл. VII Устава ООН, предусматривающей принудительные действия (меры)¹. Однако это не было использовано.

Следовательно, в Ливии грубейшим образом нарушено международное гуманитарное право, а именно Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II от 8 июня 1977 г.), а непосредственно п. 2 ст. 3 данного протокола.

Фарисеи в ООН и НАТО, или НАТО – это ООН?

Автор далек от мысли, что юристы, политики, работающие в НАТО и ООН, не знают о существовании Допол-

нительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных

конфликтов немеждународного характера (Протокол II от 8 июня 1977 г.).

Однако происходящие события в Ливии заставляют думать иначе: действительно забыли или просто банально игнорируют его? Где же тогда международные организации по правам человека, по соблюдению международного права, где международные сообщества юристов-международников? Почему все эти знатоки международного гуманитарного права молчат о грубейшем несоблюдении международного гуманитарного права? Или сильным мира сего все дозволено?

Безусловно, юристы НАТО и ООН все это знают, но действуют по указке США, и им не с руки заниматься разоблачением агрессивных действий США и их союзников по вооруженной агрессии против Ливии. Это чистейшей воды фарисейство и лицемерие, которые должны быть не просто разоблачены, но и наказаны. Иначе тенденция игнорирования международного гуманитарного права перейдет в закономерность, а если это случится, то апокалипсис уже недалеко.

Даже поверхностный анализ практики правового урегулирования внутренних вооруженных конфликтов в разных странах в последние десятилетия XX в. и первые десятилетия XXI в. дает основание считать, что США и НАТО не просто оказывают управляющее воздействие на ООН, но и руководят его деятельностью.

ООН, к сожалению, превращается в послушное орудие США и НАТО. Самое наглядное доказательство этому – Ливия, где США и НАТО не только нарушили международное гуманитарное право, но и проигнорировали даже выгодную для них резолюцию ООН № 1970 и № 1973 по Ливии.

Совершенно неудивительно, что некоторые иностранные аналитики называют военную операцию в Ливии пер-

вым шагом к вооруженному противостоянию между Востоком и Западом за природные ресурсы.

Еще в 2001 г. профессор Майкл Клэр высказал предположение, что современное человечество вплотную приблизилось к той границе, за которой его ждет мировая война за чистую воду, продовольствие, нефть и природный газ.

Да, это так, поэтому нельзя допускать игнорирование общепризнанного международного права.

Еще не все до конца ясно (кто прав, а кто виноват) с произошедшими в Ливии событиями, а уже 10 марта 2011 г. Франция признала Национальный переходный совет законной властью Ливии. Париж разорвал отношения с Мауммаром Каддафи⁷.

В это же время Германия заморозила ливийские счета в немецких банках, а Правительство ФРГ поддержало ливийских повстанцев.

В отношении Ливии, где сопротивление Каддафи сорвало типовой сценарий проведения «цветных революций», механизм давления на Ливию был запущен на всю мощь, а именно:

- открытые угрозы генсека ООН Пан Ги Муну;

- заявления Верховного комиссара по правам человека Н.Пиллэй;

- подключение Совета по правам человека, Совета Безопасности ООН, а теперь и Международного уголовного суда ООН.

Из всех этих действий, их поспешности просматривается спланированный сценарий, по которому законное правительство Ливии заранее объявляется преступным, а его лидер подлежит привлечению к международной уголовной ответственности за военные преступления.

Стоит вопрос, за какие и кто их задокументировал?

Как это можно без возбуждения уголовного дела, без доказательств объявлять государственного деятеля, с которым пару месяцев назад все целовались и обнимались, военным преступником? Это опять же чистейшее фарисейство и лицемерие.

В данном случае имеют место военные преступления, которые осуществ-

ляют так называемые цивилизованные страны – члены НАТО, поскольку ими против народа Ливии совершаются репрессии по собственному усмотрению с применением самых современных вооруженных сил и средств.

Если мировое сообщество их не остановит, то его ожидает печальное будущее.

Позиция России, или как же ей поступить?

В начале необходимо дать пояснение в той части, что появление подрубрики статьи с таким названием не означает, что автор намеревается учить руководство Российской Федерации, его МИД, как поступать в случаях, подобных ливийскому. Безусловно, нет. Однако как гражданин Российской Федерации он имеет конституционное право высказать свое мнение по данному поводу, поскольку все решения руководства страны реализуются посредством использования бюджетных средств, а в случае неправильных решений наш бюджет несет убытки, что сказывается на материальном и моральном состоянии нашего населения.

10 марта 2011 г. Россия ввела санкции против Ливии, а Президент РФ Д.А.Медведев подписал указ о поддержании санкций в отношении Ливии, где с середины февраля продолжается гражданская война.

Указ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН № 1970» запрещает поставки из России в Ливию всех видов вооружений и оказание Ливии услуг, связанных с военной деятельностью⁷. При этом Каддафи объявлен персоной нон грата и ему и его окружению запрещен въезд в Россию.

Последствия для России после прекращения вооруженного конфликта в Ливии могут быть существенными (потеря свыше 4 млрд руб. военных зака-

зов, по контрактам на разработки нефти и газа, строительных работ и т.п.).

При этом ни высшее руководство страны (за исключением председателя Правительства России В.В.Путина, публично осудившего агрессию против Ливии), ни руководство МИД России нигде не вспомнили о существовании Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II от 8 июня 1977 г.), не потребовали его строго исполнения в данной ситуации⁸. Если бы это было сделано, то решение нашего высшего руководства могло бы быть совершенно иным и более выгодным в обозримой перспективе.

Что же делать сейчас?

Нам представляется, необходимо, пусть и задним числом, используя возможности Совета Безопасности ООН и других влиятельных международных организаций, возвратиться к соблюдению требований Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II от 8 июня 1977 г.), и на его основе принять международно-правовые меры по локализации и разрешению внутреннего вооруженного конфликта в Ливии.

Это было бы прецедентом на будущее. В противном случае, мир ожида-

ют великие потрясения, а тенденция игнорирования международного права превратится в закономерность.

Необходимо также добиваться проведения в Ливии миротворческой операции с введением контингента Между-

народных миротворческих сил под эгидой ООН, а не под эгидой НАТО. В этом случае России не следует отказываться от ввода своих миротворцев в состав этих сил, однако не на таких условиях, как это было в Югославии.

Примечания

- ¹ Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Военно-исторический труд. М.: Воениздат, 2009. С. 649, 736–737.
- ² Официальный интернет-сайт ООН: URL: www.un.org/Depts/dpko/dpko/fag/q8.htm.
- ³ Официальный интернет-сайт ООН: URL: www.un.org/russian/peace/pko/facts.htm.
- ⁴ *Арибасов И.Н.* Международное право. Законы и обычаи войны. М., 1975; *Борн Ф.* Возникновение и развитие международного гуманитарного права. М., 1994; *Горовцев А.М.* Законы войны. (Война и право). СПб., 1915; *Гроций Г.* О праве войны и мира В 3 книгах. М., 1956; Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. М.: МККК, 1994 г.; *Кальсховен Ф.* Ограничение методов и средств ведения войны. М., 1994; *Капто А.С.* Право войны // Право и политика. 2001. № 1; *Мелков Г.М.* Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1988; *Пустогаров В.В.* Международное гуманитарное право. М., 1997; *Свинарски К.* Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты человека. М., 1997; *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. М., 1999.
- ⁵ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М.: МККК, 1994. С. 296–307, 4, 33–34, 58, 138, 299, 296.
- ⁶ *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. М., 1999.
- ⁷ Гражданская война в Ливии // [Lenta.ru](http://lenta.ru) (изд. Rambler Media Group) от 18.03.2011 г.
- ⁸ *Косачев К.* Интервенция в Ливию может вызвать конфликт Запада и арабского мира // по материалам <http://www.rosbalt.ru>

Афганский фактор в политике стран Центральной Азии

Елена Пономарева
Георгий Рудов

Географическое положение Афганистана и характерные черты народа придают этой стране такое политическое значение в делах Центральной Азии, которое едва ли можно переоценить.

Ф. Энгельс, 1857 г.

С момента начала операции «Несокрушимая свобода» (7 октября 2001 г.) Афганистан остается одним из важнейших факторов мировой политики. Актуализация проблемы в настоящее время связана с осознанием американским истеблишментом бесперспективности прежней политики в регионе, необходимостью реформирования «Большой игры» в Азии. Решение о выводе военного контингента из страны, озвученное Президентом США 22 июня, было мотивировано тем, что цель войны достигнута и «Аль-Каида» не может использовать афганскую территорию для создания угроз национальной безопасности США. Действительно, для национальной безопасности США угроз как не было, так и не будет, а вот к завершению афганского кризиса начавшийся вывод войск явно не приведет. Более того, беремся утверждать, что это лишь начало нового витка дестабилизации региона и реформирования мировой политики.

Для стран Центральной Азии (ЦА) афганский кризис и его многочисленные проявления – социально-политическая нестабильность, терроризм, наркотрафик, транснациональная преступность – всегда были основным источником дестабилизации региональной ситуации. Остановимся подробнее лишь на самых важных, с нашей точки зрения, проявлениях афганского фактора в регионе. Это вопросы безопасности, политического урегулирования, экономического сотрудничества и транзита наркотиков.

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна – доктор политических наук, доцент МГИМО(У) МИД России. E-mail: nastya304@mail.ru

РУДОВ Георгий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России. E-mail: georgi_rudov@mail.ru

Ключевые слова: Центральная Азия, афганский фактор, региональная безопасность, политическое урегулирование, экономическое сотрудничество, наркоугроза.

Роль стран Центральной Азии в политическом урегулировании афганского кризиса и вопросы безопасности

Вооруженное противостояние в Афганистане является серьезным препятствием для развития регионального экономического сотрудничества, реализации богатого транзитного и ресурсного потенциала Центральной Азии. Наличие конфликта в Афганистане и исходящих из этой страны угроз вынуждают государства региона принимать дополнительные меры по укреплению безопасности, что отвлекает средства, необходимые для решения социально-экономических проблем и осуществления планов развития и модернизации государства региона.

Преодоление или изменение существующих тенденций руководство стран ЦА видит, как в экономических, так и в политических решениях. В частности, определенная надежда связывается с взаимодействием стран региона в рамках Контактной группы (КГ) ШОС – Афганистан и ОДКБ при осуществлении совместного мониторинга государств-членов ШОС и ОДКБ с участием афганских представителей.

Определенное значение для стран региона имеет также инициатива Президента Узбекистана Ислама Каримова о создании формата урегулирования афганского кризиса, известного как «6+3». Он предусматривает создание под эгидой ООН Контактной группы в составе представителей соседних с Афганистаном государств (Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан), а также России, США и НАТО. Тем самым к прежнему формату «6+2» добавилась НАТО, но так и не оказался включенным сам Афганистан¹.

Основной идеей контактной группы «6+3», представляющей по существу своеобразную модель национального примирения, является обеспечение всем оппозиционным партиям в Афганиста-

не программы завершения нынешнего противостояния; поиск компромиссного решения ключевых проблем и разногласий, разделяющих страну, обеспечение безопасности и требуемых гарантий с учетом интересов каждой из сторон. Базовыми принципами программы, по мнению Ташкента, должны стать обеспечение экономической помощи, реализация социально ориентированных инфраструктурных и гуманитарных проектов с учетом традиций, обычаев и ценностей исламской религии. И хотя ничего нового, креативного в данной идее нет, она может оказаться прорывной, если в диалог будут включены различные политические и военные силы ИРА, в том числе Афганистана «Талибан». Афганская проблема может быть решена только самими афганцами, но при активном содействии соседних государств.

Пока же однозначного отношения стран-участниц формата к присутствию талибов на переговорах нет. Хотя и Белый дом, и правительство Хамида Карзая уже ведут переговоры с так называемым «умеренным» крылом «Талибана». Более того, Обама даже заявил о том, что движение «Талибан» «является частью афганского народа»².

Показательно, что в Узбекистане «Талибан» не относят к числу основных противоборствующих сил, а воспринимают лишь как часть, пусть и многочисленную, военизированной оппозиции. Политические переговоры, по мнению руководства Узбекистана, должны стать дополнительной составной частью широкомасштабной кампании в Афганистане, так как достижение мира исключительно вооруженными методами практически невозможно. Иными словами, Ташкент готов сотрудничать с умеренными представителями талибов. В частности, в качестве первого шага к

реализации инициативы «6+3» Узбекистан предложил провести встречу на уровне заместителей министров иностранных дел, представителей НАТО и всех основных противостоящих сторон, включая умеренную часть талибов. Параллельно должно быть продолжено тесное сотрудничество с правительством Афганистана.

Что же касается включения администрации Карзая в состав контактной группы, то представители внешнеполитических структур Узбекистана считают, что это неизбежно отразится на снижении уровня доверия вовлеченных в переговоры альтернативных сил. Правительство Узбекистана достаточно тесно сотрудничает с официальным Кабулом; однако дипломаты обращают внимание на возможность негативного влияния на переговоры нарушений, имевшихся на президентских и провинциальных выборах в Афганистане 20 августа 2009 г., коррупции в правительственных кругах и вовлеченности в наркоторговлю брата Карзая, Ахмада Вали.

Надо отметить, что из всех стран ЦА именно Узбекистан проводит самую активную политику в Афганистане. Ташкент четко придерживается позиции, что альтернативы региональной интеграции с соседними государствами, включая Афганистан, нет в силу общности транспортно-коммуникационной системы, энергетических ресурсов, географического положения и т.д. Возможно, что инициатива «6+3» окажется единственной успешной попыткой вырвать Афганистан из нищеты и состояния войны. В то же время Узбекистан активно работает над развитием двухсторонних отношений с Исламской Республикой Афганистан (ИРА).

Казахстан, не имеющий общей границы с Афганистаном, ведет себя не менее активно в урегулировании афганских проблем. В рамках своего председательства в ОБСЕ Казахстан стре-

мился выстроить прагматичный курс на стабилизацию ситуации в Афганистане, в чем-то заимствуя тактику Узбекистана. Так же как и Узбекистан, Казахстан нацелил свой курс на выстраивание широкого переговорного процесса. Афганская проблематика была одной из главных на состоявшемся в декабре 2010 г. саммите ОБСЕ в Астане.

По мнению казахстанского руководства, политические переговоры должны быть тесно увязаны с социально-экономической реабилитацией Афганистана. В частности, Астана выступила с предложением в рамках ОБСЕ разработать «Невоенную программу помощи Афганистану» с широким привлечением международного бизнеса к реализации конкретных проектов экономики за счет финансовых средств доноров и обеспечения их безопасности силами НАТО, коалиции, Афганской национальной армии (АНА) и Афганской национальной полиции (АНП).

Помимо много- и двухсторонних проектов политического урегулирования афганского кризиса существенное значение на развитие ситуации в регионе и политику стран ЦА может оказать формат, в котором ключевую роль играют США и НАТО. Дело в том, что вывод войск коалиции из Афганистана, скорее всего, приведет к реализации принципа «Уйти, чтобы остаться». Иными словами, присутствие будет заменено внешним управлением. Однако достижение этого невозможно без принципиального сближения стран ЦА с НАТО, так как внешнее управление удобнее всего осуществлять именно с их территории. Поэтому США и НАТО в последние годы проводят активную, в отличие от России, политику в странах региона – «Большая игра» принимает другой формат и масштабы. Причем способствует закреплению США и НАТО в регионе именно афганский фактор.

Не надо быть провидцем, чтобы утверждать, что при выводе американских войск из Афганистана обострится политическая и силовая борьба как в самой ИРА, которая в той или иной мере коснется всех центральноазиатских государств. Учитывая распространение с территории Афганистана таких угроз, как расширение зоны действия военного конфликта, экстремизм, наркотрафик и нелегальная торговля оружием (например, по числу вооружений – 14 орудий на человека, Афганистан уже занимает лидирующее место в мире), страны ЦА чрезвычайно озабочены обеспечением собственной безопасности.

В настоящее время многие эксперты опасаются того, что радикальные силы, использующие в своих интересах кундузский плацдарм на севере Афганистана, со временем переберутся в соседние страны, тем самым обрушив сложившуюся в 2002–2010 гг. региональную систему безопасности. Такие опасения стали восприниматься вполне серьезно после серии нападений исламистов на представителей правоохранительных органов в Таджикистане. Поэтому совершенно обоснованным можно считать мнение, что «государства региона, строящие сегодня новую стратегию борьбы с возможным распространением нестабильности из северных провинций Афганистана, вряд ли обойдутся без иностранной военной помощи»¹. Однако вопрос «Кто и в какой форме эту помощь центральноазиатским государствам окажет?» остается пока открытым, хотя и предсказуемым.

В сложившейся ситуации определяющую роль в регионе стали играть США и страны НАТО. Вашингтон рассматривает ЦА, во-первых, сквозь призму войны в Афганистане, во-вторых, как геостратегический плацдарм для влияния на Россию и Китай. В условиях вывода войск коалиции повышается значение «Северного транзитного маршрута» как

«фундаментально важной системы доставки»³ грузов. В то же время не стоит рассматривать этот маршрут как экономически выгодный для США. Стоимость перевозок по «Северному маршруту» вдвое превышает расходы на их транспортировку через Пакистан, даже принимая в расчет все издержки, связанные с нападениями талибов. Поэтому Северная сеть – это и политическая конструкция.

Генерал-майор Кеннет С. Дауд, отвечающий в Центральном командовании за материально-техническое обеспечение, прямо говорит, что «истинная ценность Северной сети состоит не в количестве контейнеров, которые можно по ней доставить, а в том, как эта сеть помогает подключить государства Центральной Азии к решению стратегических задач, стоящих перед США и Европой в Афганистане»⁴.

Конечно, подключение к «Северному маршруту» приносит неплохой доход государствам ЦА.

Например, только в 2009 г. доходы узбекского аэропорта «Навои», задействованного в транспортировке грузов невоенного назначения для американских войск в Афганистане, выросли в десять раз. В настоящее время Казахстан и Узбекистан, рассчитывая на увеличение потока грузов в связи с выводом войск коалиции, намерены довести объем транспортировки грузов по своим железнодорожным магистралям до 1400 контейнеров в месяц⁵, что принесет еще больше дивидендов их правительствам.

Однако, как отмечают эксперты, в среднесрочной перспективе использование стран ЦА как логистического придатка может привести к непреднамеренному экспорту кризиса управления и безопасности в регионе. Не исключено, что «Северный маршрут» станет мишенью для групп боевиков, связанных с талибами. Это чревато тем, что афганский конфликт может распространиться на территорию Туркмении, Узбекистана, Таджикистана. Кроме того, возрастает не только возможность присутствия

НАТО в странах ЦА, но и присутствие последних в Афганистане.

В частности, стало известно о намерении Казахстана направить своих военных в Афганистан, на что некоторые российские аналитики отреагировали довольно резко, сравнив Казахстан с «подносчиком боеприпасов для НАТО». Однако даже уйдя от подобной риторики, следует констатировать, что «действительно многие годы Астана позиционирует себя в качестве некоего форпоста и союзника Запада в Центральной Азии, а отношения с НАТО развиваются по нарастающей»⁶. При этом геополитически Казахстан был и остается сильно «завязан» на Россию, а экономически – становится все больше «завязан» на Китай.

Анализ действий Астаны позволяет сделать вывод о продолжении казахстанским руководством политики балансирования между основными центрами силы, и в первую очередь между Западом, Россией и Китаем.

Но как справедливо заметил политолог В.Парамонов, «это не вина Казахстана, а общая именно с Россией беда. До тех пор пока главный исторический союзник Центральной Азии и системообразующий элемент всего постсоветского пространства – Россия сама проводит ярко выраженную многовекторную политику, будут создаваться предпосылки для проведения ровно такой же линии и остальными странами бывшего СССР. Другими словами, пока Москва сама долгосрочно не определится с жизненной и стратегической важностью для себя и своего развития именно постсоветского пространства, то до тех пор и многие остальные государства бывшего Советского Союза будут следовать в русле навязываемых извне схем и концепций, а в итоге – будут проводить многовекторный курс».

Что же касается второй подоплеки интереса США к странам ЦА – геостратегического, то для думающих людей уже давно стало очевидно, что «целью американской кампании в Афганистане

была вовсе не борьба с терроризмом, а стремление закрепить на стратегическом плацдарме с выходом на Иран, Китай и Россию, который, помимо всего прочего, позволил бы США контролировать пути транспортировки энергоносителей на Среднем Востоке». Понятно, что для этого необходимо было создать в Афганистане квазидемократический прозападный режим, что и было поручено Х.Карзаю, человеку, который был тесно связан с американцами еще со времен войны моджахедов с Советским Союзом (в 80-е годы он возглавлял Политический департамент Национального фронта спасения Афганистана и вел переговоры о поставках оружия).

Но так как контролировать всю афганскую территорию американцы не могут, проще всего оставить талибам южные и восточные провинции страны, сохранив влияние на севере и создав в этом регионе несколько военных баз. Косвенным подтверждением того, что в Вашингтоне прорабатывают такой сценарий, стала утечка информации о так называемом «плане Блэквилла».

Высокопоставленный американский дипломат Роберт Блэквилл, в эпоху Буша-младшего занимавший пост посла в Индии, выдвинул программу раздела Афганистана с выделением Пуштунских провинций в отдельное государство, что, по его словам, позволит предотвратить войну за власть в стране после ухода американцев². Такой план станет катастрофой не только для Афганистана, но и для соседнего Пакистана, в котором проживает 20 млн пуштун.

Но есть и другие сценарии.

Например, реформативное присутствие США в регионе ЦА. Во время многократных встреч, конференций и переговоров Вашингтон уже заручился поддержкой НАТО в Афганистане со стороны Астаны, Бишкека, Душанбе. Взамен Казахстану было обещано содействие Вашингтона в проведении во-

енной реформы, Киргизии – помощь в укреплении потенциала пограничных войск и оснащении складов хранения артиллерийского и ракетного вооружения МО Киргизии⁸.

Нежелание Душанбе видеть у себя на границе российских пограничников также следует связывать с медленным креном Таджикистана в сторону НАТО и США⁹. Переоснащение таджикско-афганской границы, укрепление погранзастав, обучение таджикских военных практике разминирования опасных территорий – это лишь краткий список совместных проектов Североатлантического альянса и Таджикистана. Эта республика важна для Вашингтона не только как транзитная территория по переброске грузов для нужд войск западной коалиции в Афганистане, но и геостратегически – Таджикистан имеет общую границу не только с Афганистаном, но и с Китаем.

Наиболее опасным для России окажется переход Астаны под «американский зонтик». Казахстан – это огромный континентальный массив, примыкающий к России от восточной окраины дельты Волги на западе до Алтайских гор на востоке.

Казахстан, наряду с Белоруссией, наиболее последовательный сторонник укрепления системы евразийской безопасности в противовес влиянию США в регионе. Однако без встречных, причем активных, шагов со стороны России Астана может оказаться наедине в диалоге с Вашингтоном, что, без сомнения, приведет к усилению американского влияния в республике. В частности, уже обсуждается возможность размещения

западного воинского контингента альянса на территории Казахстана. Хотя пока каких-либо конкретных шагов Астана в этом направлении не предпринимала, но, как говорится, лиха беда начало.

Повторяем, что вывод американских военных из Афганистана не следует воспринимать как уход из региона. Часть контингента может быть размещена в республиках ЦА. Прежде всего это Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Например, зафиксированы случаи перехода американских подразделений на таджикскую территорию при выполнении поставленных задач. В Киргизии, в Баткене, в любой момент можно открыть новую базу ВС США, а участок узбекско-афганской границы со стороны Афганистана уже охраняют американские военные.

Что же касается самого Афганистана, то «американское присутствие будет менее зримым, но не менее ощутимым»¹⁰. Альянс намерен оставить юг страны, сохранив несколько ключевых баз: Шинданд – на иранском направлении, Кабул – для сохранения влияния на власти страны, Кандагар – в силу стратегической важности. Более того, Белый дом будет добиваться открытия новых военных объектов как в самом Афганистане, так и в республиках ЦА. В частности, под Мазари-Шарифом, на стыке границ Афганистана, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, строится огромная военная база. Тем самым США смогут эффективно сдерживать интересы сразу трех крупных держав: Китая, России и Ирана.

Экономическое сотрудничество как способ преодоления кризиса

Очевидно, что решить афганскую проблему, опираясь только на силу или на политическую риторику, нельзя.

Нужно, чтобы Афганистан развивался экономически. Для успешного антикризисного урегулирования в Афганистане

ключевое значение имеет решение первоочередных социально-экономических проблем, оказание целенаправленной экономической помощи афганскому народу. Необходимы не только финансовые инвестиции, новые рабочие места, но и системная перестройка экономической сферы страны, ее включение в легальную мировую экономику. В этом наиболее перспективное стратегическое значение имеют проекты развития транспортных коммуникаций, проходящих из Центрально-Азиатского региона через Афганистан в южном направлении.

Благодаря географическому положению Афганистан имеет огромный потенциал превращения в торговый, энергетический и транспортный узел региона, соединяющий Ближний Восток и Юго-Восточную Азию по сети проходящих через него транспортных коридоров. Создание трансафганского транспортного коридора, строительство новых железных дорог между афганскими городами и городами Узбекистана, Ирана, Пакистана позволит перевозить грузы, поступающие из Юго-Восточной Азии в Европу, более коротким путем, нежели через дальневосточные железнодорожные коридоры и в целом расширит транспортно-коммуникационные и транзитные возможности региона. Между тем приходится признать, что строящиеся транспортные коммуникации пока не нужны самому афганскому населению, эта инфраструктура не востребована неразвитой экономической системой страны¹.

Страны ЦА по мере своих возможностей развивают это направление.

Наиболее активно участвует в экономической реконструкции ИРА **Узбекистан**: строит железные дороги, мосты и социальные объекты в северных районах страны, осуществляет поставки электроэнергии. Афганская транспортная система все более активно интегрируется с узбекскими транспортными коммуникациями. В результате Узбекистан является единственной страной в регионе, через которую может осуществляться сообщение практически всеми видами транспорта в Афганистан.

Железнодорожная линия Хайратон – Мазари-Шариф, полностью построенная предприятиями и специалистами из Узбекистана за период январь–ноябрь 2010 г., должна обеспечить железнодорожными перевозками наиболее развитые и густонаселенные районы северных провинций Афганистана.

Узбекистан является основным поставщиком электроэнергии на территорию Афганистана*.

Активизировалось взаимодействие между странами в сфере оптико-волоконной связи (протяженность кабеля составила 1538 км).

Узбекистан построил 11 мостов на участке Мазари-Шариф – Кабул.

В 2010 г. была достроена железнодорожная ветка, протяженностью 95 км и соединяющая приграничный с Узбекистаном афганский город Хайратон с городом Мазари-Шариф – центром северной провинции Балх¹¹. Ожидается, что в будущем эта ветка будет соединять северную провинцию Балх с западной провинцией Герат. Это серьезно повысит пропускную способность афганского направления, что даст основания руководству НАТО использовать железные дороги для вывода войск коалиции.

* С января 2009 г. Узбекистан поставляет электричество в Кабул через построенную им ЛЭП-220. В декабре 2009 г. в эксплуатацию была запущена новая АЭП-500 Гузар-Сурхан протяженностью 197 км, позволившая повысить объемы экспортного потенциала в шесть раз. За этот короткий срок подача электричества на экспорт в Афганистан увеличилась с 25 мВт до 150 мВт. В настоящее время в Мазари-Шариф и Кабул подается ежедневно 2,3 млн киловатт-часов. Привлекательность узбекских поставок электроэнергии заключается в их относительной дешевизне.

Из Узбекистана в Афганистан поставляются топливо, строительные материалы, металлопрокат, удобрения, продукты питания.

Наблюдается устойчивый рост показателей взаимной торговли.

В 2006 г. товарооборот составил 163,7 млн долл., в том числе экспорт – 161,7 млн долл. и импорт – 2 млн долл.

В 2007 г. двусторонний товарооборот составил 332,3 млн долл., в том числе экспорт – 331,4 млн долл., импорт – 0,9 млн долл.

Сегодня в Узбекистане действует 122 предприятия с участием афганских бизнесменов¹².

По мнению руководства Казахстана, стабилизация в Афганистане может быть достигнута прежде всего через электрификацию и строительство железных дорог по всей стране. Кроме того, в 2010 г. Астана предложила более 20 проектов, реализация которых может быть осуществлена странами-членами ОБСЕ.

Среди них:

- восстановление Джелалабадского ирригационного канала, плотин ГЭС в провинции Баглан, каскада электростанций на р. Кабул;
- строительство заводов по переработке и консервированию сельхозпродукции;
- создание плантаций по выращиванию шафрана, сои, подсолнечника и строительство заводов по производству подсолнечного масла;
- строительство и модернизация станций специализированной сельскохозяйственной техники и оборудования, авторемонтных мастерских, мебельных фабрик;
- строительство завода по переплавке металлолома и производству арматуры (в Афганистане около 1 млн т металлолома);
- создание индустриальных парков в Баграме, Кандагаре, Мазари-Шарифе, Камачи, Нангархаре и другие проекты¹³.

Для самого Афганистана сотрудничество с Казахстаном – самым крупным и потенциально значимым государством ЦА – является одним из приоритетных. Двустороннее сотрудничество стран осуществляется в сферах сельского хозяйства, энергетики, минеральных ресурсов, транспорта, здравоохранения, образования.

В ноябре 2006 г. правительством Казахстана была утверждена специальная программа по содействию Афганистану, в которой предусмотрено обучение студентов, участие в строительстве школ и больниц.

Была оказана безвозмездная финансовая помощь Афганистану на сумму более 2 млн долл., которая была направлена на восстановление дороги Кундуз – Талукан, строительство школы в провинции Саманган и строительство больницы в провинции Бамиан¹⁴.

Особую заинтересованность Казахстан проявляет в инвестировании проектов по добыче полезных ископаемых в Афганистане, где, по некоторым оценкам, общий объем нефтегазовых запасов оценивается в 40 млн т нефти и 137 млрд кубометров природного газа¹⁵.

Для **Таджикистана** в силу географических и этноконфессиональных причин афганский фактор, пожалуй, наиболее значим. Таджикистан, наряду с другими странами ЦА, является поставщиком электроэнергии в ИРА.

На р. Пяндж Таджикистан совместно с Афганистаном намерен построить гидроэлектростанцию мощностью в 1000 МВт.

В 2007 г. на афгано-таджикской границе был построен мост, связавший афганский порт Шерхан Бандар и таджикский Нижний Пяндж. Пропускная способность моста – тысяча автомобилей в сутки. Эксплуатация моста привела к снижению зависимости Афганистана от Пакистана, откуда до недавнего времени поставлялась большая часть товаров первой необходимости¹⁶.

Таджикистан также активно участвует в совместных проектах стран, заинтересованных в восстановлении и развитии инфраструктуры Афганистана.

В частности, планируется построить железную дорогу из Таджикистана в Иран через Афганистан по маршруту Душанбе – Нижний Пяндж – Герат – Мешед.

Киргизия заинтересована в стабилизации ситуации в Афганистане, но принятие конкретных решений осложняется внутривнутриполитической нестабильностью и неспособностью власти на

нынешнем этапе брать ответственность за реализацию крупных проектов в Афганистане.

Тем не менее Бишкек также участвует в экспорте электроэнергии, стройматериалов, рабочей силы. Однако основная помощь, оказываемая властями Киргизии военной кампании в Афганистане, — это предоставление американским войскам авиабазы в аэропорту Манас.

Туркмению связывает с Афганистаном ряд совместных проектов, также нацеленных на социально-экономическое развитие ИРА.

В 2009 г. туркменская сторона выразила готовность обеспечить соединение национальной сети железных дорог Афганистана с трассами Туркмении.

Так, Ашхабад намерен за счет собственных средств проложить железнодорожную ветку от туркменского г. Атамурат до границы с Афганистаном. В дальнейшем стороны намерены строить железную дорогу внутри самого Афганистана, что обеспечит ему выход на другие страны региона¹⁷.

Туркмения готова также принять участие в разведке и освоении нефтегазовых месторождений ИРА в приграничных районах.

Туркменской стороной реконструировано свыше 300 км линий электропередачи (ЛЭП), проходящих в северных и юго-западных провинциях Афганистана. Кроме того, в настоящее время подготовлены предложения по строительству на территории Туркмении подстанций и линий электропередачи мощностью 500 кВт и протяженностью 410 км до границы с Афганистаном¹⁸.

Крупным энергетическим проектом, над которым в настоящее время ведется активная работа, является строительство транснационального газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ), протяженностью 1680 км, 735 км которого пройдет по территории ИРА.

В сентябре 2010 г. в Ашхабаде министры энергетики этих стран подписали рамочное соглашение о строительстве ТАПИ, который должен быть утвержден каждой из стран-участниц. Планируется, что поставщиками энергоресурсов для заполнения трансафганского газопровода станут Узбекистан и Казахстан.

К сожалению, приходится признать, что все эти проекты по развитию соци-

альной инфраструктуры, строительству транспортных коммуникаций между Афганистаном и странами ЦА на фоне экономического коллапса, переживаемого как ИРА, так и другими государствами региона, не имеют определяющего для Кабула эффекта. При этом восстановление энергетической сферы Афганистана сталкивается с неспособностью республик ЦА решить водно-энергетические проблемы у себя. «Недавний разрыв государствами региона единой центральноазиатской энергосистемы вряд ли будет способствовать обещанному увеличению экспорта электроэнергии из Таджикистана и Киргизии»¹⁹.

Кроме того, на фоне позитивного эффекта, который дают вышеназванные проекты стран ЦА в Афганистане, не стоит забывать о непредвиденных результатах предоставления иностранной экономической помощи.

Например, благая цель строительства дорог служит не только интересам развития страны, но и повстанцев, так как им становится легче передвигаться. Более того, те кланы и группировки, которые не получили контракты на сооружение дорог, начинают стрелять в тех, кому эти контракты достались. Именно с этим некоторые эксперты связывают распространение насилия на севере Афганистана в последние месяцы. И, наконец, когда дороги уже построены, различные группировки, пользуясь слабостью центрального правительства, устанавливают там свои контрольно-пропускные пункты и начинают собирать плату за проезд, де-факто приватизируя транспортные пути.

Выход из подобной ситуации видится в строго скоординированных действиях политического, экономического, социального и силового порядка. Иными словами, нельзя развивать экономику страны, не решив принципиальных политических и военных вопросов.

Наркоугроза как ключевой фактор дестабилизации Центральной Азии

Особую обеспокоенность ситуация в Афганистане вызывает та роль, которую играет территория ИРА в нелегальном наркотическом бизнесе, имеющем международный характер. Торговля наркотиками в этом регионе является частью общей картины нестабильности, обеспечивая доходы и транзитные маршруты как для движения «Талибан», так и для других экстремистских и просто криминальных группировок. Исходящая из Афганистана наркоугроза стала ключевым фактором, определяющим политическую и социально-экономическую ситуацию в странах ЦА и России.

В частности, как сообщил глава Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков В.Иванов: «Ежегодно объем наркотрафика через страны Центральной Азии из Афганистана составляет около 20 млрд долл., которые «инвестируются» в развитие преступности в регионе»²⁰.

Согласно докладу Международного комитета по контролю над наркотиками, «в 2010 г. количество афганских провинций, свободных от опийного мака, осталось прежним. Однако с учетом стремительного роста цен на опиум существует риск того, что афганские крестьяне увеличат площадь посевов опийного мака в 2011 г. Почти весь героин, предлагаемый на незаконном рынке наркотиков в европейских странах, поступает из Афганистана». В страны ЦА по так называемому «Северному маршруту» – через Таджикистан, Узбекистан и Туркмению – ежегодно ввозится 25% афганского героина, что составляет 95 т. В Россию наркотики (около 70 т) поступают преимущественно через Казахстан²².

Эксперты утверждают, что во второй половине 90-х годов «северный маршрут» транзита наркотиков был скорректирован. В частности, киргизский Ош уступил часть объемов таджикскому Худжанду (бывший Ленинабад), ставшему новым узловым пунктом наркотрафика. Началось объединение крими-

нальных группировок разных стран для создания транснациональных структур и раздела территорий. Второе за десятилетие серьезное изменение основных путей транзита наркотиков произошло после вторжения НАТО в Афганистан, в котором до 2001 г. промышленного производства опиатов не было вообще. Показательно, что подавляющее большинство официально изымаемых на афганской границе наркотиков приходится на Таджикистан и Киргизию. Как показывают раскрытые сети, в нелегальную торговлю и транспортировку наркотиков включены представители органов государственной власти и силовиков.

Известно, что даже в советское время, когда граница СССР, в прямом смысле была на замке, район стыка границ Ирана, Афганистана и Туркмении считался уязвимым. В настоящий момент маршрутов наркотрафика существует несколько.

«Примерно с 2003 г. активно осваивается нелегальный канал поставок через Серахс, Кушку (приграничные с Ираном поселки), Мары, Теджен, Ашхабад и порт Туркменбаши на Каспии в Азербайджан и Россию.

Другой маршрут проходит через бывший Чарджоу и далее вдоль Амударьи через Узбекистан и Казахстан в Россию.

Узбекский маршрут проходит из Термеза через Карши, Бухару, Ургенч в Нукус и далее в Казахстан и Россию». Однако большая часть наркотиков попадает в Узбекистан все-таки с территории Таджикистана.

Территория Таджикистана в силу своего геополитического положения является одним из главных направлений транзита наркотиков в страны СНГ и Европы.

Общая протяженность границы с Афганистаном составляет 1433 км. Из Афганистана в Таджикистан проложено пять-шесть основных маршрутов перемещения наркотиков, тогда как через территорию Узбекистана непосредственно

из Афганистана пролегает только один маршрут: Афганистан – Сурхандарьинская область – Ташкент – Казахстан – Россия²³.

Главный вывод из сложившейся ситуации следующий. Такие огромные потоки наркотиков возможны только через зоны слабого государства, зоны вооруженных конфликтов разной степени интенсивности, поэтому в интересах международных криминальных структур поддерживать нестабильность политических режимов стран региона. Отсюда следует вывод, что к жизненно важным интересам стран ЦА относится создание условий минимизации наркопотоков. Осуществить это лишь путем закрытия границ и усиления таможенного контроля нельзя.

Ситуация в странах ЦА непосредственным образом зависит от афганского фактора. Более того, Афганистан был, есть и в обозримой перспективе будет оставаться одним из источников угроз национальной безопасности стран региона.

Астана, Ашхабад, Бишкек, Душанбе и Ташкент, безусловно, заинтересованы в нейтрализации угроз, исходящих с территории ИРА. Однако влияние афганского фактора усугубляется сложностью внутривнутриполитических процессов в самом регионе, что ведет к неспособности взять на себя роль медиаторов и представить единый региональный подход к проблеме, а также сильнейшим влиянием США и НАТО.

Последствия вывода коалиционных сил из Афганистана во многом зависят от того, какое место бывшие советские республики готовы занять в афганском урегулировании, какие проекты сотрудничества страны ЦА готовы предложить. Но главное, готовы ли они отстаивать свой суверенитет или же будут прятаться под «американским зонтиком».

Например, изъятие наркотиков на границах составляет незначительный процент от общего тоннажа наркотрафика и не может изменить общую картину наркоугрозы.

В ближайшие годы должна быть выработана и реализована скоординированная региональная (так как один на один страны ЦА с этим не справятся) программа комплексного развития Афганистана и модернизации других государств региона. Она должна включать культурно-образовательные, информационные, социально-экономические, политические и силовые меры.

Только в этом случае можно будет стабилизировать ситуацию в регионе в целом.

Примечания

¹ Ташкентский взгляд на афганское будущее. URL: <http://afghanistan.ru/doc/18602.html>

² Кузнецов А. Равнение на ШОС. Почему Соединенные Штаты проиграли афганскую партию? Однако. 2011. 24 (88).

³ Гуткин М. Насколько центральна Центральная Азия? URL: <http://www.voanews.com/russian/news/MG-Central-Asia-2010-11-01-106491349.html>

⁴ Kenneth S. Dowd. Theater Logistician. Military Logistics Forum. 2009. Vol. 3. № 7. P. 21–23. URL: <http://kmimediagroup.com/files/MLF%203-7final.pdf>

⁵ Cooley A. The Afghanistanization of Central Asia // Eurasianet. 2009. December 10. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eavl21109a.shtml>; Узбекистан: реальный вклад в восстановление Афганистана. URL: http://mfa.uz/rus/prensa_i_media_servis/news/080510r_2.mgr

⁶ Парамонов В. Крайне важно, чтобы в Астане понимали, что военного решения афганской проблемы не было и нет. URL: <http://ceasia.ru>

- ⁷ *Парамонов В.* Узбекистан – гарант безопасности и стабильности Центральной Азии. URL: <http://www.ceasia.ru>.
- ⁸ НАТО готовит интервенцию в Центральную Азию. Независимая газета. 2011. 22 июня.
- ⁹ *Гуревич В.* «Мягкое подбрюшье» России и политика Вашингтона. Центр стратегический оценок и прогнозов. URL: <http://www.csef.ru>.
- ¹⁰ *Обама Б.* США начинают вывод войск из Афганистана с позиции силы. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/20348.html%20%202023.06.2011>.
- ¹¹ <http://www.ca-news.org/news/386091>
- ¹² Торгово-экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и ИРА // Министерство внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан URL: <http://www.mfer.uz>.
- ¹³ *Дэйд М.* Казахстан формулирует европейскую стратегию для Афганистана. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/17772.html>
- ¹⁴ *Верхотуров Д.* Помощь Афганистану выводит Казахстан в лидеры. URL: www.afghanistan.ru/doc/12034.html.
- ¹⁵ *Уминов А.Ю.* Афганистан: проблемы и перспективы. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/28-10-10.htm>
- ¹⁶ *Нессар О.* Таджикистан становится ключевым звеном в «северном транзитном коридоре». URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/13855.html>; Афганистан и Таджикистан договорились построить новую гидроэлектростанцию. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/9587.html>
- ¹⁷ Туркмения построит газопровод, железную дорогу и ДЭП в Афганистан. URL: www.regnum.ru.
- ¹⁸ *Ташимов Т.* Коридор до востребования. URL: www.expert.ru
- ¹⁹ *Olcott M.B.* Central Asia: Living in Afghanistan's shadow // Norwegian Peacebuilding Centre. 2009. № 1. Р. 4–5.
- ²⁰ ИТАР-ТАСС. 2011. 24 марта.
- ²¹ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2010 год. Нью-Йорк, 2011. С. 113, 136.
- ²² Всемирный доклад о наркотиках. 2010 год. URL: www.un.org.
- ²³ *Князев А.А.* Опиум для народов. 2020. № 12 (28).
- ²⁴ Информационный бюллетень о наркоситуации. Центральноазиатский регион. OSCE, 2004. С. 49.

Перспективы экономики Катара

Эльдар Касаев

Катарская экономика стремительно растет на протяжении последних лет, а ее «локомотивом» стала газовая отрасль, и прежде всего производство сжиженного природного газа (СПГ), доходы от экспорта которого постоянно пополняют казну эмирата.

Набранный Катаром темп и расширение его газовых амбиций будут продолжаться еще, по крайней мере, до 2030 г., как запланировано в долгосрочной государственной программе экономического развития «Национальное Видение -2030». Более того, подсчитано, что даже если эмират не станет увеличивать объемы добычи голубого топлива, то даже при всех возможных зигзагах газового рынка можно обеспечить минимум на 85–87 лет гарантированно высокие экспортные поступления.

Именно высокие финансовые ресурсы, обусловленные экспортом СПГ, позволяют Катару осуществлять надежное финансирование крупномасштабных проектов по созданию инфраструктуры и недвижимости в самом эмирате.

Так, благодаря крупным финансовым вливаниям можно использовать больше иностранных рабочих (в основном из стран Юго-Восточной Азии), что, в свою очередь, повышает спрос на те же объекты инфраструктуры.

Речь идет о «строительном буме», при котором в Катаре проектируются и строятся электростанции, заводы по опреснению воды, автодороги к новым районам, плотина и так называемая мостовая дорога над водами в соседний Бахрейн, современная железнодорожная сеть.

Еще одним несомненным плюсом, который позволяет Катару рассчитывать на поступательное развитие внутриэкономических проектов, является тот факт, что не так давно был принят ряд новых законов, расширяющих права иностранных инвесторов в эмирате.

В частности, отменены ограничения для иностранцев, которых одно время держали подальше от зон свободной торговли, а теперь они обладают правом иметь более чем 49% в бизнес-консалтинге, сфере инженерных технологий, в развлекательном и спортивном секторах.

КАСАЕВ Эльдар Османович – соискатель МГИМО(У) МИД России. E-mail: eldar_karach@mail.ru

Ключевые слова: Катар, Персидский залив, ССАГПЗ, экономика, газ, бизнес.

При этом юридически установлен минимальный порог инвестиций в 100 тыс. евро.

Несмотря на амбиции Катара завоевать в долгосрочной перспективе прочные позиции на различных газовых рынках, независимо от уровня добычи и его стоимости, власти эмирата, осознавая, что газодоллары не вечны, делают одним из условий экономической реформы диверсификацию.

Прогрессивные планы

В этой связи ставится новая перспективная задача – снизить сегодняшний показатель получения доходов (более 90% бюджета составляет прибыль от продажи газа и нефти) к 2015 г. на 25%. Одним из приоритетных направлений с учетом прогнозов на будущее катарцами называется сфера финансовых услуг.

Согласно последним официальным данным, в банковском и страховом секторе в настоящее время сосредоточено около 8,3% ВВП*. По итогам 2011 г. планируется порядка 17–20%. Насколько эти ожидания оправдаются, покажет время.

Кроме того, к 2012 г. в нефтехимической промышленности, по заявлению министра энергетики и промышленности Катара М.Сады, производственная мощность будет доведена до 18 млн т, что позволит стране войти в число мировых лидеров в области нефтехимических производств.

В частности, это производство этилена и полиэтилена «Катарской нефтехимической компанией», которая еще год назад приступила к реализации рассчитанной до 2030 г. программы развития стоимостью 700 млн долл.

Так, в промышленном городе Месаид с первоначальным капиталом в 220 млн долл. ведутся работы (проектные отметки планируется достичь в 2011 г.).

Также в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского

залива (ССАГПЗ) Катаром создается крупнейшее в регионе предприятие «Каталюм» по производству алюминия (производственная мощность – 585 тыс. т, при необходимости она может быть доведена до 1,2 млн т в год). С выходом предприятия на проектную отметку ожидается повышение национального ВВП примерно на 1,5 млрд долл. и значительное ускорение темпов диверсификации экономики страны.

Стоит заметить, что к началу 2010 г. предприятие уже выпустило первую партию алюминиевого литья, которая была поставлена в Индию, что ознаменовало начало «алюминиевой эры» в катарском экспорте. Основными рынками сбыта продукции будут, как ожидается, страны ССАГПЗ, региона Ближнего Востока, Азии, государства Северной Америки.

В планах компании «Катар стил», являющейся первой интегрированной сталепроизводящей компанией в Персидском заливе, значится удвоение ежегодного производства продукции до 1,4 млн т к 2012 г. Сделать это предполагается при помощи ряда западноевропейских фирм, в частности, австрийской компании «Интеко», договор о сотрудничестве с которой был подписан в Вене 25 января 2010 г. Эта компания, известная на протяжении многих десятилетий своими проектами для металлургических заводов в России, Китае и ЕС, обязалась провести модернизацию су-

* Здесь и далее приводятся данные, полученные автором в Катарском управлении статистики.

существующих сталеплавильных цехов эмирата. При этом ввод в эксплуатацию новых мощностей запланирован на четвертый квартал 2011 г.

Кроме того, «Катар стил» выбрала подразделение «Технологии для металлургии» компании «Сименс ВАИ» в качестве поставщика технологического оборудования для нового сталелитейного завода в Месаиде, на котором планируется ежегодно выпускать около 1,1 млн т заготовок (изначально производительность заказанных плавильных печей составляла лишь 95 т). Ввод в эксплуатацию намечен на первый квартал 2013 г.

Строительство нового завода вызвано необходимостью удовлетворить растущий спрос на конструкционную сталь в регионе Персидского залива и обеспечить реализацию проектов развития инфраструктуры в Катаре. На новое предприятие «Сименс ВАИ» поставит 110-тонную ЭДП* и 110-тонную печь-ковш, шестиручьевую машину непрерывного литья заготовок и вспомогательные системы, включая установку пылеулавливания для снижения выбросов в окружающую среду. Отличительной особенностью нового завода будет низкое потребление электроэнергии и других ресурсов, а также малый расход

запчастей, например электродов.

Примечательно, что немецкие производители стальных труб, которые ввозятся в Катар из ФРГ, испытывают определенное беспокойство в связи с тем, что Катар собирается наладить производство данного вида продукции.

«Стальная лихорадка», в последнее время охватившая эмират, объясняется благоприятными прогнозами в сфере строительства, где необходимы особые сорта и профили стали для модернизации и расширения международного аэропорта в Дохе.

В 2012 г. планируется завершить данный масштабный проект, что означает потенциальное обслуживание 50 млн пассажиров в год по сравнению с 13 млн в настоящее время.

Еще одной приоритетной целью эмирата является увеличение доли туристов. В планах катарской стороны – 20%-ное увеличение их численности в ближайшие 5 лет. Для этого предусмотрено вложить в инфраструктуру туризма 17 млрд долл. инвестиций. Эти средства будут потрачены, в частности, на строительство 101 отеля (причем количество гостиничных номеров и меблированных квартир с 6 тыс. уже в 2012 г. вырастет почти до 30 тыс.).

Инвестиционные тенденции

Катар продолжает вкладывать собственные финансовые средства в перспективные зарубежные проекты.

В результате – общие капиталовложения эмирата в других странах в 2010 г. составили, по оценкам катарского статистического ведомства, 23–25 млрд долл.

К наиболее крупным инвестиционным вложениям можно отнести следующие.

По итогам 2010 г., Катаром было вложено 5 млрд долл. в экономику Малай-

зии (прежде всего в энергетический сектор и недвижимость).

Помимо этого у Китая был приобретен пакет акций Китайского инвестиционного сельхозбанка на сумму 2,8 млрд долл.; у Бразилии – 5% акций банка «Сантандер» на сумму 2,7 млрд долл.; у Великобритании – торговый центр «Херродз» за 2,3 млрд долл., а также профинансировано строительство небоскреба «Парк хауз» в Лондоне стоимостью

* ЭДП – электро-дуговая печь.

380 млн долл.; у США – кинокомпания «Мирамакс» за 663 млн долл., а также принадлежавшая правительству США доля акций в компании «Дженерал Моторс»; у Швейцарии – горный курорт «Бургенштук» за 395 млн долл. у Египта – крупнейший в Каире отель «Форсизонз Гиза» вместе с торговым центром «Ферст Молл» общей стоимостью 250 млн долл.

Государственный фонд «Катар Фаундейшн» заключил пятилетний спонсорский контракт с футбольным клубом «Барселона» на сумму 166 млн евро.

В 2010 г. Катар также осуществил вложения в развитие экономики Саудовской Аравии, Судана, Аргентины, Уругвая и некоторых других стран.

В ближайшем будущем Доха намерена инвестировать в экономику Германии весьма солидные денежные ресурсы. Инвестиции будут направлены прежде всего в сектор IT-технологий, а также в крупные, средние и малые немецкие предприятия.

Катар уже владеет акциями компаний «Порше» (10%) и «Фольксваген» (17%).

В декабре 2010 г. эмират еще более расширил свое присутствие в Германии, объявив о том, что государственная компания «Катар Холдинг» приобрела 9,1% акций крупной немецкой строительной компании «Хохтиф» за 534 млн долл., чтобы спасти ее от поглощения испанской строительной компанией ACS.

В результате этого немецкие предприятия, ориентированные преимущественно на европейский рынок, получают возможность расширить круг клиентов. В частности, «Хохтиф» сможет принять участие в строительстве спортивных и инфраструктурных объектов в Катаре к чемпионату мира по футболу 2022 г.

В 2011 г. государственный инвестиционный холдинг «Катар Холдинг» заключил соглашение с испанским предприятием «Ибердрола»* о покупке 6,16% его общих активов. Сумма сделки, направленной на укрепление баланса и избежание увеличения финансового долга испанской компании (чистая задолженность – 24 млрд евро), составила 3 млрд долл.

По сообщению катарских источников, компании будут совместно искать возможности по долгосрочному развитию энергетического бизнеса на рынках развивающихся стран.

Минувшей весной в Нью-Йорке при поддержке катарской государственной компанией по недвижимости «Катари Диар»** состоялся инвестиционный форум, в котором приняли участие порядка 1,5 тыс. чел.

Среди них были: премьер-министр, министр иностранных дел Катара Х.бен Джасем, министр энергетики и промышленности Катара М.Сада, министр экономики и финансов Катара Ю.Камаль, заместитель министра энергетики США Д.Понеман, президент компании «Коноко Филлипс Катар» Э.Исааксон, председатель совета директоров компании «Эксон Мобил» Р.Тиллерсон, а также многие другие высокопоставленные лица Катара и США.

Целью данного масштабного мероприятия стала активизация инвестиций Вашингтона в экономику эмирата. По подсчетам местных специалистов, в ближайшие 10 лет Катару потребуются порядка 170 млрд долл. на реализацию намеченных крупных проектов: прокладки метро, железной дороги и создания сопутствующей инфраструктуры; завершение проекта модернизации международного аэропорта в Дохе; строительство нового морского порта.

* Указанный испанский холдинг работает в сфере энергетики, газа, телекоммуникаций, недвижимости и строительства.

** Дочерняя компания Катарского управления по инвестициям (КУИ).

Присутствие катарского бизнеса на территории США весьма солидно.

Так, американское отделение «Катар Петролеум» (доля в проекте – 70%) совместно с «Эксон Мобил» (17,6%) и «Коноко Филипс» (12,4%) инвестировало в строительство СПГ-терминала «Голден Пасс», поставки на который катарского газа начались в октябре 2010 г. и, как запланировано, продолжатся в течение 25 лет.

Данное сооружение мощностью 15,6 млн т СПГ в год является крупнейшим разжижающим терминалом в Америке, имеющим две пристани для танкеров, пять резервуаров для хранения СПГ и два завода по выпариванию СПГ. Терминал будет принимать углеводороды с двух катарских заводов по производству СПГ – «Катаргаз-3» и «Расгаз-3».

Несмотря на то что «Голден Пасс» уже начал действовать, его официальное открытие состоялось в рамках нью-йоркского форума, на котором катарский министр М.Сада заявил, что строительство и запуск данного терминала наглядно подтверждает намерение Дохи не только осуществлять поставки топлива в США, но и инвестировать в строительство соответствующей инфраструктуры.

В свою очередь, американцы особо отмечали следующие области для возможного выгодного вложения финансовых ресурсов США в экономику Катара: информационно-коммуникационные технологии, средства массовой информации, недвижимость, здравоохранение, культуру, спорт, туризм.

Эффективным результатом двухдневного мероприятия стало подписание Катаром и США четырех крупных сделок, среди которых:

- договор авиакомпании «Катар Эйрвэйз» о покупке 5 американских «Боингов» на сумму 1,3 млрд долл;

- договор об инвестировании 700 млн долл. государственной компанией «Катари Диар» в строительство микрорайона «Сити-Центр Д.С.» в Вашингтоне, включающего в себя жилые здания, офисные сооружения и гостиницы;

- пятилетний контракт между компаниями «Катари Диар» и «Катар Рейлвейз» (дочернее предприятие «Катари Диар»), с одной стороны, и американскими фирмами «Парсонс Интернешнл» и «Аэком» – с другой, на строительство линии легкого метро городе-спутнике Дохи Лусайле, возведение которого ведется в настоящее время.

Протяженность легкого метро, по словам представителей специально созданной на базе «Катари Диар» компании «Лусайл Риал Эстейт Инвестмент Компани», должна составить порядка 30 км;

- соглашение между катарским Управлением по общественным работам «Ашгаль» и американской «Парсонс Интернешнл» на строительство двух автомагистралей в Катаре.

В июле с. г. «Катари Диар» официально объявила о покупке морского порта «Таррако Марина» в северо-восточной части Испании. Сделку осуществила ее дочерняя компания «Катари Диар Марина Таррагона».

Таким образом, пользуясь серьезными финансовыми трудностями, с которыми столкнулись крупные иностранные компании стран Евросоюза и США, попавшие в сложную ситуацию из-за кризиса, Катар «по дешевке» скупает весьма внушительные процентные доли их активов. Это дает возможность Дохе не только делать выгодные вложения на будущее, но и благодаря сотрудничеству с иностранными «игроками» непосредственно закрепить и наладить контакты на новых рынках.

Судя по всему, подобная линия Дохи сохранится и в будущем. Имея постоянно растущие доходы от экспорта СПГ, страна намерена вкладывать крупные финансовые средства за рубежом, поскольку внутри самого Катара инвестиционный потенциал практически исчерпан ввиду малых размеров территории страны и численности ее населения.

Более того, объем государственного резервного фонда Катара, по итогам 2010 г., достиг порядка 110 млрд долл., что позволяет эмирату и дальше сохранять

высокие темпы вложения финансовых ресурсов в крупные международные проекты, а также покупку долей в зарубежных компаниях и иностранных активов.

В заключение стоит отметить, что, невзирая на экономическую политику диверсификации, усилия Катара уменьшить зависимость государственного бюджета от экспорта голубого топлива пока не дают ощутимых результатов, особенно в пост-кризисный период. Газовый бизнес до сих пор остается двигателем роста местной экономики, и темпы развития остальной промышленности и инвестиционной деятельности по-прежнему определяются состоянием именно углеводородной отрасли*.

Думается, что такой сценарий вполне обоснован, поскольку, учитывая нынешнюю напряженную обстановку на Ближнем Востоке, и, как следствие, резкую турбулентность сырьевых цен на региональных рынках, «газовая доминанта» позволит эмирату существенно приумножить собственное благосостояние за счет технологических возможностей бесперебойного экспорта СПГ в различные точки земного шара по максимально высокой стоимости.

* Несколько новых крупных установок по сжижению природного газа будут введены в эксплуатацию в течение ближайших двух лет, что приведет к 80%-ному увеличению объемов добычи и переработки топлива.

Другие газовые проекты (общей стоимостью свыше 96 млрд долл.) включают в себя расширение уже имеющихся месторождений и перерабатывающих производств на участке Аль-Шахин и на полях Барзана.

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Topical problems of the prevention of the threat of nuclear terrorism 6

V. Zhuravel

Terrorism becomes a lasting and dangerous factor of social life. It remains the biggest threat to humanity during the XXI Century. Statistics and geography of terrorist manifestations of the latest period testify to it. The complexity of these processes is ostensibly visible in Russia, especially in the Northern Caucasus. A particular feature of modern terrorism is a possibility of using mass destruction weapons including nuclear. The article shows specific features of the nuclear terrorism and analyses situations which can lead to its use. In conclusion a complex of measures to combat nuclear terrorism is proposed.

Key words: Modern terrorism, strategy and tactics of terrorists, Russia, the Northern Caucasus.

About the author: **ZHURAVEL Valery** – Member of Advisory Council of Committee on Security State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, PhD of pedagogical sciences, senior lecturer, winner of award "Journalists against terror 2008".

Functions, Stages and Models of Formation of System of Mutual Relations of the Power and Business in Modern Russia 15

A. Zuev

Research of political aspects of mutual relations of the state and business in Russia, is important, as from the point of view of state development, and forward development of business in the country. It is necessary to notice that business in Russia has resulted from carrying out by the state of radical liberal reforms. Last years it has turned in the independent subject not only economic and social, but also political life of the country that has generated an important political problem of the coordination of interests of business and the state.

Now change of a format of the coordination of interests in mutual relations of the state and business objectively narrows possibilities of access of business structures to decision-making mechanisms.

Key words: business, business structures, business functions, relations of the state and business, social partnership.

About the author: **ZUEV Artem Vjacheslavovich** – the senior teacher of Institute of communication management of NIU HSE, the competitor of Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences.

"Economic centrism" in the structure of the Russian liberal thinking

22

A. Matiuhin

The article analyzes the Marxist sources of the "economic centrism" approach in modern social studies. The author points out, that the ideologists of market reforms in the modern Russian Federation have actually been outright representatives of dogmatic Marxism. Marxist methodology in the structure of modern Russian liberal thinking has closely intertwined with some stereotypes of political thinking - a set of the liberal stamps which have gained the status of "sacred dogmas".

Key words: Economic centrism, ideology, doctrines, Marxism, liberalism.

About the author: **MATIUHIN Andrey Viktorovich** – Doctor of political sciences, head of the department of philosophy and history Moscow financial-industrial university "Synergy".

The peasant question as factor of the Russian reforms and revolutions: On total of the first session of the theoretical seminar "The Peasant Question in the national and world history"

30

P. Marchenya, S. Razin

The first session of the seminar of the Centre for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and of the Scientific Project "People and Power: the History of Russia and its Falsifications" was devoted to reports of "Law and Justice: Alternatives Strategies of Agrarian Reforms in Pre-Revolutionary Russia" (A. N. Medushevsky) and "The Second Russian strife: tricky answer to unfound agrarian question" (D. I. Lyukshin). Original interpretations of agrarian conflict provide new arguments for understanding of causes and impacts of reforms in Russian transitional society.

Key words: Peasantry, Peasant Studies, peasant question, agrarian question, legal dualism, moral economy, Russian strife, revolution, reform.

About the authors: **MARCHENYA Pavel** – candidate of History, associate professor of Moscow University of the Ministry of Interior of Russia; associate professor of Russian State University for the Humanities; author/coauthor and editor of the Scientific Project "People and Power: the History of Russia and its Falsifications";

RAZIN Sergei – associate professor of Institute for the Humanities and Arts and Informational Technologies; author/coauthor and coordinator of the Scientific Project "People and Power: the History of Russia and its Falsifications".

Features of political strike in Russia at the present stage

45

A. Borshch

In article electoral system improvement in the Russian Federation, amendments to acts the Russian Federation connected with elections in Federal Meeting of the Russian Federation is considered, features of political strike in Russia at the present stage, and also illumination of elections in Russia in mass-media, carrying out of TV disputes, propagation, PR, information-propaganda campaigns and abroad are given.

Key words: political strike, TV disputes, electoral system, the international observer, multi-party system, youth branches.

About the author: **BORSHCH Alexander Alexandrovich** – candidate of legal sciences.

Russian language on the Postsoviet Area

58

V. Egorov, S. Boltovskoy

The article reveals the essence of one of the most important components of the integration process in the former USSR - the preservation and development of the Russian language. The problem of the functional space of the Russian language is given in the context of the geopolitical interests of the Russian Federation, by virtue of the new world situation, get a unique opportunity for the reintegration of the region.

Key words: functional space of the Russian language, Russian socio-cultural impact, the post-Soviet space, Russia's geopolitical interests and reintegration.

About the authors: **EGOROV Vladimir Georgievich** – the doctor of historical sciences, the professor, managing faculty of Political Science and Law MGOU, first deputy-director of Institute of Commonwealth of Independent States;

BOLTOVSKOY Stanislav Olegovich – candidate Department of Political Science and Law MGOU.

Problems of higher education in modern Russia

66

S. Rybakov

Increasing of competitiveness of the country in the international arena depends on the dynamic development of the education system. The Russian leadership understands that there is a need to improve the qualitative characteristics of the higher school. It is important to optimize the total number of higher educational institutions, to ensure the integration of higher education with science, accelerate the formation of the "University of the New Generation". The first practical steps in this direction have already been made. But in Russian higher educational institutions there are still many problems that have arisen as a result of not being too successful reforms carried out in the sphere of education.

Key words: competitiveness, higher education, reforms in an education sphere, Bolonsky process, credit-modular system.

About the author: **RYBAKOV Sergey Vladimirovich** – the doctor of historical sciences, the professor of the Ural federal university (Ekaterinburg).

Problems of modernization of system of ecological formation in Russia

78

N. Guseva

Modernization of system of vocational training in Russia in the XXI-st century beginning, as one of the major directions provides perfection of efficiency of formation of system of preservation of the environment and creation of the mechanisms providing complex and rational use of natural resources. Therefore strategically important for Russia, first of all, carrying out of the strong state educational policy directed on smoothing of distinctions in level of high school formation in the Russian Federation, and a priority - improvement of conditions and quality of formation that becomes possible with the beginning of steady growth of national economy and transition of the country to sustainable development strategy in which the important place is taken away to ecological formation now is.

Transition to new educational mechanisms consists in a combination of political, pedagogical, legal and ecological principles. Therefore and in connection with considerable increase of attention to problems of formation and ecology the given work is actual. It is devoted consideration and the complex analysis of processes of formation and realization of modern system of ecological formation in the Russian Federation.

Key words: the Russian Federation, the higher vocational training, ecological formation, state standards.

About the author: **GUSEVA Nadezhda Alekseevna** – the candidate of political sciences, the dean of Krasnogorsky state college.

Russia - Ukraine: twenty years apart, what next?

85

I. Shishkin

The article is dedicated to complicated issues of Russian-Ukrainian relations in the post-Soviet period.

The author aims to sum up the results of the 20 years of Ukrainian independence. He analyses the reasons for anti-Russian policies of Ukrainian authorities, growth of activities of nationalist organizations, embellishment of Nazi collaborators, initiation of Ukrainian schisms, the problem of the status of the Russian language in Ukraine etc.

Key words: Eurasian Union, Russia, Ukraine, relations, policy.

About the author: **SHISHKIN Igor S.** – the Deputy Director of the Institute of CIS countries, Professor of the Russian State University of Trade and Economics.

Management problems investment process

92

L. Romanova

Object of research of given article are management problems investment process in the politician of the state, formation favorable "an investment climate" and working out as a whole the system strategy directed on attraction of internal and external capitals.

Key words: economic, an investment stream, the investment policy of state.

About the author: **ROMANOVA Ljudmila Andreevna** – Ph.D (Economics), assistant professor, deputy of Head of the Economics chair MGIMO-University of Ministry of Foreign Affairs of Russia.

International Law on the NATO's manner

101

V. Galitskiy

The article is devoted to the questions of legislative regulation of internal armed conflict in Libya, attitude of Russia to this aggression.

Key words: war, internal armed conflict, armed conflict, the right of war, international (political and legislative) mechanism of regulating inner armed conflict.

About the author: **GALITSKIY Vladimir Prokhorovich** – Member of the Academy of Military Sciences, Doctor of Law, Professor.

Afghan factor in the policy of Central Asian countries

109

E. Ponomareva, G. Rudov

Afghanistan has been and in the nearest perspective will remain the most important a considerable factor of the world politics. The countries that are prone to its influence most of all are those of Central Asia. The national security of the countries in the region directly depends on the solution of the Afghan crisis by political, economic and coercive means. The article analyzes the main manifestations of the Afghan factor - social and political instability, extremism, drug traffic, transnational crime, as well as ways and methods of its neutralization by the governments of Central Asian states.

Key words: Central Asia, Afghan factor, regional security, political settlement, economic cooperation, drug threat.

About the authors: **PONOMAREVA Elena G.** – doctor of political science, professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

RUDOV Georgij A. – doctor of political science, professor, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E. Kasaev

In analyzing the current status of major economic spheres of the State of Qatar the author gives interesting statistics, also describes the investment policy of this country and in the result comes to several conclusions about the prospects of economic development of the emirate.

Key words: Qatar, Persian Gulf, GCC, economy, gas, business.

About the author: **KASAEV Eldar** – an International Lawyer, is seeking the PhD at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@ru.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кб. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.
Интернет-издание, компьютерное обеспечение,
маркетинг, реализация, реклама
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

Е-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 11.11.2011. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8.0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 199.